

ИЗВѢСТІЯ

Туркестанскаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества.

Томъ XI. Вып. 2, часть I.

1915 г.

Подъ редакціей секретаря А. В. Панкова.

Кузнецовъ П. Е. О таджикахъ Наманганскаго уѣзда.
Его же. Сравнительный грамматическій очеркъ
таджикскаго и сартовскаго нарѣчій.

Шнитниковъ Вл. Н. Поѣздка по Семирѣчью. — Джаргент-
скій и Пржевальскій уѣзды (съ 10 фототипіями).

Некрологъ 1914 г.

Научная хроника Туркестана 1914—1915 г.

ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографія В. М. Ильина.
1915.

Поѣздки по Семирѣчью.

Джаркентскій и Пржевальскій уѣзды.

Вл. Н. Шнитникова.

Лѣтомъ 1912 года мнѣ пришлось, по должности начальника почвенно-ботанической экспедиціи Переселенческаго Управленія въ Семирѣчѣ, сдѣлать большую поѣздку по этой области, причемъ мы посѣтили такіе уголки, гдѣ до этого года изъ иностранныхъ путешественниковъ былъ лишь профессоръ Мерцбахеръ, изъ русскихъ же не былъ ни одинъ человекъ, не исключая даже представителей мѣстной администраціи.

Почвенно-ботаническія экспедиціи Переселенческаго Управленія, снаряжаемыя съ цѣлью обследованія колонизируемыхъ районовъ, формируются обыкновенно изъ приглашаемыхъ специалистовъ—ботаника и почвовѣда съ помощниками, подъ общимъ руководствомъ агронома—производителя работъ Переселенческаго Управленія. Въ нашей экспедиціи приняли участіе: въ качествѣ ботаника—профессоръ томскаго университета В. В. Сапожниковъ, въ качествѣ почвовѣда—А. И. Безсоновъ, помощника ботаника—ученикъ П. Н. Крылова и В. В. Сапожникова, врачъ, Б. К. Шишкинъ и помощника почвовѣда—преподаватель екатеринославскаго горнаго института Г. Ф. Буровъ. Благодаря счастливой случайности, экспедиція оказалась въ благопріятныхъ условіяхъ со стороны медицинской помощи, такъ какъ одинъ изъ ея участниковъ, Б. К. Шишкинъ, будучи по образованію врачомъ, любезно принялъ на себя обязанности экспедиціоннаго доктора. И въ этой роли ему временами приходилось не мало поработать, такъ какъ къ нему обращались не только служащіе въ экспедиціонномъ отрядѣ, но и посторонніе киргизы, которые, вообще, любятъ лечиться. Составъ

служащихъ экспедиціи, конечно, болѣе или менѣе мѣнялся въ зависимости отъ обстоятельствъ, но объ одномъ изъ этихъ служащихъ я нахожу нѣлишнимъ упомянуть особо. Это—киргизъ Тургенской вол., Пржевальскаго уѣзда Кудакельды Кылдаевъ, ѣздившій съ нами въ качествѣ главнаго проводника. Высокаго роста, атлетическаго сложенія, Кудакельды какъ нельзя болѣе приспособленъ для той роли, которую онъ исполнялъ въ нашемъ караванѣ, причемъ особенно цѣненъ онъ бываетъ въ трудныхъ и опасныхъ мѣстахъ, гдѣ нужны не только знаніе дороги, но особенно напряженный трудъ, находчивость, смѣлость и распорядительность. Будучи, кромѣ того, хорошимъ охотникомъ за звѣремъ и превосходно зная весь свой уѣздъ, Кудакельды является весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для всякаго, кто имѣетъ цѣлью поѣздку въ мало посѣщаемыя и трудно доступныя мѣста Пржевальскаго уѣзда. И не даромъ цѣлый рядъ экспедицій (Мерибахера, Алмаши, принца Баварскаго, профессора Сапожникова 90 года и другія) пользовались его услугами въ качествѣ охотника и проводника.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что всѣ, вообще, служащіе, которыхъ мы наняли въ Пржевальскомъ уѣздѣ изъ мѣстныхъ кара-киргизъ, оказались во всѣхъ отношеніяхъ прекрасными, и мы много разъ имѣли случай убѣдиться, насколько они превосходятъ смѣлостью, выносливостью, сообразительностью и прилежаніемъ лѣнивыхъ и трусливыхъ обитателей сѣверной части области—киргизъ-казаковъ, изъ числа которыхъ у насъ въ караванѣ тоже было нѣсколько человѣкъ, продѣлавшихъ всю экспедицію. И не даромъ кара-киргизы съ искреннимъ презрѣніемъ смотрятъ на киргизъ-казаковъ, какъ это было и въ нашемъ караванѣ, гдѣ изъ всѣхъ служащихъ послѣдней категоріи кара-киргизы относились съ нѣкоторымъ уваженіемъ только къ одному, котораго они отличали за его трудолюбіе и расторопность.

Переходя теперь къ описанію работъ экспедиціи, замѣчу, что болѣе или менѣе подробно коснусь только той части маршрута, которая лежала въ районѣ, намѣченномъ для обслѣдованія, лишь вскользь упомянувъ о пути экспедиціи до начала намѣченныхъ работъ и послѣ завершенія таковыхъ.

Районъ же этотъ опредѣлился въ слѣдующемъ видѣ: 1) пространство между р. Чарыномъ, р. Или, китайскою границею и Кетменскими горами, въ Джаркентскомъ уѣздѣ; 2) Каркаринское плато въ Джаркентскомъ уѣздѣ,

и 3) такъ называемые «сырты» Пржевальскаго уѣзда. Такимъ образомъ, границы района обслѣдованія приблизительно таковы: р. Чарынъ, начиная отъ поворота ея на сѣверъ, р. Или, китайская граница и р. Сарджасть. Районъ этотъ обнимаетъ площадь около двухъ милліоновъ десятинъ, такъ что само собою понятно, что работы экспедиціи не могли имѣть характера детальнаго обслѣдованія и относятся къ категоріи обслѣдованій рекгносцировочныхъ.

При этомъ, особое вниманіе я имѣю въ виду удѣлить той части обслѣдованнаго района, которая до нашей поѣздки туда, была почти совершенно неизслѣдована и почти никѣмъ непосѣщена, т. е. — бассейну лѣвыхъ притоковъ р. Сарджасть.

Согласно постановленію мѣстнаго совѣщанія, предшествовавшаго выѣзду экспедиціи изъ Вѣрнаго, сборнымъ пунктомъ для участниковъ экспедиціи передъ началомъ работъ была назначена Каркаринская ярмарка, куда всѣ участники должны были съѣхаться 22-го іюня и гдѣ предполагалась совмѣстная детальная разработка дальнѣйшаго пути въ предѣлахъ Джаркентскаго уѣзда. До мѣста ярмарки участники экспедиціи должны были ѣхать порознь, тѣми путями, которые каждый найдетъ для себя наиболѣе интересными или удобными, въ дальнѣйшемъ же предполагалась также возможность самостоятельнаго движенія отдѣльныхъ частей экспедиціи, но при условіи слѣдованія по одному и тому же маршруту и постоянной связи другъ съ другомъ.

Этотъ планъ былъ соблюденъ въ первой половинѣ пути, при отправленіи же экспедиціи на сырты Пржевальскаго уѣзда, въ мѣста совершенно неизвѣстныя, безъ мѣстнаго населенія и трудно доступныя, я нашелъ нежелательнымъ и рискованнымъ дробленіе отряда на мелкія части, такъ какъ въ случаѣ какой-либо опасности могла оказаться совершенно необходимой наличность большого количества рабочихъ рукъ.

Дѣйствительность подтвердила вѣрность моего рѣшенія, основаннаго, кромѣ указанныхъ, еще и на томъ соображеніи, что въ распоряженіи экспедиціи имѣлся только одинъ знающій проводникъ, упомянутый выше Кудакельды.

Такимъ образомъ, за весь рабочій переѣздъ экспедиція двигалась нижеслѣдующимъ порядкомъ: до Каркары ботаническая часть экспедиціи, въ

составъ профессора В. В. Сапожникова и Б. К. Шишкина прошла вьючнымъ способомъ изъ сел. Тургенъ (Михайловское) черезъ уроч. Ассы, Дженишке, Джаланашскую долину и Учъ-Мерке.

А. И. Безсоновъ и Г. Ф. Буровъ прошли вслѣдъ за ботаниками приблизительно тѣмъ же путемъ и тѣмъ же способомъ, но съ меньшею быстротою, такъ какъ взятіе почвенныхъ образцовъ требуетъ болѣе продолжительныхъ остановокъ въ пути, чѣмъ собираніе ботаническихъ матеріаловъ. Наконецъ, я проѣхалъ на колесахъ по тракту черезъ Михайловское, Иссыкъ, Маловодное, Чиликъ, Байсеитъ, и оттуда по новой, еще не окончательно разработанной дорогѣ въ станицу Джаланашскую, откуда по крайне тяжелому верховому пути черезъ р. Мерке, но на той же телѣгѣ, съ большими трудностями выбрался на Каркаринскую долину какъ разъ къ назначенному для сбора дню. За нѣсколько минутъ до меня пріѣхали А. И. Безсоновъ и Г. Ф. Буровъ. В. В. Сапожниковъ же, какъ оказалось, успѣлъ прибыть за два дня до насъ. Маршрутъ первой половины экспедиціи опредѣлился для отдѣльныхъ участниковъ такимъ образомъ: ботаники проѣхали съ Каркары по тракту черезъ Кегень, р. Темерликъ, Чушонай, Подгорное, Чунджу на Дубунъ, съ экскурсіей изъ Чунджи на Чарынъ и стоянкой въ сторонѣ отъ Подгорнаго въ лѣсу; почвовѣды прошли тѣмъ-же путемъ на Подгорное и оттуда черезъ Б. Аксу на Дубунъ; я проѣхалъ тѣмъ же путемъ какъ почвовѣды, и въ Дубунѣ экспедиція собралась въ полномъ составѣ, причемъ отсюда были сдѣланы экскурсіи къ берегамъ рѣки Или.

Изъ Дубуна до Кетменя путь только одинъ, по которому и проѣхали всѣ участники экспедиціи, отъ Кетменя же экспедиція опять раздѣлилась, въ цѣляхъ обслѣдованія возможно большаго района, причемъ, имѣя въ виду ознакомленіе ботаниковъ съ работами почвовѣдовъ и наоборотъ и возможнаго согласованія ихъ дѣйствій, было рѣшено раздѣлиться такимъ образомъ, чтобы съ В. В. Сапожниковымъ поѣхалъ помощникъ почвовѣда, Г. Ф. Буровъ, а съ А. И. Безсоновымъ—помощникъ ботаника, Б. К. Шишкинъ. Я поѣхалъ съ послѣдней партіей, и мы избрали себѣ кружный путь по сѣвернымъ предгорьямъ Кетменскихъ горъ до Кольджата и оттуда черезъ Кольджатскій переваль въ верховья р. Чолкуде, тогда какъ В. В. Сапожниковъ и Г. Ф. Буровъ должны были перевалить прямо изъ Кетменя

и затѣмъ подождать насъ въ долинѣ р. Чолкуде противъ Кетменскаго перевала. Соединившись въ назначенномъ мѣстѣ, экспедиція въ полномъ составѣ прошла черезъ переваль Иссигартканъ въ долину Караой, откуда повернула къ востоку въ долину рѣки Сумбе, прошла этою долиною до долины р. Текеса и отсюда черезъ уголокъ китайскихъ владѣній—въ выс. Охотничій (Нарыноколь). Изъ Охотничьяго ботаническая партія опять отдѣлилась, выйдя на день раньше насъ и сдѣлавъ экскурсію въ верховья Баянкола, послѣ чего соединилась съ нами на первой нашей стоянкѣ у моста по тракту на р. Текесъ.

Отсюда ботаники опять двинулись отдѣльно, имѣя въ виду обследовать верховья Капкака и соединиться съ нами въ верховьяхъ Текеса противъ перевала на Каркару, такъ какъ ѣхать въ ту часть обследуемаго района, куда должны были ѣхать почвовѣды и я, для ботаниковъ не имѣло смысла, ибо эта часть въ ботаническомъ отношеніи была уже обследована раньше, и объ этомъ обследованіи имѣется печатный отчетъ М. И. Птащикаго. А. И. Безсоновъ же съ помощникомъ и я проѣхали отъ Текесскаго моста черезъ горы Айгыръ-Джалъ къ соленому озеру Бурадо-Босунъ и отсюда въ долину р. Чолкуде, которая здѣсь уже извѣстна подъ другимъ названіемъ—Карасазъ, Кегенъ,—затѣмъ въ верховья р. Мураталь, долину р. Акбійтъ и дальше черезъ небольшой переваль въ долину Текеса, гдѣ и соединились съ ботаниками экспедиціи.

Съ этого момента и до завершенія обследования намѣченнаго района экспедиція уже не раздѣлялась, такъ какъ намъ предстояло вступить въ мѣста частью мало извѣстныя, частью же даже совсѣмъ неизвѣстныя, и, притомъ, завѣдомо лишенныя населенія, при движеніи по которымъ я, какъ уже сказалъ выше, считалъ дробленіе экспедиціи на отдѣльные отряды нежелательнымъ.

По прибытіи на Каркару мы оставили нашихъ служащихъ на мѣстѣ ярмарки, сами же проѣхали въ Пржевальскъ, съ цѣлью заготовить провизію на все остающееся время пути, такъ какъ найти что-либо въ тѣхъ мѣстахъ, куда мы теперь ѣхали, было нельзя за отсутствіемъ тамъ населенія.

Кромѣ того, надо было нанять знающаго проводника, котораго я намѣтилъ уже раньше, при посѣщеніи Пржевальска во время перваго пребы-

ванія на Каркарѣ, а также принанять нѣсколькихъ новыхъ людей, вмѣсто нѣкоторыхъ старыхъ и заpastись полицейскимъ джигитомъ огъ уѣзднаго начальника. Все это заняло у насъ 3—4 дня, послѣ чего мы вернулись на Каркару и отсюда двинулись во второй и самый интересный изъ намѣченныхъ къ обследованію районовъ, до этого года въ значительной своей части представлявшій полную *terram incognitam*, такъ какъ о немъ ничего не было извѣстно даже мѣстной уѣздной администраціи. Маршрутъ этой нашей поѣздки былъ слѣдующій: съ Каркаринской долины на обходную дорогу вдоль р. Кокджаръ, такъ называемую Сартъ-Джолъ, отсюда на Кокджаръ, вверхъ по этой рѣкѣ до перевала Мынтуръ и черезъ этотъ перевалъ на сырты въ верховьяхъ Сарджаса, вдоль Сарджаса до устья р. Тюзъ, по Тюзу до его верховьевъ и отсюда труднымъ и высокимъ (около 4000 метровъ) переваломъ того же названія къ верховьямъ р. Инильчекъ; по Инильчеку немного внизъ и переваломъ Атъ-Джайляу на слѣдующій лѣвый притокъ Сарджаса Каинды, куда мы вышли верстахъ въ 20-ти ниже истоковъ рѣки; по Каиндамъ внизъ до перевала Карабель-су, по которому сдѣлали боковую экскурсію къ югу, въ сторону китайской границы, причемъ лично я дошелъ до р. Кызыль-Капчигаи, впадающей въ послѣднюю русскую рѣку, изъ числа лѣвыхъ притоковъ Сарджаса, Кую-Капъ и по Кызыль-Капчигаю только немного не дошелъ до Кую-Капа; по возвращеніи къ стоянкѣ на Каиндахъ, двинулись внизъ по этой рѣкѣ до ея впаденія въ Сарджасъ, затѣмъ вверхъ по лѣвому берегу послѣдняго до устьевъ Инильчека, вверхъ по послѣднему до перевала Тезъ, черезъ этотъ перевалъ къ рѣчкѣ Тезъ, впадающей въ Сарджасъ, по Сарджасу вверхъ до брода выше Куелю и затѣмъ по этой послѣдней рѣкѣ. Долина Куелю была послѣднимъ пунктомъ района нашего обследованія, и отсюда мы двинулись уже въ обратный путь по направленію къ Пржевальску, который и сдѣлали черезъ перевалъ Торпу и Тургень-Аксу по рѣкамъ Торпу, Оттукъ и Тургень-Аксу, и долиною этой послѣдней вышли по сосѣдству со станціей Джергаланъ черезъ два дня послѣ выхода съ Куелю. Здѣсь мы попали къ почтовому тракту, послѣ чего всѣ участники экспедиціи выѣхали въ Пржевальскъ уже независимо другъ отъ друга, такъ какъ непосредственная задача экспедиціи могла считаться исчерпанною, и теперь участникамъ оставалось только озаботиться доставкою по мѣсту назначенія экспедицион-

наго имущества и собранныхъ матеріаловъ и затѣмъ выѣхать къ мѣсту жительства.

Такъ какъ дальнѣйшее движеніе членовъ экспедиціи уже не было непосредственно связано съ работами, порученными настоящей экспедиціи, то я и не буду здѣсь касаться этого вопроса, упомянувъ только, что лично я проѣхалъ къ мѣсту моего служенія, въ г. Вѣрный, по почтовому тракту. На картѣ посѣщенныхъ мѣстностей всѣ маршруты нанесены краснымъ пунктиромъ, при чемъ я не дѣлаю разницы между маршрутами отдѣльныхъ участниковъ экспедиціи и таковымъ экспедиціи въ полномъ составѣ, считая, что сказаннаго здѣсь достаточно для того, чтобы легко можно было разобраться въ этомъ вопросѣ.

Считаю не лишнимъ указать на то обстоятельство, что точной карты лѣтомъ текущаго года еще не существовало, какъ вообще, не существовало никакихъ картъ для значительной части посѣщеннаго экспедиціей района. Правда, всякому извѣстна сорокаверстная карта средне-азіатскихъ владѣній, на которой нанесены и пространства, лежащія въ бассейнѣ Сарджаса, но то, что мы видимъ на этой сорокаверсткѣ, настолько мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности, насколько и должно соотвѣтствовать изображеніе мѣстности, въ которой никто не былъ, и которая нанесена на карту, очевидно, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, притомъ въ довершеніе всего, полученнымъ отъ киргизъ... Въ распоряженіи экспедиціи имѣлась, впрочемъ, еще карта, приложенная къ книгѣ профессора Сапожникова «Очерки Семирѣчья», но она оказалась болѣе или менѣе точной только для мѣстностей, пройденныхъ В. В. Сапожниковымъ, въ остальныхъ же частяхъ, тоже далеко не вѣрной. Наконецъ у одного изъ участниковъ экспедиціи оказалась еще карта, приложенная къ работѣ профессора Мерибахера о его послѣднемъ путешествіи приблизительно въ тѣ же мѣста, гдѣ были и мы, но и эта карта не можетъ считаться достаточно точной, хотя пользоваться ею уже возможно.

Точная карта бассейна Сарджаса составлена по новѣйшимъ двухверстнымъ планшетамъ, являющимся результатомъ работъ текущаго года топсграфовъ Переселенческаго Управленія и Военно-топографическаго отдѣла, которые истекшимъ лѣтомъ заняты были съемкою тѣхъ мѣстъ, которыя еще оставались незаснятыми въ Семирѣчьи и которыя какъ разъ

и являлись райономъ, подлежащимъ нашему обследованію въ Пржевальскомъ уѣздѣ. Съ завершеніемъ работъ этого лѣта для всего Семирѣчья, кромѣ Лепсинскаго уѣзда имѣются двухверстные, или же, по крайней мѣрѣ, пятиверстные планшеты военно топографической съемки. Намъ же еще пришлось проѣхать по мѣстамъ, для которыхъ годныхъ картъ не имѣлось.

При дальнѣйшемъ изложеніи я имѣю въ виду придерживаться преимущественно формы дневника, такъ какъ при этихъ условіяхъ удобнѣе всего могутъ быть изложены тѣ разнородныя свѣдѣнія, которыя могутъ представить тотъ или иной интересъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. При этомъ, такъ какъ намъ пришлось посѣтить мѣста совершенно неизвѣстныя, я полагаю, что болѣе подробное описаніе ихъ съ физико-географической точки зрѣнія, конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ я имѣю возможность это сдѣлать, не можетъ считаться лишнимъ. Не будучи специалистомъ ботаникомъ, я, конечно, могу дѣлать ботаническія характеристики лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, но иногда и такія характеристики имѣютъ извѣстное значеніе, тѣмъ болѣе, что, проживъ въ Семирѣчьи шесть лѣтъ, я за это время успѣлъ до нѣкоторой степени ознакомиться съ мѣстной флорой, во время же настоящей поѣздки имѣлъ возможность въ сомнительныхъ случаяхъ обращаться за опредѣленіями къ В. В. Сапожникову и Б. К. Шишкину, которые, конечно, всегда въ такихъ случаяхъ охотно шли мнѣ навстрѣчу. Болѣе точныя характеристики я могу дать съ точки зрѣнія зоологической, такъ какъ этотъ отдѣлъ естествознанія мнѣ болѣе знакомъ. По возможности подробно я остановлюсь на описаніи рельефа посѣщенныхъ мѣстъ. Наконецъ, само собою разумѣется, что изученіе съ точки зрѣнія хозяйственной пригодности и интересовъ колонизаціи по самому существу нашей экспедиціи составляло основную цѣль поѣздки. А такъ какъ хозяйственная пригодность, между прочимъ, находится въ непосредственной зависимости отъ большей или меньшей доступности данной мѣстности, то болѣе или менѣе детальное описаніе дорогъ, по которымъ намъ пришлось двигаться, какъ таковыхъ, явится здѣсь вполне уместнымъ. Въ заключеніе будетъ помѣщена общая характеристика посѣщенныхъ мѣстностей, съ точки зрѣнія интересовъ переселенческаго дѣла, резюмирующая все сказанное въ предшествовавшемъ описаніи пути экспедиціи и представляющая конечный выводъ изъ всѣхъ наблюденій, сдѣ-

ланных мною лично и основанных на моемъ уже довольно продолжительномъ знакомствѣ съ Семирѣчьемъ и условіями жизни въ немъ.

На этомъ я полагаю закончить вступительную часть настоящей статьи и приступить къ самому описанію нашего пути, оговорившись предварительно, что во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи я отношусь крайне осторожно къ сообщаемымъ мною даннымъ и нигдѣ не дѣлаю ни одного опредѣленія, не привожу ни одного названія и ни одной цифры, въ точности и правильности которыхъ я не былъ бы увѣренъ. Если цифры извѣстны лишь приблизительно, то онѣ такъ и приводятся съ опредѣленіями «приблизительно» или «около», или-же со ссылкой на источникъ.

Выступить намъ удалось лишь въ серединѣ іюня, такъ какъ по разнымъ причинамъ лишь къ этому времени участники экспедиціи успѣли приготовиться къ отъѣзду.

12-го выѣхали на почтовыхъ изъ Вѣрнаго по земскому тракту въ Тургенъ В. В. Сапожниковъ съ помощникомъ Б. К. Шишкинымъ, 13-го туда-же направились сразу вычнымъ порядкомъ А. И. Безсоновъ съ помощникомъ, а вслѣдъ за ними и я, причемъ въ первый день до темноты я успѣлъ отъѣхать лишь немного и до Михайловскаго (Тургенъ) доѣхалъ только на слѣдующій день, 14-го, къ вечеру. В. В. Сапожникова я здѣсь уже не засталъ, такъ какъ онъ успѣлъ уѣхать на Ассы, оставивъ на мое имя записку съ сообщеніемъ о предположенной имъ на Ассахъ дневкѣ и намѣреніи подождать тамъ А. И. Безсонова.

Излагая вкратцѣ свой маршрутъ въ предѣлахъ Вѣрненскаго уѣзда, т. е. приблизительно до долины Джаланашъ, я не буду останавливаться на подробномъ описаніи проѣзжаемыхъ мѣстъ, такъ какъ, во-первыхъ, обследованіе въ Вѣрненскомъ уѣздѣ не входило въ задачи экспедиціи, почему я здѣсь ѣхалъ исключительно по тракту, преслѣдуя лишь одну цѣль — во время пріѣхать на сборный пунктъ, въ Каркару; во-вторыхъ же, въ этихъ предѣлахъ путь нашъ лежалъ въ культурной зонѣ Семирѣчья, достаточно изученной, многократно описанной, и вслѣдствіе этого представляющей интереса, какъ не представляетъ она интереса и для переселенческаго дѣла, въ виду полного исчерпанія здѣсь всѣхъ свободныхъ земель. По пути намъ попадались старожильческія селенія съ окружающими ихъ садами, орошаемые и воздѣланные поля, занятые культурными расте-

ниями или же лежащая въ качествѣ перелоговъ и, въ такомъ случаѣ съ характерной для здѣшнихъ перелоговъ растительностью. Мѣстами попадались участки еще нетронутой степи, и такихъ пространствъ уже много мы встрѣтили между Михайловскимъ и Маловоднымъ и дальше. Около послѣдняго селенія, очевидно, недаромъ носящаго свое названіе, степь имѣетъ довольно печальный видъ, свидѣтельствуя о томъ, что осадковъ здѣсь выпадаетъ не слишкомъ много, несмотря на сравнительную близость къ горамъ. На лессовидно-суглинистой почвѣ растетъ довольно жалкая полынь (*Artemisia maritima*) съ примѣсью еще худшей *Sueda* sp и кое-гдѣ, — пятнами чія (*Lasiagrostis splendens*) осолодки (*Hicirrhiza* sp.) и мии (*Sophora alopecuroides*). Остальныя растенія составляютъ лишь съ трудомъ замѣчаемую примѣсь къ основному фону изъ полыни. Животный міръ на нашемъ пути тоже не отличался богатствомъ, а если мѣстами и попадалось довольно много птицъ, то все это были виды мало интересные, свойственные культурнымъ районамъ области и потому являющіеся слишкомъ обыкновенными. Для характеристики перечисляю здѣсь виды, встрѣченные на пути между Вѣрнымъ и Тургенемъ: обыкновенные воробьи (*Passer domesticus* и *P. montanus*), желчная овсянка (*Emberiza luteola*), чернолобый сорокопутъ (*Lanius minor*), кукушка (*Cuculus canorus*), соловей (*Erithacus hafizi*), ястребиная славка (*Sylvia nisoria*), иволга (*Oriolus galbula*), скворцы (*Sturnus* sp.), галки (*Monedula* sp.), сороки (*Pica* sp.), пустельга (*Tinnunculus alaudarius*), шероль (*Canduelis caniceps*), полевой жаворонокъ (*Alauda arvensis*), жаворонокъ степной (*Melanacorypha calandra*), ласточка (*Hirundo rustica*), пчелоѣдъ (*Merops apiaster*), по мѣстному шуръ (сизоворонка) *Coracias garrula*), туркестанская трясогузка (*Motacilla personata*), коршунъ (*Milvus melanotis*), лунь (*Circus* sp.), черная ворона (*Corvus corone*), горлинка (*Turtur auritus*), египетскій голубокъ (*Peristera cambayensis*), дикій голубь (*Columba* sp.), удожь (*Upupa epops*) и стрижь (*Cypselus apus*). Ящерицъ почти не видно, а изъ змѣй попался только одинъ степной удавъ (*Erix jaculus*), да и то какой-то вялый и жалкій экземпляръ. Изъ млекопитающихъ обращаютъ на себя вниманіе ежи (*Erinaceus auritus*), которыхъ здѣсь оказалось довольно много, но видѣть которыхъ можно, конечно, только вечеромъ. Мѣстами попадалось большое количество кобылки.

При выѣздѣ изъ Михайловскаго невольно обращаетъ на себя внима-

ніе долина протекающей черезъ селеніе рѣки Тургень. Дѣло въ томъ, что рѣка здѣсь течетъ въ очень глубокой долині, отвѣсныя стѣны которой, саженой около 20-ти высотой, образованы отложеніями гальки, очевидно представляющей изъ себя древніе рѣчные выносы Тургени, въ которыхъ рѣка затѣмъ глубоко промыла свое теперешнее русло.

Въ Михайловскомъ мнѣ пришлось обратиться къ содѣйствію проживавшаго верстахъ въ 20-ти отъ селенія Зайцевскаго пристава, съ цѣлью обезпечить себѣ дальнѣйшее безпрепятственное движеніе на Каркару, внѣ предѣловъ обычной колесной дороги. Это отняло довольно много времени, такъ что выѣхать на Маловодное мнѣ удалось только въ 3 часу слѣдующаго дня, и на ночлегъ я остановился верстахъ въ пяти за Маловоднымъ, по направленію къ Зайцевскому (Чиликъ).

По мѣрѣ движенія въ этомъ направленіи, природныя условія мѣстности стали измѣняться къ худшему, и уже вскорѣ за Маловоднымъ намъ стали попадаться солонцеватая пространства, а иногда и типичныя солонцы, хотя и не покрытые солянымъ налетомъ, но зато одѣтые чисто солонцовою растительностью.

По внѣшнему своему виду почва здѣсь только кое-гдѣ имѣла рѣзкіе признаки обилія солей, будучи иногда чисто бѣлаго цвѣта, обыкновенно же, повидимому, ничѣмъ не отличалась отъ той почвы, которая намъ попадалась передъ тѣмъ въ полыннѣй степи. Однако, характеръ растительности наглядно свидѣтельствовалъ о томъ, что свойства ея рѣзко измѣнились. Кое-гдѣ, повидимому, на той-же почвѣ попадались пространства, покрытыя болѣе или менѣе песчаною растительностью. Мѣстами—большія площади, поросшія *Alhagi camelorum* и какимъ-то видомъ *Tamarix* съ очень мелкими цвѣтами.

Здѣсь начали попадаться даже типичныя для пустынныхъ пространствъ птицы, какъ полевой конекъ (*Anthus campestris*). Кое-гдѣ стаи розовыхъ скворцовъ (*Pastor roseus*) усердно охотились за многочисленными кобылками.

Селеніе Зайцевское, или по старому Чиликъ, куда мы пріѣхали 16-го днемъ, кромѣ своихъ значительныхъ для Семирѣчья размѣровъ, бросается въ глаза благодаря двумъ совсѣмъ различнымъ обстоятельствамъ: великолѣпной растительности, образующей на многихъ улицахъ роскошныя тѣнистыя аллеи изъ громадныхъ и въ (*Salix alba*) (?), и непомѣрному пьянству

своихъ жителей, которые, несмотря на Петровскій постъ и будній день, въ большомъ количествѣ не только выписывали вензеля, но и просто валялись по улицамъ мертвецки пьяные. Семирѣченскіе старожилы, особенно, казаки, славятся своимъ пьянствомъ, но такого количества пьяныхъ, какъ въ Чиликѣ, я никогда и нигдѣ не видѣлъ — даже въ Лепсинскѣ, знаменитомъ въ этомъ отношеніи.

Изъ Чилика мы выѣхали на слѣдующій день по направленію къ ближайшему большому таранчинскому селенію, Байсеитъ, гдѣ волостной управитель долженъ былъ мнѣ дать проводника на дальнѣйшій путь. Однако, проводникъ этотъ провелъ насъ только до слѣдующаго крошечнаго поселка и затѣмъ скрылся. Успѣвъ къ этому времени убѣдиться, что дорога, по которой намъ предстоитъ слѣдовать, проложена такъ, что заблудиться по ней трудно, я рѣшилъ обойтись безъ всякаго проводника и дальше, до Джаланаша ѣхать уже самостоятельно. Путь нашъ лежалъ здѣсь въ нѣсколькихъ верстахъ къ востоку отъ р. Чилика, приблизительно параллельно теченію рѣки, которая въ этой своей части течетъ, въ общемъ, съ юга на сѣверъ. Мѣстность — совершенно ровная, и движеніе затрудняется только многочисленными арыками, такъ какъ мы ѣдемъ сплошными таранчинскими полями. Не могу не замѣтить, что видъ этихъ полей меня поразилъ, такъ какъ состояніе посѣвовъ было далеко не блестяще. По словамъ таранчей имъ не хватаетъ воды для полива, что, однако, кажется сомнительнымъ, такъ какъ въ Чиликѣ вода идетъ въ изобиліи, да и таранчинскіе арыки текутъ полные до краевъ. По выѣздѣ изъ сферы обрабатываемыхъ полей мы попали опять въ бѣдную полынную степь, среди которой и остановились на ночлегъ на берегу довольно большаго арыка и по сосѣдству съ кое-гдѣ разбросанными отдѣльными клочками таранчинскихъ клеверниковъ. Для лошадей пришлось купить клевера, такъ какъ растительность въ окружающей степи была настолько жалка, что на подножный кормъ рассчитывать не приходилось. Вполнѣ соответствовалъ растительности и животный міръ окружавшей нашу стоянку мѣстности: здѣсь не было не только никакихъ птицъ, если не считать 3—4 бульдуруковъ (*Pterocles arenarius*), но даже и ящерицъ, которыя, какъ извѣстно, далеко не прихотливы въ выборѣ мѣстъ для своего пребыванія.

Въ такихъ безотрадныхъ условіяхъ мы двигались и съ утра слѣдующаго дня, 18-го іюня, до подножія Сюгатинскихъ горъ, до которыхъ отъ мѣста нашего ночлега было версты четыре.

Немедленно при въѣздѣ въ горы условія рѣзко измѣнились, но къ сожалѣнію, испортилась погода, и начавшійся дождь мѣшалъ спокойно и достаточно внимательно наблюдать окружающее. Послѣ небольшого подъема дорога, которая здѣсь вполнѣ удобна для проѣзда въ нетяжеломъ экипажѣ, начинаетъ спускаться въ щель и затѣмъ идетъ дномъ ущелья, сперва по ровному мѣсту, а затѣмъ—постепенно и неособенно круто поднимаясь. Въ ущельѣ дорога на значительной части своего протяженія настолько хороша, что вполнѣ напоминаетъ шоссе, дальше же при выѣздѣ изъ него въ степь, между Сюгатинскими и Туръ-Айгырскими горами, уступаетъ хорошему шоссе только въ смыслѣ твердости, но не менѣе ровна и гладка, чѣмъ шоссе.

Немедленно по въѣздѣ въ горы оживляется пейзажъ, такъ какъ сразу появляется и растительная, и животная жизнь.

Кромѣ травянистыхъ растений, по краямъ ущелья растутъ кустарники, дающіе пріютъ цѣлому ряду птицъ, между прочимъ, большому количеству сорокопутовъ (*Lanius phoeniceus*). Въ первый и послѣдній разъ за всю экспедицію я встрѣтилъ здѣсь на камняхъ ползучіе стебли каперсовъ (*Capparis* sp.), съ замѣчательно красивыми, крупными бѣлыми цвѣтами. Кромѣ широко распространенныхъ удода (*Upupa epops*) и зуйка (*Totanus hypoleucos*), въ большомъ количествѣ державшагося здѣсь по ручейкамъ, мы тутъ встрѣтили нѣсколько типичныхъ горныхъ птицъ, какъ-то: обоихъ каменныхъ дроздовъ (*Monticola saxatilis* и *M. cyanus*), кеклика (*Caccabis chukar*), горного голубя (*Columba rupestris*), ласточекъ городскую и горную (*Chelidon urbica* и *Cotyle rupestris*), а также атаекъ (*Tadorna rutila*) и чеккановъ (*Saxicola* sp.).

По мѣрѣ подъема кверху растительность мѣнялась, и на высотѣ около 1000 метровъ показались кусты арчи (*Juniperus sabina*), а возлѣ самаго перевала неожиданно оказался растущимъ чингиль (*Halimodendron argenteum*). На вершинѣ перевала расположено небольшое болотце, изъ котораго вытекаетъ тихій ручеекъ, представляющій весьма необычное зрѣлище въ горной мѣстности, гдѣ, обыкновенно, всѣ горные источники

отличаются быстротою теченія и производятъ особенно много шума. Кустарниковая растительность на перевалѣ исчезаетъ, травянистая же образуется изъ разныхъ видовъ (*Atriplex* и *Sueda*), потомъ появляется эбелекъ (*Ceratocarpus arenarius*), затѣмъ чій (*Lasiagrostis splendens*), полынь (*Artemisia maritima*) и немного осолодки (*Hycirrhiza*). Дальше въ изобиліи появляется кокпекъ (*Atriplex canum*), а еще ниже и на всемъ пространствѣ долины между горами Сюготы и Туръ-Айгыръ остается почти исключительно одна *Artemisia maritima*, и опять не видно не только никакихъ птицъ, но нѣтъ даже ни одной ящерицы. Само собою разумѣется, что, какъ равнина къ сѣверу отъ Сюгатинскихъ горъ, такъ и долина между этими послѣдними и горами Туръ-Айгыръ, по своимъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ вполнѣ пригодна для культуры, но культура здѣсь возможна, несомнѣнно, только съ орошеніемъ, такъ что весь вопросъ сводится къ тому, можно ли вывести сюда воду изъ Чилика или Чарына и найдется ли въ этихъ рѣкахъ достаточно воды для орошенія еще этихъ новыхъ пока бесплодно лежащихъ пространствъ. А что эти пространства теперь бесплодны и необитаемы, намъ подтвердили антилопы каракуйрюки (*Antelope subgutturosa*), которыя живутъ только въ мѣстахъ, еще не испорченныхъ человѣкомъ, и стадо которыхъ мы встрѣтили, не добывая Туръ-Айгырскихъ горъ.

Въ этотъ день, 18-го іюня, цѣлый день стояла холодная погода, и временами начиналъ идти довольно сильный дождь, при приближеніи же нашемъ къ подножію Туръ-Айгыра намъ навстрѣчу поднялся неистовый вѣтеръ, настолько сильный, что идти противъ него было почти немисливо, и лошади лишь съ величайшимъ трудомъ ташили нашъ фургонъ по прекрасной ровной дорогѣ. Сила вѣтра была настолько велика, что намъ изъ-за него пришлось искать мѣста для остановки раньше времени и остановиться въ очень неудобномъ мѣстѣ, такъ какъ нечего было и думать, чтобы наши лошади могли везти насъ противъ такого вѣтра по ущелью Туръ-Айгырскихъ горъ, недалеко отъ входа въ которое, какъ потомъ оказалось, былъ прекрасный ключъ и удобное мѣсто для остановки. Намъ же пришлось заночевать у подножія горъ, на совершенно открытомъ мѣстѣ, спрятавшись отъ вѣтра подъ защиту киргизской зимовки, сосѣдства съ которыми, при нормальныхъ условіяхъ, гораздо лучше избѣгать. При

этомъ вода, которую намъ удалось найти, оказалась весьма и весьма посредственнаго качества и въ довольно ограниченномъ количествѣ. На мѣстѣ ночевки растительность такая же скудная, какъ и по дорогѣ, но у подножія горъ мѣстами выходятъ небольшіе ключики, и въ этихъ мѣстахъ растетъ чахлая травка и образуются небольшіе лужайки, на которыхъ и паслись наши лошади. Нѣкоторые изъ этихъ крошечныхъ ключиковъ запружены киргизами, такъ что образовались такіе же миниатюрные прудочки, служащіе для водопоя скота; но вода въ нихъ негодна для человѣка, такъ какъ отъ большого количества пользующейся ими скотины она сильно настаивается на навозѣ. Киргизы бываютъ здѣсь только зимою и раннею весною, а затѣмъ откочевываютъ. И нужно имѣть киргизскій скотъ, чтобы сумѣть откормить его зимою на томъ, даже лѣтомъ безнадежномъ пастбищѣ, которое представляетъ изъ себя долина, разстилающаяся у сѣвернаго склона Туръ-Айгырскихъ горъ. Очевидно, скотъ бродитъ больше по склонамъ горъ, чѣмъ въ долинѣ, гдѣ запасъ корма черезчуръ незначителенъ.

На этой стоянкѣ мнѣ пришлось сдѣлать интересныя наблюденія надъ знаменитымъ врагомъ саранчи—розовымъ скворцомъ (*Pastor roseus*). Безчисленныя стаи этихъ птицъ, иногда очень значительныхъ размѣровъ, непрерывною цѣлью летали по одному и тому-же направленію: отъ ближайшаго ущелья въ Туръ-Айгырскихъ горахъ ко входу Чилика въ Сюгатинскія горы и затѣмъ обратно. При этомъ, на обратномъ пути каждая птица несла полный клювъ какой-то пищи, очевидно кобылокъ, или, можетъ быть, саранчи. Птицъ было настолько много, что я сперва предположилъ, что онѣ устраиваютъ себѣ гдѣ-нибудь въ горахъ запасные склады провизіи, такъ какъ никакъ не могъ допустить мысли, что все это исключительно однѣ взрослые птицы, кормящія птенцовъ. И только на слѣдующій день, найдя колоссальную гнѣздовую колонію скворцовъ въ каменныхъ осыпяхъ, гдѣ они гнѣздились въ количествѣ десятковъ тысячъ паръ, я убѣдился, что это невѣроятное предположеніе, какъ разъ, и является дѣйствительностью.

Надъ этой колоніей, надъ которой царилъ далеко слышный шумъ, отъ массы переговаривающихся птицъ, непрерывно носилось нѣсколько

коршуновъ (*Milvus melanotis*), которые, очевидно, въ это время имѣли постоянное пропитаніе въ видѣ молодыхъ скворцовъ.

Насколько пустынна описываемая долина, можно судить по тому, что около нашей стоянки, кромѣ летавшихъ надъ нами розовыхъ скворцовъ, можно было наблюдать только пустынного конька (*Anthus campestris*), да благодаря сосѣдству горъ, чеккановъ попутчиковъ (*Saxicola oenanthe*).

На слѣдующій день, 19-го іюня, мы тронулись въ путь въ 8 ч. 20 м. утра, къ 11-ти добрались до вершины перевала черезъ горы Туръ-Айгыръ, въ 12 спустились до основанія главнаго спуска и затѣмъ пологою равниною поѣхали къ виднѣвшейся вдали станицѣ Джаланашъ, куда и добрались около 5 час. вечера.

Вершина перевала достигаетъ высоты приблизительно 1950 метровъ. Дорога черезъ Туръ-Айгырскій хребетъ во время нашего проѣзда какъ разъ разрабатывалась, и была уже доведена до такого состоянія, что колесное движеніе по ней было хотя и весьма трудно, но возможно. Трудность проѣзда обуславливалась исключительно значительною крутизною подъема, одинъ же небольшой кусочекъ дороги, по моему мнѣнію, требуетъ взрывныхъ работъ, такъ какъ въ настоящемъ своемъ видѣ долженъ сильно препятствовать перевозкѣ грузовъ, такъ что сообщеніе возникающей Джаланашской станицы съ ближайшимъ торговымъ центромъ—Чиликомъ пока еще является, благодаря этому кусочку дороги—затрудненнымъ. Впрочемъ, этотъ кусочекъ самъ по себѣ настолько невеликъ, что разработать его не составитъ труда и не вызоветъ сколько-нибудь значительныхъ затратъ. Теперь же, на общемъ фонѣ тщательно разработанной дороги, онъ является неумѣстнымъ диссанансомъ, до извѣстной степени сводя на нѣтъ весь трудъ по проведенію остальной части пути. Здѣсь же, пожалуй, кстати будетъ указать и на то обстоятельство, что для процвѣтанія отрѣзанной отъ остального міра, одиноко лежащей, но несомнѣнно имѣющей будущность, Джаланашской станицы необходимо проведение дороги и въ другомъ направленіи—на Каркаринскую долину, куда теперь проѣздъ возможенъ, въ сущности, только вычнымъ способомъ. И проведеніе этой дороги будетъ имѣть значеніе не только для Джаланаша, но, до извѣстной степени, и для торговли Семирѣчья вообще, такъ какъ значительно сократитъ разстояніе между знаменитой Каркаринской яр-

маркой и Вѣрнымъ, т. е. между этимъ послѣднимъ и всѣмъ юго-восточнымъ райономъ Семирѣчья, который обслуживается этой огромной ярмаркой.

Самая дорога черезъ горы Туръ-Айгыръ на сѣверномъ склонѣ очень живописна, съ массою красивыхъ «вавилоновъ», какъ говорятъ Семирѣченскіе казаки, т. е., крутыхъ изгибовъ и поворотовъ, съ которыхъ мѣстами открываются необыкновенно эффектные виды. Съ вершины же перевала прекрасный видъ въ обѣ стороны, т. е. и на Джаланашскую станицу, и на долину Туръ-Айгыръ. Сѣверный склонъ горъ имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, который мы наблюдали наканунѣ при проѣздѣ черезъ Сюгатинскія горы.

Почва мягкая, камня почти не видно, много кустарной растительности, (въ томъ числѣ *Berberis heteropoda*, котораго вчера не было, арча и шиповникъ съ желтыми цвѣтами). Очень богатое птичье населеніе, но, соотвѣтственно мягкому характеру горъ, здѣсь нѣтъ синяго каменнаго дрозда (*Monticola cyanus*), который любитъ скалы. Детальный составъ орнитофауны вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру мѣстности: невысокія горы съ достаточнымъ количествомъ кустарныхъ зарослей, что видно изъ приводимаго списка встрѣченныхъ здѣсь птицъ. Горныя овсянки (*Emberiza* *cia*, *E. cioides*, *E. buchanani*, *E. huttoni*), удодъ (*Upupa epops*), коноплянка (*Cannabina* *sp.*), сорока (*Pica* *sp.*), каменный дроздъ (*Monticola saxatilis*), сорокопутъ (*Lanius phoenicuroides*), горная ворона (*Pyrrhocorax graculus*), пустельга (*Tinnunculus alaudarius*), горлинка (*Turtur auritus*), дикій голубь (*Columba livia*), чеглокъ (*Falco subbuteo*). Есть немного ящерицъ, но самыхъ обыкновенныхъ (*Eremias arguta*).

Склонъ къ Джаланашу носить уже опять совсѣмъ иной характеръ: далеко не такъ живописенъ, совершенно безводенъ, растительность, какъ кустарная, такъ и травянистая, наверху еще приблизительно такого состава, но гораздо болѣе жалкая, ниже же холмы поросли, кромѣ полыни и жалкаго ковыля (*Stipa* *sp.*), почти исключительно какими-то колючими мелкими кустиками. Еще ниже склоны становятся сильно каменистыми и лишенными почти всякой растительности, кромѣ полыни, (*Artemisia maritima*). Почему то совершенно нѣтъ обычной въ Семирѣчьи для щебневатыхъ мѣстъ круглоголовки (*Phrynoscephalus helioscopus*) и попадаются только

все тѣ же *Eremias argutae*. Джаланашская долина съ сѣвернаго края тоже одѣта лишь скудной полевой растительностью, но затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ станицѣ Джаланашъ, флора становится все болѣе и болѣе разнообразною. Сперва попадаются участки старыхъ заброшенныхъ киргизскихъ пашенъ съ остатками оросительной системы и сорною растительностью, а затѣмъ начинается флора уже лугового характера (*Saussurea* палевая, эспарцетъ, *Bromus* sp., разныя губоцвѣтныя и т. п.), которая становится, чѣмъ дальше, тѣмъ богаче. Не доѣзжая самой станицы, среди травы попадаются уже первые эдельвейсы (*Leontopodium alpinum*), на высотѣ приблизительно 1700 метровъ, а около Джаланаша эти цвѣты становятся уже очень обыкновенными, попадаясь въ прекрасныхъ экземплярахъ. И нѣсколько странно видѣть этотъ изящный альпійскій цвѣтокъ въ видѣ сорной травы гдѣ-нибудь на задворкахъ или между грядками на казачьемъ огородѣ. Благодаря обилію атмосферныхъ осадковъ вся мѣстность около станицы покрыта уже богатѣйшею луговою растительностью, посѣвы же исключительно богарные. По словамъ мѣстныхъ жителей, впрочемъ, живущихъ здѣсь только второе лѣто, поздніе посѣвы иногда не успѣваютъ вызрѣть, овощи же, вообще, растутъ плохо. Последнее весьма сомнительно, что же касается невызрѣванія позднихъ посѣвовъ, то это вполне возможно, такъ какъ высота станицы, все-таки, настолько значительна, что заморозки должны начинаться рано. Да и сами казаки, несомнѣнно опаздываютъ съ посѣвами, такъ какъ такое опозданіе—обычное явленіе въ Семирѣчьи.

Населеніе новой станицы состоитъ изъ выходцевъ изъ старыхъ станицъ Вѣрненскаго уѣзда—Иссыкъ и Талгаръ. Застраивается Джаланашъ быстро и весьма основательно, благодаря близости лѣса, который, кромѣ того, въ значительномъ количествѣ былъ отпущенъ новоселамъ бесплатно. Обычнаго почти всюду въ Семирѣчьи крайне бережливаго отношенія къ древесному матеріалу здѣсь настолько нѣтъ и въ поминѣ, что многіе казаки огораживаютъ свои обширныя усадьбы сплошными высокими заборами изъ распиленныхъ пополамъ бревенъ, а иногда даже прямо изъ кругляковъ. Такіе заборы гдѣ-нибудь въ Вѣрномъ или въ Копалѣ, при мѣстныхъ цѣнахъ на лѣсъ, представляли бы изъ себя чуть-ли не цѣлое маленькое состояніе. Въ общемъ, станица, какъ своимъ внѣшнимъ ви-

домъ, такъ и природными условіями производитъ прекрасное впечатлѣніе, такъ что въ будущемъ, это, вѣроятно, будетъ одно изъ самыхъ цвѣтущихъ селеній области. Пока новоселы обработали земли еще мало, будучи заняты возведеніемъ построекъ, причемъ сѣютъ пока лишь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ усадьбами, не рѣшаясь удалиться дальше, на болѣе низкія мѣста, гдѣ возможность богарныхъ посѣвовъ имъ кажется сомнительной.

20-го іюня я сдѣлалъ дневку въ Джаланашѣ, съ цѣлью дать лошадямъ отдохнуть и подкормиться на впервые встрѣченномъ хорошемъ пастбищѣ. Дневкой я воспользовался для поѣздки въ лѣсъ, который отстоитъ отъ станицы всего въ какихъ нибудь 2—3 верстахъ и растетъ сравнительно на хорошо доступномъ склонѣ. Лѣсъ — еловый, съ довольно разнообразнымъ птичьимъ населеніемъ. Первые ели появляются на высотѣ около 2000 метровъ. Здѣсь встрѣчены: тетеревъ (*Tetrao tetrix*), куропатка (*Perdix daurica*), ворона, сорока, коршунъ (*Milvus melanotis*), какой-то лунь, пустельга (*Tinnunculus alaudarius*), дрозды (*Turdus viscivorus*), сѣрые славки (*Sylvia cinerea*), вида два пѣночекъ (*Phylloscopus* sp. и *Reguloides humii*), щегленокъ (*Carduelis caniceps*), чечевица (*Carpodacus erythrinus*), клестъ (*Loxia* sp.), конекъ лѣсной (*Anthus arboreus*), горихвостка (*Ruticilla coerulescephala*), королевскій вьюрокъ (*Serinus pusillus*) крапивникъ (*Troglodytes* sp.), чекканчикъ (*Pratincola maura*) и горлинка (*Turtur auritus*).

21-го мы выѣхали изъ Джаланаша, причемъ для предстоящаго переѣзда черезъ три Мерке пришлось въ станицѣ нанять нѣсколькихъ добавочныхъ лошадей. Дорога сперва идетъ тою же прекрасною степью лугового характера съ разбросанными тамъ и сямъ посѣвами казаковъ (пшеница и горчица). Пшеница еще далеко не начала колоситься, такъ что въ развитіи сильно отстала отъ пшеницы въ окрестностяхъ Вѣрнаго, но видъ посѣвовъ прекрасный.

По мѣрѣ нашего движенія впередъ составъ растительности постепенно мѣняется, и степь теряетъ луговой характеръ, переходя при приближеніи къ 1-й Мерке въ богатую полынню. До Мерке дорога вполнѣ хороша, но уже спускъ въ логъ оказался настолько крутымъ, что пришлось тормозить пустую телѣгу, подъемъ же, въ сущности говоря, можетъ

считаться совершенно недоступнымъ для колеснаго движенія. Правда, я здѣсь со своею телѣгою пробрался, но для этого всё вещи пришлось выгрузить и навьючить на нанятыхъ для этой цѣли лошадей, въ пустую телѣгу припречь 3-ю лошадь, да и при этихъ условіяхъ, эта тройка лошадей при энергичной помощи двухъ казаковъ едва, едва ташила экипажъ, поминутно останавливаясь для отдыха. О подъемъ съ какимъ-нибудь грузомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Слѣдующіе лога нѣсколько лучше, но и по нимъ перевозка грузовъ невозможна, а между тѣмъ разработка этого пути имѣетъ, какъ я уже выше упомянулъ, большое торговое значеніе. При этомъ, разработка эта не представляетъ особенныхъ трудностей, такъ какъ склоны всѣхъ логовъ, хотя и изрыты многочисленными второстепенными извилистыми ложками, но болѣе или менѣе мягкіе. На днѣ второстепенныхъ ложковъ есть кое-какая кустарная растительность и довольно богатая травянистая. Немного выше мѣста переѣзда (около мельницы) начинается лѣсъ. Степь между 1-й и 2-й Мерке, на мѣстѣ нашего выѣзда въ нее имѣетъ высоту около 1800 метровъ и на всемъ ея протяженіи значительную роль въ составѣ растительности играетъ чій (*Lasiagrostis splendens*). Вся мѣстность, несомнѣнно, богарная, хотя по внѣшнему виду растительность и почва имѣютъ не особенно типичный для горныхъ мѣстностей характеръ. За 2-ю Мерке почва степи принимаетъ уже гораздо болѣе темную окраску, растительность становится болѣе разнообразною и свѣжею, и здѣсь мы встрѣчаемъ даже богарную пашню Пржевальскаго мѣщанина Сошникова—пшеницу, притомъ въ прекрасномъ состояніи, несмотря на исключительно сухой годъ.

На днѣ 3-й Мерке довольно большія площади заняты растительностью лугового характера и есть нѣсколько кустиковъ тальника (*Salix* sp.). Въ 3 часа дня, послѣ семичасовой ѣзды, мы добрались до долины Ак-Тогоя, какъ здѣсь называется все тотъ же Чарынъ. Эта рѣка въ различныхъ мѣстахъ своего теченія носитъ совершенно различныя названія: начиная отъ истоковъ и приблизительно до озера Бурадо-Босунъ она извѣстна подъ именемъ Чолкуде; отсюда, пройдя Карасазъ, она принимаетъ названіе Кегени, которое еще ниже измѣняется на Ак-Тогой, затѣмъ на Сары-Тогой, и, наконецъ, въ нижнемъ теченіи рѣка называется уже Чарыномъ. Различныя названія для разныхъ частей одной и той-же рѣки въ Семирѣчьи можно

встрѣтить не рѣдко, но примѣръ Чарына въ этомъ отношеніи является, кажется, наиболѣе яркимъ, тѣмъ болѣе, что это — не какая-нибудь мелкая рѣчушка, а одна изъ наиболѣе крупныхъ рѣкъ области.

Вода въ Ак-Тогоѣ оказалась мутною и мало пригодною для питья, такъ что намъ пришлось остановиться около одного изъ ручьевъ, стекающихъ къ Ак-Тогою съ лѣвой стороны, съ ограничивающихъ его долину возвышенностей.

Какъ вся мѣстность между 3-й Мерке и Ак-Тогоемъ, такъ и холмы по краямъ долины послѣдняго по своей растительности и характеру почвы позволяютъ сдѣлать выводъ о несомнѣнной пригодности всего этого района для богарной культуры. Кромѣ того, дно долины занято роскошными лугами, во время нашего проѣзда еще совершенно нетронутыми скотомъ. Мѣстами виднѣются цѣлыя большія голубыя поля незабудокъ. Въ связи съ оживленіемъ флоры, а также благодаря присутствію болѣе или менѣе значительнаго воднаго источника, животная жизнь сразу тоже становится гораздо богаче. Впрочемъ, это относится, собственно, только къ птичьему населенію, такъ какъ пресмыкающихся по прежнему совсѣмъ не видно (пойманъ только одинъ щитомордникъ), млекопитающія же, если и есть, то только мелкія, которыхъ не легко констатировать въ мѣстности, покрытой роскошною травою. Изъ птицъ же здѣсь встрѣчены нѣсколько крачекъ (*Stema fluviatilis*), парочка обыкновенныхъ туркестанскихъ трясогузокъ (*Motacilla personata*), очень много желтоголовыхъ трясогузокъ (*Budytes citreoloides*), масса зуйковъ (*Totanus hypoleucos*), семья травниковъ (*Totanus calidris*), пара атаекъ (*Tadorna rutila*), много коростелей (*Crex pratensis*), стрижи (*Cypselus aprs*), береговая ласточка (*Cosyle riparia*), галки (*Monedula* sp.), нѣсколько сверчковъ (*Locustella* sp.), и тетереватникъ (*Astur palumbarius*).

22 го, вскорѣ послѣ выѣзда со стоянки, подъѣхали къ мѣсту, гдѣ рѣка течетъ въ глубокомъ и узкомъ каменномъ каньонѣ. Здѣсь гнѣздятся нѣсколько видовъ птицъ, образующихъ въ совокупности опредѣленную группу, характерную для скалистыхъ мѣстъ и приуроченную здѣсь къ небольшому участку долины рѣки, превращенной каменистымъ ущельемъ въ узкій каньонъ.

Тутъ попались намъ: черный аистъ (*Ciconia nigra*), два вида голубей,

галки, стрижи (*Cypselus apus*) и городская ласточка, которая въ Семирѣчѣ гнѣздится, главнымъ образомъ, въ горахъ, за недостаткомъ въ городахъ области каменныхъ построекъ. Выше каньона дорога нѣкоторое время идетъ щебневатымъ краемъ долины, образуя собою довольно широкій карнизъ, а затѣмъ постепенно спускается въ долину и дальше идетъ уже все время ея дномъ. Растительность попрежнему очень хороша, и я привожу списокъ наиболѣе бросающихся въ глаза видовъ, отмѣченныхъ мною здѣсь: *Koeleria cristata*, *Achillea millefolium*, *Festuca ovina*, *Galium verum*, *Myosotis silvatica* (?), *Poa* sp. *Bromus* sp., *Plantago* sp., *Thymus* sp.

Высота долины здѣсь около 1800 метровъ. На правомъ берегу рѣки, на второй террасѣ долины я записалъ слѣдующіе виды: *Geranium collinum*, *Thalictrum* sp., *Campanula* sp., *Iris* sp. *Alopecurus pratensis*, *Medicago falcata*, *Galium verum*, *Ranunculus* sp. *Borago* sp. и много разныхъ губоцвѣтныхъ. При подъемѣ отъ рѣки на террасу праваго берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ переѣзжали черезъ Каркару мы, невольно обращаютъ на себя вниманіе цѣлыя поля чемерицы (*Veratrum album*), частью растущей совмѣстно съ *Aconitum septentrionale*, частью же даже образующей чистыя насажденія безъ всякой посторонней примѣси.

Благодаря отсутствію знающаго проводника, мы заѣхали гораздо выше, чѣмъ слѣдовало, такъ что намъ пришлось сдѣлать верстъ двадцать лишнихъ, и на Каркару мы добрались только около 8-ми часовъ вечера, послѣ 11-ти часовъ непрерывной ѣзды.

Вся мѣстность между переправой черезъ рѣку и ярмаркой по своимъ почвеннымъ условіямъ, несомнѣнно, вполне пригодна для культуры; объ этомъ же свидѣлствуетъ и характеръ растительности, но здѣсь, повидимому, отрицательнымъ факторомъ можетъ явиться климатъ, насколько я пока могъ установить по разспроснымъ свѣдѣніямъ. Правда около одной изъ пасѣкъ мы встрѣтили засѣянное поле въ очень хорошемъ состояніи, но до конца лѣта по этому посѣву нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, такъ какъ неизвѣстно, успѣтъ-ли хлѣбъ вызрѣть, а въ этомъ-то именно, здѣсь вся и суть. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ приведены нѣкоторыя данныя, которыя говорятъ за отрицательное рѣшеніе вопроса о возможности земледѣльческой культуры на Каркаринскомъ плато, но къ этому я еще вернусь въ своемъ мѣстѣ.

На Каркарѣ я встрѣтился съ почвеннымъ отрядомъ экспедиціи; В. В. Сапожниковъ же съ Б. К. Шишкинымъ успѣли уже двинуться дальше, оставивъ мнѣ свѣдѣнія о приблизительно намѣченномъ ими маршрутѣ.

Такъ какъ этотъ маршрутъ болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ тому, что нами было въ общихъ чертахъ намѣчено еще въ Вѣрномъ, то я послалъ къ г. Сапожникову нарочнаго съ пакетомъ, въ которомъ просилъ устроиться такъ, чтобы мы съ А. И. Безсоновымъ могли догнать его въ Дубунѣ для совмѣстнаго движенія дальше.

Тѣмъ временемъ мнѣ пришлось съѣздить въ Пржевальскъ за корреспонденціей и за необходимыми мнѣ свѣдѣніями о сыртахъ, которыя я долженъ былъ получить отъ капитана В. А. Пяновскаго, посѣтившаго часть интересовавшаго насъ и намѣченнаго къ обслѣдованію района.

Вернувшись на Каркару, я 27-го іюня двинулся въ дальнѣйшій путь.

Еще по дорогѣ къ горамъ Чуль-Адырь, гдѣ расположены обширныя соляныя варницы, эксплуатируемыя киргизами, среди окончательно стравленнаго на всемъ протяженіи Каркаринскаго плато, намъ попался сѣнокосный участокъ, принадлежащій почтовой станціи, на которомъ растительность уцѣлѣла.

Здѣсь я записалъ встрѣченныя растенія, и по этому списку можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о составѣ флоры плато: *Festuca ovina*, *Poa* sp., *Alopecurus pratensis*, *Plantago* sp., *Trifolium repens*, *Geranium collinum* (?), *Thalietrum* sp., *Achillea millefolium*, *Capsella bursa pastoris*, *Galium verum*, *Potentilla* sp., *Oxytropis* sp., *Thymus* sp., нѣсколько другихъ губоцвѣтныхъ и въ меньшемъ количествѣ—незабудки, *Stellaria* sp., *Polygonum bistorta* и *Veronica spicata*. Кромѣ перечисленныхъ видовъ на Каркаринской равнинѣ во всякое время можно найти еще въ большемъ количествѣ *Aconitum septentrionale* Kōlle и въ меньшемъ—*Aconitum napellus* L., которые возвышаются на самыхъ чисто выѣденныхъ мѣстахъ, такъ какъ ихъ скотъ совершенно не трогаетъ. О второмъ изъ названныхъ растений ниже будетъ сказано нѣсколько словъ, а въ прилагаемомъ снимкѣ оно изображено вмѣстѣ съ *A. septentrionale*, съ которымъ обыкновенно растетъ совмѣстно.

Между горами Чуль-Адырь и р. Кегень расположена довольно обширная равнина, представляющая изъ себя превосходный районъ для земле-

дѣльческой культуры, если только здѣсь возможны богарные посѣвы, или же, въ противномъ случаѣ, если сюда можно вывести воду изъ Кегени.

Въ настоящее время все это обширное пространство совершенно не обрабатывается, и лишь кое-гдѣ видны остатки заброшенной арычной системы, да въ одномъ мѣстѣ попало небольшое поле пшеницы и овса изъ прошлагодней падалицы. По составу растительности двѣ части описываемой равнины—восточная и западная, считая отъ почтовой дороги—довольно замѣтно отличаются одна отъ другой.

Къ востоку отъ дороги, на большей части степи основнымъ растеніемъ является типецъ (*Festuca ovina*), къ которому примѣшаны нѣкоторые другіе виды: *Galium verum*, *Medicago falcata*, *Myosotis*, *Trifolium repens*, *Poa* sp., *Festuca* sp., *Thymus* sp., палевая *Scabioca*, такъ что мѣстами степь носить, даже, до нѣкоторой степени, луговой характеръ. Очень рѣдко попадаются плохіе экземпляры *Leontopodium alpinum*, для котораго здѣсь, очевидно, слишкомъ мало влаги. Такой видъ степь пріобрѣтаетъ постепенно по мѣрѣ удаленія отъ дороги къ востоку, по направленію песковъ Кумъ-Тыкей. По сосѣдству же съ дорогою, а также по мѣрѣ приближенія къ Кегени, составъ растительности мѣняется, перечисленные выше растения попадаютъ все въ меньшемъ количествѣ, а, взамѣнъ того, замѣтно начинаетъ преобладать довольно жалкій чій (*Lasiagrostis splendens*) и полынь. Въ этой части степи, между дорогою и песками Кумъ-Тыкей, намъ попался небольшой соленый ручей. Изъ представителей животнаго міра, кромѣ насѣкомыхъ, я здѣсь замѣтилъ только обыкновеннаго жаворонка (*Alauda arvensis*) да дрофу (*Otis tarda*). Здѣсь же слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ оригинальномъ песчаномъ пространствѣ, расположенномъ къ востоку отъ дороги, и заброшенномъ на такую высоту, на какой мнѣ до сихъ поръ въ Семирѣчьи никогда песковъ встрѣчать не приходилось. Эта песчаная площадь, извѣстная подъ названіемъ Кумъ-Тыкей, занимаетъ нѣсколько кв. верстъ и по характеру своей растительности не имѣетъ ничего общаго съ песками Прибалхашья и даже средняго теченія Или. Прежде всего, здѣсь я нашелъ только единственный кустъ, да и тотъ оказался барбарисомъ, тогда какъ для обычныхъ Семирѣченскихъ песковъ имѣется цѣлый рядъ характерныхъ кустарныхъ видовъ, и кустарная растительность въ пескахъ явленіе болѣе нормальное, чѣмъ ея отсутствіе. Затѣмъ, основ-

нымъ и притомъ почти единственнымъ травянистымъ растеніемъ здѣсь оказалась дикая люцерна (*Medicago falcata*), мѣстами образующая здѣсь довольно густой покровъ. Въ небольшомъ количествѣ растутъ *Elymus arenarius*, *Astragalus* sp. и какое-то желтое сложноцвѣтное. Въ довершеніе всего, здѣсь не оказалось ни одной ящерицы; по крайней мѣрѣ мы не могли замѣтить даже ни одного слѣда этихъ животныхъ, нормально являющихся типичными обитателями песчаныхъ пространствъ. Отсутствіе ящерицъ, можетъ быть, указываетъ на относительную суровость здѣшняго климата, съ обычнымъ, лѣтомъ сильнымъ, внезапнымъ пониженіемъ температуры, неблагоприятствующимъ существованію ящерицъ. А, можетъ быть, слишкомъ большая изолированность этихъ песчаныхъ пространствъ не дала возможности проникнуть сюда песчанымъ видамъ, сравнительно же незначительная площадь здѣшнихъ песковъ (считая и лежащія выше по Чолкуде песчанья площади, о которыхъ будетъ сказано дальше), въ свою очередь, исключаетъ возможность возникновенія здѣсь самостоятельныхъ формъ. Такъ или иначе, но ни здѣсь, ни на продолженіи Кумъ-Тыкея—пескахъ нижняго теченія Чолкуде мнѣ не удалось замѣтить ни одной ящерицы. Здѣсь добытъ очень свѣтлый экземпляръ туркестанскаго филина (*Bubo turcomanus*).

Говоря о горахъ Чуль-Адырь, я забылъ упомянуть о томъ, что встрѣтилъ тамъ парочку альпійскихъ жаворонковъ (*Otocoris penicillata*), которые здѣсь должны считаться болѣе или менѣе случайными представителями вида, такъ какъ нормально они держатся значительно выше: обыкновенно не ниже 2500 метровъ.

Возвращаясь къ равнинѣ между горами Чуль-Адырь и Кегеню.

Часть этой равнины къ западу отъ дороги значительно отличается отъ описанной восточной половины. Здѣсь преобладающимъ растеніемъ является уже чій (*Lasiagrostis splendens*) и, притомъ, гораздо лучшаго качества, чѣмъ въ восточной части равнины. Мѣстами—много полыни и уже въ гораздо болѣе ничтожномъ количествѣ встрѣчаются виды, упомянутые выше и здѣсь играющіе подчиненную роль. Вообще, здѣсь мѣстность уже не напоминаетъ луга, какъ кое-гдѣ въ восточной части, а имѣетъ видъ хорошей чіевой степи, хотя и съ болѣе или менѣе замѣтною примѣсью другихъ растений. И только при приближеніи къ расположенному здѣсь

низменному участку, извѣстному подъ названіемъ Булюкъ Сазъ («Отдѣльное болото»), эта примѣсь другихъ видовъ становится замѣтной все сильнѣе, пока, наконецъ, на самомъ Булюкъ Сазѣ мы не встрѣтились съ прекраснымъ горнымъ лугомъ. Только благодаря очень сухому лѣту болото Булюкъ Сазъ успѣло почти высохнуть и сохранилось, какъ таковое, лишь на небольшомъ пространствѣ въ самомъ центрѣ довольно обширнаго луга. Питается болото впадающимъ въ него небольшимъ ручейкомъ. Здѣсь я нашелъ, конечно, болѣе богатое птичье населеніе, чѣмъ въ окружающей степи, но само по себѣ оно, все-таки, является очень мало разнообразнымъ: нѣсколько выводковъ травниковъ (*Totanus calidris*), чибисовъ (*Vanellus cristatus*), парочка чирковъ, нѣсколько гаршнеповъ (*Scolopax gallinula*), двѣ, три трясогузки (*Budytes feldeggii*) да обыкновенный жаворонокъ (*Alauda arvensis*), вотъ и весь перечень. Высота Булюкъ Саза надъ уровнемъ—около 1850 метровъ. Что касается флоры луга, то я записалъ здѣсь наиболѣе бросающіеся въ глаза виды: *Leontopodium alpinum*, *Ligularia* sp., *Pedicularis* sp. (желтый), *Galium mollugo*, *Koeleria cristata*, *Allium* sp., *Geranium* sp., *Thalictrum* sp., *Potentilla* sp., *Sanguisorba officinalis*, *Festuca* sp. и *Primula* sp. Всѣ растенія въ прекрасномъ видѣ и крупныхъ экземплярахъ, а густой подсѣдъ между ними, въ сущности пожалуй, представляющій главную массу растительнаго матеріала, образованъ неизвѣстными мнѣ некрупными злаками и какою-то мелкою же *Oxytropis*.

По мѣрѣ движенія отъ Булюкъ Саза на сѣверъ, къ Кегени растительность степи становится все бѣднѣе и бѣднѣе, и, наконецъ, сводится почти исключительно къ типу (*Festuca ovina*) и полыни (*Artemisia maritima*), да и тѣ имѣютъ не особенно блестящій видъ. Очевидно, глубокое ложе Кегени оказываетъ сильное дренирующее вліяніе на прилегающую степь, замѣтно понижая количество влаги въ почвѣ. О фаунѣ описанной равнины было уже сказано. По сосѣдству съ рѣкою къ жаворонкамъ, соотвѣтственно измѣнившемуся на болѣе пустынный характеру степи, прибавились полевые коньки (*Anthus campestris*), а также встрѣчено нѣсколько чеккановъ-попутчиковъ (*Saxicola oenanthe*). Около самой рѣки попадались чибисы (*Vanellus cristatus*), зуйки малые (*Charadrius minor*), травники (*Totanus calidris*), трясогузки (*Modacilla personata*), коршуны (*Milvus melanotis*), да единственный экземпляръ черныша (*Totanus oehropus*). Чибисы рано утромъ

въ большомъ количествѣ вылетаютъ въ степь охотиться за какими-то небольшими черными жуками, которые еще не успѣли попрятаться на день и въ изобиліи бѣгали въ поискахъ подходящаго убѣжища. Чіевыя заросли на верхней террасѣ Кегени около нашей стоянки (у моста на трактѣ) въ изобиліи изрыты норками какой-то свѣтлой мыши съ темнымъ ремнемъ на спинѣ и очень короткимъ хвостомъ, изъ которыхъ одна попалась въ ловушку.

На этой нашей стоянкѣ наблюдалось довольно странное явленіе: при большомъ количествѣ комаровъ въ сухой степи верхней террасы Кегени, ихъ совершенно не было на самомъ берегу рѣки, гдѣ мы разбили свой лагерь, хотя, казалось, должно было бы быть наоборотъ.

По выѣздѣ нашемъ дальше на слѣдующій день, 28 іюня, мы сразу послѣ переѣзда черезъ рѣку въѣзжаемъ въ мѣста, которыя носятъ уже гораздо болѣе пустынный характеръ: то ровная, то слегка волнистая степь имѣетъ весьма безжизненный видъ, почва свѣтлая, растительность едва замѣтна, кромѣ рѣдкихъ кустиковъ чіа и небольшихъ зеленыхъ кусочковъ кое-гдѣ по впадинкамъ. Очевидно, что, несмотря на высоту 1900 метровъ, осадковъ здѣсь выпадаетъ очень мало, да и тѣ благодаря общему уклону мѣстности на правомъ берегу Кегени къ югу быстро испаряются.

Верстѣ пять не доѣзжая горъ Джалнакъ-тау мѣстность образуетъ на нѣкоторомъ протяженіи впадину, и здѣсь сразу почва становится темнѣе, а растительность свѣжѣе и разнообразнѣе. Окружающія горы тоже имѣютъ унылый видъ и оживаютъ только послѣ того, какъ мы, на 2-й верстѣ отъ Кегени спускаемся на прямую дорогу въ Подгорное. Здѣсь дорога идетъ среди великолѣпнаго чіа (*Lasiagriostis splendens*), растущаго въ перемежку съ разными растеніями, характерными для невысокихъ мѣстъ. Но кустарниковъ здѣсь мало, попадаетъ только мелкая *Caragana* sp., да рѣдкіе кустики барбариса. Появляются, конечно, и птицы, но немного и ничего интереснаго: *Pratincola maura*, *Emberiza luteola* и т. п.

Новая прямая дорога на Подгорное, по которой мы ѣдемъ, въ общемъ очень недурна, хотя и имѣетъ кое-гдѣ крутые подъемы и спуски. Мѣстами же она представляетъ изъ себя прямо - таки превосходное естественное шоссе. По пути, на высотѣ около 1600 метровъ, у самой дороги, на ровномъ мѣстѣ попался богарный посѣвъ пшеницы, правда, въ довольно пло-

хомъ состояніи. Но на сѣверныхъ склонахъ сосѣднихъ горъ такихъ посѣвовъ разбросано уже довольно много, и состояніе хлѣбовъ на нихъ значительно лучше, такъ что, очевидно, даже небольшой уклонъ мѣстности къ сѣверу замѣтно отзывается на количествѣ влаги въ почвѣ. По своему рельефу горы представляютъ здѣсь довольно много мѣстъ, доступныхъ для обработки. Здѣсь на щебневатомъ мѣстѣ попался *Ablepharus* sp. въ единственномъ экземплярѣ. Въ долину Темерлика спустились въ очень живописномъ мѣстечкѣ, гдѣ долина рѣки нѣсколько расширяется. Растительность здѣсь, конечно, очень свѣжая, но далеко не разнообразная по составу. Преобладающимъ растеніемъ здѣсь является предательская исполинская коноплевидная крапива (*Urtica cannabina*), которая очень сильно напоминаетъ коноплю и этимъ легко вводитъ въ заблужденіе новичка. Жжется же она сильнѣе обыкновенной крапивы, а благодаря ея исполинскому росту, ожоги часто приходятся на долю лица, что, конечно, особенно чувствительно. Кромѣ крапивы, въ изобилии растетъ осолодка (*Glycyrrhiza*), а изъ кустарниковъ—барбарисъ (*Berberis heteropoda*). Прилегающіе къ рѣкѣ холмы почти совершенно голы.

Фауна долины рѣки тоже не особенно разнообразна. Изъ птицъ—много зуйковъ (*Totanus hypoleucos*), два вида голубей (*Columba livia* и *C. rupestris*), горныя курочки (*Caccabis chukar*), трясогузки (*Motacilla personata*), сорокопуть (*Lanius phoeniceus*), чеканны (*Saxicola oenanthe*), галки (*Monedula* sp.), двѣ—три черныя вороны (*Corvus corone*), немного стрижей (*Cypselus apus*) и ласточекъ (*Chelidon urbica*), да 1—2 удода (*Upupa epops*) и 2—3 парочки розовыхъ скворцовъ (*Pastor roseus*). Изъ млекопитающихъ пойманы *Cricetulus* sp., *Myoxus* sp. и какая-то мышь. Миръ насекомыхъ тоже мало разнообразенъ, да и вообще не богатъ.

Подъемъ дороги отъ Тамерлика къ Подгорному, съ котораго намъ пришлось начать путь на слѣдующій день, 29-го іюня, очень крутъ, такъ что пара лошадей едва вытягиваетъ несильно нагруженную телѣгу, и мы вынуждены были использовать бывшихъ съ нами двухъ верховыхъ лошадей, привязавъ ихъ къ оглоблямъ, за неимѣніемъ для нихъ сбруи, прямо за хвосты. Примѣненіе такого способа нерѣдко можно видѣть въ Семирѣчьи въ тѣхъ случаяхъ, когда упряжныя лошади отказываются гдѣ-нибудь вы-

везти экипажъ, и приходится обращаться къ содѣйствию киргизъ, лошади которыхъ, вообще говоря, въ упряжи не ходятъ.

Послѣ подъема дорога идетъ по ровному плоскогорью, а по сторонамъ виднѣются пологіе холмы, вполне удобные для обработки. Къ сожалѣнію, сомнительно, чтобы здѣсь была возможна богарная культура, хотя на этой, же высотѣ (около 1400 метровъ) по ту сторону Темерлика, пашни и имѣются. Но тамъ мѣстность имѣетъ общій уклонъ къ сѣверу, и это явно отзывается на влажности почвы, здѣсь же, при отсутствіи такого уклона, съ перваго взгляда замѣтна рѣзкая разница въ характерѣ мѣстности, свидѣтельствующая о гораздо большей сухости.

Флора на нашемъ пути крайне скудная и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ жалкихъ кустиковъ эбелека (*Ceratocarpus arenarius*) и полыни (*Artemisia maritima*). Фауна—почти отсутствуетъ, и только изрѣдка попадаются самыя обыкновенныя степныя ящерицы (*Eremias arguta*).

По спускѣ съ горы Чушонай, мы попадаемъ въ предгорную полосу, занятую линіею таранчинскихъ поселковъ, изъ которыхъ первымъ на нашемъ пути оказывается Чушонай. Здѣсь уже начинаются поливные поля киргизъ и таранчей, орошаемые изъ текущихъ съ горъ небольшихъ рѣчекъ. Сѣются просо и пшеница, и посѣвы имѣютъ весьма приличный видъ, несмотря на сильно щебневатый характеръ почвы.

По мѣрѣ движенія вдоль горъ, въ сторону казачьяго выселка Подгорнаго, почва постепенно теряетъ этотъ щебневатый характеръ и мало-помалу переходитъ въ свѣтлую лессовидную, причемъ и растительность становится богаче, особенно, по ложкамъ. Начинаютъ попадаться кое-какія птицы, въ томъ числѣ бульдуруки (*Pterocles arenarius*). Еще около Чушонай на возвышенныхъ мѣстахъ замѣтны остатки богарныхъ полей, но, по словамъ Подгорненскаго пристава, Н. С. Сазонтова, посѣвы здѣсь обыкновенно выгораютъ.

Подгорная полоса у подножія Кетменскихъ горъ не представляетъ никакого интереса, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ обычныя въ Семирѣчьи условія поливного культурнаго района, такъ что останавливаться на пути до Подгорнаго и дальше до Б. Аксу я не буду, а перейду непосредственно къ той части пути, которая проходитъ уже по необрабатываемымъ пространствамъ между горами и р. Или.

Дорога, которою мы ѣдемъ изъ Аксу въ началѣ, весьма мало приспособлена для колеснаго движенія, и по ней болѣе или менѣе легко передвигаться только на таранчинской арбѣ, каковою я и воспользовался.

Направление дороги идетъ приблизительно на сѣверо-востокъ и, проѣхавъ верстъ 10, мы оставляемъ за собою послѣднія обрабатываемыя поля сел. Баянъ-Казакъ, а еще верстъ черезъ 5 минули и остатки старыхъ теперь заброшенныхъ арыковъ. Немного ниже опять попадаются остатки арыковъ, когда-то пользовавшихся водою доходившей сюда рѣчки Терерменъ, вдоль совершенно сухого русла которой дорога идетъ нѣкоторое время. Въ одномъ мѣстѣ этого сухого русла попадаетъ разбросанная группа тополей (уроч. Ката-Терекъ).

Растительность состоитъ изъ рѣдкихъ крошечныхъ кустиковъ полыни (*Artemisia maritima*) и эбелека (*Ceratocarpus arenarius*), а почва содержитъ въ изобиліи мелкіе камешки и небольшіе валуны. Фауна тоже крайне бѣдна: два—три вида жуковъ, рѣдкіе единичные экземпляры *Eremias arguta*, да изъ птицъ—немного коньковъ (*Anthus campestris*), чеккановъ (*Saxicola oenanthe* и *S. morio*), малыхъ жаворонковъ (*Calandrella brachydaetyla*) и единственный экземпляръ пустынного чеккана (*Saxicola deserti*). По мѣрѣ углубленія въ степь и измѣненія характера почвы на болѣе песчаный, стали попадаться круглоголовки (*Phrynocephalus caudivolvulus*).

Около 11 часовъ дня, т. е. послѣ того какъ проѣхали верстъ 25, переѣхали сухое русло Удута; отсюда мѣстность начинаетъ уже замѣтно мѣнять свой характеръ, переходя изъ голой, щебневатой полынной степи въ болѣе или менѣе заросшую песчанистую. Прежде всего попадаютъ нѣсколько отдѣльныхъ кустиковъ тамарикса (*Tamarix* sp.), которые затѣмъ исчезли и были замѣнены кустами саксаула (*Haloxylon ammodendron*). Полосою чистаго саксаула мы ѣхали версты 3—4, затѣмъ къ саксаулу начали присоединяться другія растенія, а именно: опять тамарискъ, чингиль (*Halimodendron argenteum*), крупный терескень (*Erotia ceratoides*), чій (*Lasiagrostis splendens*, камышъ (*Phragmites communis*) и нѣкоторыя другія растенія, причемъ кусты чія и чингиля достигали огромныхъ размѣровъ и имѣли прекрасный видъ. Немного дальше довольно быстро исчезъ саксаулъ, а еще немного погодя вся описанная растительность замѣнилась зарослями солянокъ съ примѣсью рѣдкаго и мелкаго камышка.

Около часа дня подъѣхали къ прекрасному ключику, пробивающемуся на краю болота (уроч. Куль-Бастау), довольно обширного и заросшаго крупнымъ камышомъ. Здѣсь, очевидно, выходятъ на поверхность воды, остающіяся свободными отъ орошенія предгорной полосы района. Отсюда составъ растительности опять началъ мѣняться: сталъ преобладать то чій (*Lasiagrostis splendens*), то камышокъ, первый — съ примѣсью бурунца (*Sophora alopecuroides*), а второй — съ примѣсью осолодки (*Glycyrrhiza*). Дальше въ замѣтномъ количествѣ появилась крупная мальва (*Lavathera* sp.) и гречиха (*Polygonum bistortum*). Еще дальше мы проѣхали довольно большое пространство (нѣсколько десятковъ десятинъ), на фонѣ камыша сплошь заросшее огромными кустами какого-то молочая (*Euphorbia* sp.), превышавшаго ростъ человѣка и мѣстами образывавшаго даже основной фонъ растительнаго покрова.

Немного погода составъ растительности опять рѣзко мѣняется: въ изобилии появляется чій (*Lasiagrostis splendens*) съ примѣсью какого-то высокорослаго кермека (*Statice* sp.), затѣмъ опять идутъ солянки съ камышомъ, снова ненадолго появляются кустики чингиля (*Halimodendron argenteum*), опять солянки съ камышомъ, къ которымъ дальше въ изобилии присоединяются кендырь (*Aprocyum venetum*), и, наконецъ, снова появляется чій, и въ этомъ составѣ растительность идетъ уже до самаго выселка Кошъ-Агачъ.

Выселокъ этотъ образуетъ одно изъ звеньевъ второй линіи поселковъ, расположенныхъ въ районѣ между Кетменскими горами и р. Или. Эта линія населенныхъ пунктовъ, состоящая изъ Чунджи, Узунъ-Тама, Кошъ-Агача, Гумбы, Дубуна и Кайчи, приурочена къ той полосѣ, гдѣ обширная плоская равнина образуетъ замѣтный уступъ, у подножія котораго появляются на поверхности подпочвенныя воды, просачивающіяся сюда изъ предгорной полосы. Къ мѣстамъ выхода этихъ водъ и приурочены всѣ селенія этой второй линіи.

Но такъ какъ само собою понятно, что количество имѣющейся здѣсь воды не можетъ быть особенно значительно, то и хозяйство населенія здѣшнихъ поселковъ сводится исключительно къ болѣе интенсивнымъ культурамъ, а именно — къ садоводству, огородничеству, разведенію мака для добыванія опиума и незначительнымъ посѣвамъ люцерны. Лѣтомъ и самое населеніе поселковъ очень невелико, такъ какъ большинство жителей про-

живаесть въ предгорной полосѣ, гдѣ занято земледѣліемъ на арендуемыхъ земляхъ. Внѣшній видъ болѣе крупныхъ поселковъ очень привлекателенъ, такъ какъ постройки утопаютъ въ садахъ, а въ Дубунѣ мы нашли даже виноградники.

Для характеристики того, насколько рѣзкую разницу во времени созрѣванія тѣхъ или другихъ растений можно наблюдать въ Семирѣччѣ иногда въ весьма мало другъ отъ друга удаленныхъ пунктахъ, я укажу здѣсь на тотъ фактъ, что въ Дубунѣ мы уже не застали урюка, тогда какъ въ Подгорномъ онъ только что началъ созрѣвать. А между тѣмъ разстояніе между Подгорнымъ и Дубуномъ по прямой линіи всего 50 верстъ, на зато въ высотѣ—около 700 метровъ.

Возвращаясь къ пути между Кошъ-Агачемъ (высота надъ уровнемъ моря—около 700 метровъ) и Дубуномъ, я замѣчу только, что здѣсь дорога проходитъ рыхлою солонцеватою степью, поросшею тамариксомъ и солянками. Изъ млекопитающихъ въ изобиліи попадаютъ песчанки (*Meriones tamaricinus*), норы которыхъ попадаютъ постоянно; изъ птицъ—пустынный конекъ (*Anthus campestris*) и хохлатый жаворонокъ (*Alauda cristata*), который до сихъ поръ намъ еще нигдѣ не попадался. Изъ ящерицъ, кромѣ обыкновенныхъ круглоголовокъ, начали попадаться самыя крупныя изъ Семирѣченскихъ ящерицъ—агама (*Agama sanguinolenta*). Въ окрестностяхъ поселковъ благодаря разнообразію растительности, конечно, гораздо богаче и животная жизнь, но представлена она, понятно, самыми обычными видами: галками (*Monedula* sp.), желтыми трясогузками (*Budytes feldeggii*) славками (*Sylvia cinerea*), чекканчиками (*Pratincola mauro*), воробьями скворцами и т. п.

Около Кошъ-Агача добытъ 1 экземпляръ какого-то неизвѣстнаго мнѣ жаворонка, встрѣченнаго въ единственномъ числѣ.

Самый крупный изъ поселковъ второй линіи Дубунъ расположенъ на мѣстности, не имѣющей характера солонца, а представляющей обыкновенную лессовидную степь. Но со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ тѣми-же солонцеватыми почвами, которыя, однако, очевидно, пригодны для культуры, такъ какъ я видѣлъ, какъ онѣ разрабатываются таранчами подъ пашню.

Изъ Дубуна мы сдѣлали экскурсію на Или съ цѣлью ознакомиться съ ближайшею къ рѣкѣ полосой подлежащаго нашему обследованію района.

Сперва путь къ Или идетъ солонцеватыми пространствами съ соответственной флорою, причемъ мѣстами преобладаетъ *Salsola kali*, мѣстами мелколистный тамариксъ (*Tamarix* sp.), мѣстами *Alhagi camelorum*, мѣстами даже *Halolachne* sp, а мѣстами разныя мелкія солянки. Ближе къ Или мѣстность приобретаетъ такыроподобный видъ съ низкою растительностью, и, наконецъ, еще ближе къ рѣкѣ появляются пески съ саксауломъ (*Haloxylon ammodendron*), тамариксомъ, турангою (*Populus diversifolia*), дюзгеномъ (*Calligonum*, въ томъ числѣ *Calligonum caput medusae* съ оригинальными плодами) и съ большимъ количествомъ красиваго *Zygophyllum* съ ягодами вродѣ винограда.

Въ общемъ флора здѣшнихъ песковъ замѣтно отличается отъ флоры песковъ Прибалхашья: сразу бросается въ глаза отсутствіе такого типичнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ изяшнаго растенія, какъ куянъ-сюекъ (*Ammodendron Sieversi*), а также крупныхъ видовъ *Calligonum*.

Песчанія пространства съ барханами чередуются съ голыми такырами и такыроподобными площадями, покрытыми частью камешками, частью мелкими разноцвѣтными кусочками разбившейся глинистой корки такыра. На такихъ мѣстахъ держатся интересныя ночныя ящерицы *Teratoscincus scincus*), которыхъ я раздобылъ здѣсь нѣсколько штукъ, причемъ мнѣ попутно удалось сдѣлать надъ ними кое-какія наблюденія. Всѣ встрѣченныя ящерицы проявляли, сравнительно съ дневными видами довольно мало подвижности, такъ что ловить ихъ не представляло особеннаго труда. При приближеніи къ ящерицѣ фонаря она дѣлала сперва попытку подойти къ огню еще ближе, но затѣмъ замирала на мѣстѣ совершенно неподвижно въ довольно оригинальной позѣ: вытянувшись на ногахъ и съ наклонно поднятымъ кверху совершенно прямымъ хвостомъ, какъ у собаки, дѣлающей стойку. На бѣгу хвостъ держится немного изогнутымъ кверху. Вблизи отъ фонаря ящерица, повидимому, ничего не видитъ, такъ какъ совершенно не реагируетъ, когда подносишь палецъ къ самой ея мордѣ. Въ то же время она дѣлаетъ попытку бѣжать при малѣйшемъ шумѣ.

Въ виду крайней нѣжности этихъ ящерицъ ловить ихъ слѣдуетъ съ большою осторожностью и на совершенно чистомъ мѣстѣ, такъ какъ онѣ повреждаются даже стеблями растеній, если схватить ящерицу подъ кустикомъ травы. Изъ другихъ ящерицъ здѣсь въ достаточномъ количествѣ по-

падались агамы (*Agama sanguinolenta*), *Phrynocephalus mystaceus*, *Phr. caudivolvulus*, *Eremias velox* и *Scapteira grammica* и не встрѣчено ни одной *Scapteira scripta*. Изъ перечисленныхъ видовъ въ теченіе цѣлаго дня можно было наблюдать только агамъ, малыхъ круглоголовокъ (*Phr. caudivolvulus*) и *Eremias velox*, ушастая же круглоголовка и *Scapteira grammica* въ самую жаркую пору не попадались, куда-то, видимо, прячась на это время. По части млекопитающихъ—крайне бѣдно, такъ какъ въ изобиліи встрѣчаются только *Meriones tamaricinus* да зайцы, остальныхъ же даже слѣдовъ не видѣлъ, и поставленныя ловушки тоже остались нетронутыми. Орнитологическая фауна уже немножко разнообразнѣе, но тоже не особенно богата. Въ самыхъ пескахъ, собственно, нѣтъ почти ничего, кромѣ небольшого количества *Saxicola deserti*, да отдѣльныхъ экземпляровъ пустынной славки (*Silvia nana*). На солонцеватыхъ пространствахъ попадались тѣже *Saxicola deserti*, *Anthus campestris*, *Saxicola morio*, довольно много хохлатыхъ жаворонковъ (*Alauda cristata*) и добыта одна *Athene* sp.

По берегамъ Или птицъ, конечно, значительно больше: масса фазановъ (*Phasianus mongolicus*), изъ которыхъ молодые какъ разъ начинаютъ мѣшаться, много дятловъ (*Picus leptorhynchus*), голубей (*Columba* sp.), есть синицы (*Parus bokharensis*), пѣночки (*Phylloscopus* sp.), луни (*Circus aeruginosus*) и перепелятники (*Accipiter nisus*). Больше впрочемъ, кажется, и здѣсь ничего не встрѣчено.

Около 12 часовъ дня 4-го іюля я выѣхалъ изъ Дубуна по прямой дорогѣ въ Кетмень, причемъ намъ по пути опять пришлось пересѣчь ту безплодную полосу степи, которую мы раньше переѣзжали по дорогѣ изъ Аксу въ Дубунъ. Въ 12 час. 40 мин. былъ слышенъ короткій гулъ, по всей вѣроятности, отголосокъ отдаленнаго толчка.

По мѣрѣ движенія къ Кетменю мы сперва ѣхали солонцевую степь съ *Salsola kali* и другими соотвѣтственными растеніями, затѣмъ проѣхали довольно широкую полосу зарослей чіа (*Lasiagrostis splendens*), опять полосу солонцевъ, потомъ полосу молодого свѣженькаго свѣтло-зеленаго саксаула, рѣзко граничащаго дальше съ густыми зарослями высокаго сѣролистнаго тамарикса, который еще дальше опять уступаетъ мѣсто саксаулу, растущему сперва на голомъ бѣломъ такырѣ, а затѣмъ на щебневатой почвѣ. Постепенно и этотъ саксаулъ исчезаетъ, потомъ исчезаетъ и смѣнившая

было его мелкая *Caragana* sp., и отсюда до самого Кетменя разстилается уже почти голая степь съ жалкимъ эбелекомъ (*Ceratocarpus arenarius*) и большею или меньшею примѣсю гальки и щебня въ почвѣ. Впрочемъ, эти щебень и галька нисколько не мѣшаютъ таранчамъ обрабатывать всю предгорную степь вплоть до послѣдняго предѣла, до котораго можетъ быть доведена вода. Между прочимъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, орошаемый районъ четыре года тому назадъ рѣзко уменьшился, чему, впрочемъ, не трудно повѣрить, такъ какъ сравнительно новые, но теперь заброшенные арыки тянутся далеко за предѣлы нынѣ обрабатываемыхъ земель. Объясняется это явленіе, вѣроятно, просто рядомъ засушливыхъ годовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, послѣ обильнаго снѣгомъ и водой 1908 года.

По прибытіи въ Кетмень участники экспедиціи расположились въ отведенныхъ для нихъ таранчинскихъ домахъ и провели здѣсь около сутокъ въ ожиданіи необходимыхъ для дальнѣйшаго движенія лошадей.

Кетмень представляетъ изъ себя очень живописное таранчинское селеніе, расположенное уже около самаго подножія Кетменскаго хребта, почти въ самой серединѣ тянувшейся здѣсь линіи таранчинскихъ селеній. Благодаря своеобразной чисто восточной архитектурѣ и массѣ зелени, всѣ вообще таранчинскія селенія отличаются живописностью и красотою. Но особенно сильное впечатлѣніе производятъ тѣ изъ нихъ, которыя, какъ Кетмень и, главное, Кольджатъ, расположены на неровной мѣстности, составляющей таранчей ютиться со своими красивыми домиками, то на склонахъ холмовъ, то въ глубокихъ впадинахъ и оврагахъ, въ результатъ чего селеніе еще безконечно выигрышаетъ въ смыслѣ красоты и живописности. Хитрые и весьма склонные къ торгашеству, и даже къ воровству таранчи, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно подкупаютъ своимъ трудолюбіемъ, любовью къ хозяйству, умѣніемъ разумно использовать каждый клочекъ земли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своимъ несомнѣннымъ эстетическимъ чувствомъ, заставляющимъ ихъ заботиться объ украшеніи своихъ домовъ и усадебъ. Въ Кольджатѣ мнѣ пришлось, напримѣръ, встрѣтить таранчинскую усадьбу, хозяйинъ которой, имѣя въ своемъ распоряженіи только нѣсколько квадратныхъ саженой, да и то на крутомъ склонѣ холма и сдѣлавъ на этомъ мѣстѣ выемку, получилъ висящую надъ рѣчкою небольшую площадку, на которой и развелъ передъ домомъ пріятный миниатюрный садикъ съ 2—3

фруктовыми деревьями, нѣсколькими кустами, парой грядокъ овощей и небольшими клумбами цвѣтовъ. Этотъ замѣчательно изящный висячій садикъ произвелъ на меня прямо таки чарующее впечатлѣнiе.

Дальнѣйшій нашъ путь отъ Кетменя до Кольджата пролегалъ по культурной полосѣ сѣверныхъ предгорiй Кетменскихъ горъ, черезъ рядъ расположенныхъ здѣсь таранчинскихъ селенiй. Останавливаться на описанiи этого пути я не буду, такъ какъ всѣ таранчинскiе поселки болѣе или менѣе похожи одинъ на другой, мѣстность же, по которой намъ пришлось ѣхать, представляла обычныя условiя культурной зоны Семирѣчья: арыки, поля пшеницы и люцерны, деревья по сосѣдству съ поселками, заброшенные пашни и участки бѣдной полынной степи на неорошенныхъ мѣстахъ.

Въ 10 часовъ утра 6-го iюля наша часть экспедицiи (В. В. Сапожниковъ и Г. Ф. Буровъ перевалили хребетъ прямо изъ Кетменя и должны были насъ дожидаться въ долину Чолкуде) выѣхала изъ Кольджата, среднимъ изъ трехъ имѣющихся здѣсь переваловъ—Кольджатскимъ, какъ наиболѣе короткимъ и наименѣе тяжелымъ.

Постройки, огороды и посѣвы таранчей тянутся довольно далеко, вдоль дороги, по которой мы ѣдемъ, причемъ таранчи примѣняютъ орошенiе даже на такой высотѣ, на которой, казалось бы, вполне должны были бы удаваться богарные посѣвы.

Подъемъ сперва довольно легкiй, но затѣмъ становится значительно тяжелѣе, такъ что въ два часа пришлось сдѣлать небольшую остановку, съ цѣлью дать отдохнуть уставшимъ лошадямъ. По мѣрѣ движенiя мы проѣхали послѣдовательно всѣ обычныя для Семирѣчья растительныя зоны, изъ которыхъ здѣсь плохо выражена только зона лиственнаго лѣса, который почти отсутствуетъ. Поясъ еле начался на высотѣ 2900 метровъ, послѣ чего еще очень недолго попадалась арча (*Juniperus sabina* отдѣльныя кустики до 3100 метровъ), а затѣмъ пошли альпiйскiя пастбища, нерѣдко прерываемыя выходами горныхъ породъ. На вершинѣ перевала (около 3600 метровъ) мѣстами лежитъ снѣгъ, да еще какъ разъ во время нашего проѣзда собрались тучи и пошелъ самый настоящiй снѣгъ, который скоро покрылъ всю землю, такъ что мы впервые за эту поѣздку оказались въ разгаръ лѣта среди зимняго пейзажа.

Въ дальнѣйшемъ пути экспедиціи пришлось имѣть дѣло со снѣгомъ не одинъ разъ, такъ что зима лѣтомъ перестала насъ удивлять; теперь же для перваго раза, такая смѣсь лѣта и зимы, снѣжного покрова и выглядывающихъ изъ подъ него разнообразныхъ цвѣтовъ, казалась очень оригинальной и интересной, хотя и не очень пріятной, такъ какъ термометръ на вершинѣ перевала показалъ температуру ниже 0° ($-1/2^{\circ}$).

Ровная мѣстность на вершинѣ хребта, несмотря на скверную погоду, доставила довольно много добычи для моей орнитологической коллекціи. Здѣсь добыты нѣсколько штукъ *Fringillauda altaica*, парочка молодыхъ *Ruticilla erythrogastra*, *Accentor alpinus*, *Otocoris penicillata*, державшіеся отдѣльными парочками на свѣтлыхъ гранитныхъ щебняхъ, и парочка какихъ-то коньковъ (*Anthus* sp.).

На самой вершинѣ перевала, передъ началомъ спуска, сложены довольно обычныя на перевалахъ четыре большія кучи камней. Въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ близко къ нашей дорогѣ подходитъ дорога болѣе восточнаго Хасанскаго перевала, которая затѣмъ круто заворачиваетъ и, говорятъ, уходитъ опять довольно далеко къ востоку.

Такъ какъ и наша дорога при спускѣ тоже мало уклоняется къ западу, то нашъ проводникъ, съ цѣлью сократить разстояніе, провелъ насъ прямо безъ всякой дороги на тропу, идущую на Чолкуде по р. Чунгутъ изъ пос. Чунгутъ, благодаря чему мы порядочно выиграли во времени. И это вышло весьма кстати, такъ какъ перевалъ оказался настолько длиннымъ, что нашъ караванъ едва успѣлъ засвѣтло добраться до ближайшей удобной стоянки.

Въ самомъ началѣ спуска, дорога проходитъ по осыпи изъ обломковъ гранита, образующей справа отъ дороги настолько правильный и ровный откосъ, что получается впечатлѣніе искусственнаго сооруженія, вродѣ желѣзнодорожной насыпи. Откосъ очень крутъ, но насколько далеко онъ идетъ, увидѣть было нельзя, благодаря стоявшему крайне густому туману.

Въ началѣ спуска среди щебня на насыщенной водою почвѣ растутъ розовые одуванчики (*Taraxacum officinale*), которые за все время нашей поѣздки этого года попались намъ всего три раза, причемъ каждый разъ въ совершенно аналогичныхъ условіяхъ: на южномъ склонѣ, близъ вершины перевала, на насыщенной водою почвѣ, на высотѣ около 3400 метровъ.

Торопясь попасть на ночлегъ, мы спускались очень быстро, хотя около Чолкуде дорога становится довольно каменистою. На склонѣ долины этой рѣки ни древесной, ни кустарной растительности нѣтъ вовсе, и до самого лагеря мы ѣдемъ среди типичнаго альпійскаго ландшафта—луговъ съ разбросанными кое-гдѣ скалами, или каменистыми площадками. На ночлегъ остановились на берегу р. Чолкуде среди роскошнаго горнаго луга, который, однако, доставилъ мало удовольствія, такъ какъ высокая мокрая трава на пропитанной водою почвѣ при температурѣ только $+4^{\circ}\text{C}$. представляетъ неособенно благоприятныя условія для ночлега.

Высота около 2850 метровъ.

Вообще обстановка, съ которой мы разстались утромъ, и та, въ которой намъ пришлось лечь спать вечеромъ, оказались настолько мало похожими другъ на друга, что трудно повѣрить, что отъ одной стоянки до другой насъ отдѣляетъ только день караваннаго движенія. Тамъ прекрасное цвѣтущее селеніе среди полей и садовъ и превосходный мягкій климатъ, дающій возможность расти всевозможнымъ фруктовымъ деревьямъ; здѣсь ежедневные дожди, снѣгъ въ іюлѣ мѣсяцѣ и климатическія условія, которыхъ не можетъ вынести даже арча. Такіе контрасты особенно наглядно показываютъ, насколько трудно отвѣтить на часто задаваемый жителямъ Семирѣчья вопросъ относительно климата области. Тутъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: всѣ климаты, кромѣ тропическаго.

На слѣдующій день путь нашъ лежалъ внизъ по долинѣ Чолкуде. Сперва долина очень узка, но затѣмъ значительно расширяется и въ концѣ концовъ представляетъ изъ себя обширную равнину съ превосходными, удобными пастбищами для скота. Пастбища эти используются киргизами очень широко, и мы на нашемъ пути, особенно же около мѣста вечерней остановки (противъ щели Батпакъ-Булакъ), встрѣчали массу юртъ кочевниковъ. Само собою разумѣется, что ни о какой культурѣ на всемъ протяжении нашего сегодняшняго пути не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ климатическія условія слишкомъ неблагоприятны. Сегодня температура врядъ ли поднималась выше $7-8^{\circ}\text{C}$., и почти сплошь шелъ дождь, и такая погода, по словамъ киргизовъ, здѣсь стоитъ почти постоянно. Дней безъ дождя въ теченіе мѣсяца бываетъ три—четыре.

Растительность въ долинѣ—чисто горная, луговая; кустиковъ—ни одного. Окружающія горы тоже почти совершенно голы, и только въ двухъ мѣстахъ на нихъ были замѣтны небольшія пятна древесной и кустарной растительности: сперва на высотѣ около 2700 метровъ, на склонахъ, ограничивающихъ долину слѣва, попался участокъ, поросшій елью и арчею, причемъ ель росла выше арчи, а затѣмъ немного ниже по теченію, на южномъ склонѣ главнаго Кетменскаго хребта, т. е. справа отъ рѣки, встрѣтилась небольшая площадь, поросшая густою и крупною арчею.

На остальномъ пути все голо и безотраднo съ эстетической точки зрѣнія, хотя, можетъ быть, прекрасно съ точки зрѣнія скотовода киргиза.

Животная жизнь тоже мало разнообразна и мало интересна. Изъ птицъ встрѣчены: черный аистъ (*Ciconia nigra*), оляпка (*Cinclus albiventris*), нѣсколько горныхъ трясогузокъ (*Motacilla melanope*), зуйки (*Totanus hypoleucos*), коршунъ (*Milvus melanotis*), пустельга (*Tinnunculus alaudarius*), грачи (*Corvus frugilegus*), галки (*Monedula* sp.), альпійскіе жаворонки (*Otocorys alpenicillata*); а на мѣстѣ вечерней остановки, около лѣса въ ущельѣ Ботпакъ-Булакъ попадались дрозды (*Turdus viscivorus*), коньки (*Anthus arboraeus*), какіе-то голуби (*Columba* sp.), горлинки (*Turtur ferrago*) и очень много пѣночекъ (*Ptyloscopus* sp.). Изъ млекопитающихъ не видѣли ничего, но здѣсь несомнѣнно должны попадаться хотя бы обыкновенныя въ горныхъ мѣстностяхъ темныя полевки (*Microtus* sp.).

Цѣлый день шелъ дождь при сильномъ западномъ вѣтрѣ, такъ что мы немилосердно зябли и промокли насквозь, и въ заключеніе не пришлось толкомъ согрѣться во время сна, такъ какъ ночью выпалъ снѣгъ, и температура опускалась до—10° С. Высота вечерней стоянки надъ уровнемъ моря около 2500 метровъ.

Въ этомъ мѣстѣ на сѣверныхъ склонахъ горъ уже начинаютъ попадаться отдѣльныя площади лѣса. Ниже мѣста нашей остановки, съ котораго мы свернули черезъ горы къ югу, долина Чолкуде, по словамъ киргизъ, расширяется еще сильнѣе и становится доступною для колеснаго движенія.

Богарныя пашни начинаютъ попадаться по долинѣ еще не добѣжая того мѣста, противъ котораго расположенъ проходъ къ озеру Бурадо-Босунъ, упоминаемому ниже.

8-го съ утра шелъ дождь, затѣмъ ненадолго прояснилось, а затѣмъ снова полилъ дождь, уже неперестававшій почти до вечера, такъ что намъ еще одинъ день пришлось помокнуть.

Сегодняшній нашъ путь шелъ сперва прямо черезъ предгорные холмы къ Иссыгартканской щели, а затѣмъ повернулъ въ эту щель, которую мы и перевалили изъ долины Чолкуде черезъ горы Кара-Тау въ бассейнъ Текеса. Благодаря значительной высотѣ исходнаго пункта нашего сегодняшняго пути и сравнительно незначительной высотѣ хребта до вершины перевала намъ оставалось сдѣлать немного, и мы черезъ 1 $\frac{1}{2}$ часа ѣзды перевалили горы на высотѣ около 2900 метровъ, а еще черезъ два часа выѣхали на равнину, лежащую на высотѣ около 2400 метровъ. Несмотря на такую, все-таки сравнительно значительную высоту надъ уровнемъ моря, характеръ мѣстности здѣсь весьма мало напоминаетъ то, что мы видѣли всего за три часа передъ тѣмъ въ долину Чолкуде: почвы свѣтлыя, нимало не напоминающія горныхъ черноземовъ, а растительность—главнымъ образомъ, чій (*Lasiagrostis splendens*). Судя по высотѣ, здѣсь должны были бы удаваться богарные посѣвы, но внѣшній видъ степи говоритъ, какъ будто бы за слишкомъ незначительное количество выпадающихъ здѣсь осадковъ. Въ виду этого высказаться съ увѣренностью за возможность здѣсь богарной культуры—трудно, хотя лично мнѣ кажется, что вопросъ разрѣшился бы въ положительномъ смыслѣ. Весьма желательна постановка соотвѣтственныхъ опытовъ.

Весь сегодняшній день мы ѣхали подъ почти непрерывнымъ дождемъ, такъ что трудно было внимательно слѣдить за всѣмъ, что попадалось на пути. Поэтому записи относительно фауны получились довольно отрывочныя. Въ горной части пути у меня отмѣчены *Phylloscopus indicus*, *Ruticilla ochruros*, *Motacilla melanope*, *Anthus* sp., *Tinnunculus* sp. и еще какія-то птички, оставшіяся неопредѣленными. На равнинѣ Кара Ой попадалось много *Alauda arvensis* и нѣсколько штукъ *Otocoris penicillata*, а ниже, въ долину Сумбе, кромѣ того,—*Saxicola oenanthe*, *Anthus* sp., *Pratincola maura*, *Motacilla personata*, *Crex pratensis*, *Coturnia communis*, *Cannabina* sp., *Milvus melanotis*, *Sturnus* sp. *Hirundo rustica* и 1 *Pastor roseus*, не считая воробьевъ по киргизскимъ зимовкамъ.

По выходѣ изъ горъ нашъ путь повернулъ круто къ востоку вдоль

горъ, приче́мъ про́ѣхали около группы крайне интересно вы́вѣтрившихся, причудливыхъ формъ, гранитныхъ скалъ «Джаръ-Тасъ». Небольшими холмами мы до́ѣхали до узкой долины рѣки Сумбе, про́ѣхали по ней нѣсколько верстъ и остановились на ночле́гъ въ зимовкѣ богатаго киргиза Рокамбая, недалеко отъ выхода Сумбе въ долину Текеса, т. е. отъ мѣста соедине́нiя долинъ этихъ обѣихъ рѣкъ.

Долина Сумбе, благодаря своей незначительной ширинѣ, не даетъ простора для развитiя земледѣлiя, но за то сразу бросаются въ глаза здѣшнiе великолѣпные луга, покрывающiе какъ дно долины, такъ и окружающiя горы.

Мы нашли здѣсь въ одной изъ киргизскихъ зимовокъ даже профессиональнаго маслосѣла, который арендуетъ у киргизъ землю и живетъ здѣсь со своимъ скотомъ. Около зимовки пасся и его производитель—довольно хорошiй голландскiй быкъ.

Къ сожалѣнiю, долина Сумбе густо занята киргизскими зимовками, среди которыхъ многiя представляютъ изъ себя хорошия большiя деревянныя постройки даже изъ нѣсколькихъ комнатъ. Одной изъ такихъ зимовокъ мы воспользовались съ цѣлю обогрѣться и обсушиться послѣ двухъ дней пребыванiя подъ дождемъ и на холодѣ въ палаткахъ.

На слѣдующiй день мы тронулись внизъ по долинѣ Сумбе и по выходѣ ея въ долину Текеса повернули вверхъ вдоль послѣдняго. Заночевавъ на его берегу приблизительно противъ устья Музарта, мы утромъ двинулись дальше въ Охотничье.

Какъ нижняя часть долины Сумбе, такъ и нашъ берегъ Текеса представляютъ изъ себя совершенно ровную частью чиевую, частью полынно-эбелековую степь, но, видимо, довольно бѣдную осадками, такъ что по внѣшнему виду почвы можно усумниться въ успѣшности культуры безъ орошенiя. Впрочемъ, проживающiй по Сумбе ветеринарный стражникъ говорилъ, что у него хорошо удаются посѣвы пшеницы, овса и ячменя.

Прилегающiя горы по своему рельефу тоже въ значительной части возможны для обработки, такъ что, въ общемъ, уголь между Сумбе и Текесомъ представляетъ изъ себя значительный земельный фондъ для сельскаго хозяйства. Въ случаѣ неудачъ съ богарной кльтурой здѣсь не бу-

детъ недостатка и въ водѣ, такъ какъ и въ Сумбе, и въ Текесѣ запасы ея весьма значительны и теперь только зря уходятъ въ Китай.

Правый, китайскій берегъ Текеса, на который намъ пришлось перейти по пути въ Охотничье, ниже нашего, и благодаря этому природныя условія здѣсь нѣсколько иныя: около Музартовъ и нѣсколько верстъ выше на китайскомъ берегу много кустарныхъ зарослей, болотъ и озерковъ, а дальше кверху попадаютъ большія и очень хорошія луговые пространства. Ничего этого на нашемъ берегу нѣтъ. (См. рис. 2).

Оживляется картина только при приближеніи къ Охотничьему, гдѣ мы ѣдемъ роскошными лугами, тянушимися вдоль Баянкола и принадлежащими нарынкольскимъ казакамъ.

По части животной жизни нашъ берегъ Текеса крайне бѣденъ: въ степи попадались исключительно жаворонки (*Alauda arvensis*), а на берегу рѣки—*Totanus hypoleucos*. Мелкихъ звѣрковъ въ ловушки не попалось ни одного, и не было видно ни единой норки. Ящерицъ—нѣтъ совершенно. Противоположный, китайскій берегъ, соотвѣтственно инымъ природнымъ условіямъ даетъ и иную картину фауны: отсюда непрерывно несутся звуки голосовъ разныхъ птицъ, въ изобиліи населяющихъ прибрежныя кустарныя заросли и озера. Между прочими слышны голоса гусей, кукованіе кукушекъ, стрекотаніе многочисленныхъ сорокъ, посвистъ коршуна (*Milvus melanotis*) и щебетаніе разныхъ мелкихъ птичекъ. На нашихъ глазахъ съ противоположнаго берега спокойно перешли на островъ двѣ козы (*Capreolus pygargus*).

Около брода черезъ Текесъ мы проѣхали мимо совершенно особой достопримѣчательности, о которой стоитъ даже упомянуть: здѣсь, среди совершенно пустынной и голой степи, никѣмъ не населенной, возвышается внушительныхъ размѣровъ клозетъ, покрашенный въ желтую краску и имѣющій даже два отдѣленія съ желобомъ въ качествѣ писсуара и огромною вытяжною трубою, впрочемъ въ данный моментъ стоящею совершенно самостоятельно. Такую невѣроятную комбинацію, какъ почти культурный клозетъ, стоящій одиноко въ необитаемой мѣстности, вмѣсто пограничнаго столба, на самой границѣ съ Китаемъ, нелегко изобрѣсти, и она невольно должна останавливать вниманіе путешествующаго въ Семирѣчье,

Рис. 1. Исыккульскій корешокъ. *Aconitum napellus* L.

Рис. 2. Долина р. Текесъ.

гдѣ и въ городахъ то по этой части рѣдко можно найти необходимыя удобства.

Сомнѣваюсь, чтобы этой постройкой кто-нибудь здѣсь пользовался иначе, чѣмъ въ качествѣ убѣжища во время непогоды. Происхождение этой наглядной несообразности мнѣ выяснить не удалось.

Упомянутыя выше луговые пространства на китайскомъ берегу явно заливаются во время высокаго стоянія воды въ Текесѣ, благодаря чему растительность здѣсь имѣетъ прекрасный видъ. При этомъ здѣсь въ значительной степени преобладаютъ два растенія *Ligularia* sp. и эдельвейсъ (*Leontopodium sibiricum*), и въ зависимости отъ того, какой изъ этихъ видовъ преобладаетъ въ данномъ мѣстѣ, долина пестрѣетъ то желтыми, то бѣлыми пятнами.

Въ казачьемъ выселкѣ Охотничьемъ (Нарынколѣ) мы немного отдохнули и запаслись отчасти новыми лошадьми, замѣнившими выбывшихъ изъ строя прежнихъ. Выселокъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе своею чистотою и явною зажиточностью населенія—казаковъ. При этомъ онъ вполне оправдываетъ свое названіе, такъ какъ благодаря массѣ крупной дичи въ окрестныхъ горахъ чуть-ли не всѣ жители занимаются охотою. Изъ звѣрей въ окрестностяхъ Охотничьяго водятся медвѣди, маралы (*Cervus maral*) и дикія козы (*Capreolus pygargus*). Последнія встрѣчаются, прямо таки, въ огромномъ количествѣ, и, притомъ, непосредственно около выселка. Достаточно перейти на другой берегъ протекающей черезъ селеніе рѣчки Баянколъ, чтобы тамъ въ густыхъ кустарныхъ заросляхъ встрѣтить козъ. Участники экспедиціи въ самое короткое время успѣли застрѣлить двухъ безъ помощи собакъ и загонщиковъ, а просто, раздѣлившись на двѣ партіи и идя на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

Заросли по лѣвому берегу Баянкола—прекрасныя, очень густыя и довольно разнообразныя по своему составу. Онѣ образованы нѣсколькими видами *Salix*'овъ, облѣпихой (*Hippophaë rhamnoides*), *Betula alba* var. *songorica*), жимолостью (*Lonicera* sp.), акацію (*Caragana frutescens*), можжевельникомъ (*Juniperus sabina*), шиповникомъ (*Rosa* sp.) и *Myricaria daurica*.

Птицъ—очень много, но число видовъ сравнительно незначительно: *Sylvia* sp., *Phylloscopus* sp., *Locustella straminea*, *Carpodacus erythrinus*, *Cyanecula suecica*, *Pratincola maura*, *Cyanistes tianschanicus*, *Motacilla personata*,

Urupa eops, *Pica* sp., *Emberiza* sp., *Sylvia nisoria*, *Phasianus mongolicus*, *Cuculus canorus*, *Turtur ferrago* и *Motacilla feldeggii*.

Въ этихъ же кустарныхъ заросляхъ по Баянколу попадаютъ нѣкоторыя интересныя, благодаря ихъ сравнительной рѣдкости въ Семирѣчьи, растенія, какъ напримѣръ: *Halenia* sp., *Pyrola rotundifolia* и *Parnassia* sp.

Какъ извѣстно, сибирская косуля (*Capreolus pygargus*) сравнительно очень часто даетъ отклоненія отъ нормы въ формѣ роговъ. Уклоненія эти, отчасти у насъ, главнымъ же образомъ за границею, являются предметомъ коллекціонированія, причемъ на особенно интересные экземпляры цѣны достигаютъ весьма внушительныхъ размѣровъ (до 200—300 марокъ). Свѣдѣнія объ этомъ своеобразномъ спортѣ благодаря посѣщавшимъ Семирѣчье иностраннымъ путешественникамъ, успѣли дойти до самыхъ глухихъ угловъ нашего края и создать изъ уродливыхъ рожекъ илика (мѣстное названіе косули) предметъ постоянной торговли. Главнымъ центромъ этой торговли какъ разъ является Охотничье, и само расположенное въ богатой дичью мѣстности и, кромѣ того, имѣющее непрерывныя сношенія съ населеніемъ сосѣдней китайской территоріи—киргизами и калмыками. По количеству же всякаго звѣря близкіе къ нашей границѣ лѣса по Музартамъ далеко оставляютъ за собою всѣ наши горы, такъ что китайскіе охотники имѣютъ возможность доставлять все, на что является спросъ, въ изобиліи. Въ большомъ количествѣ везутъ они въ Охотничье и рожки иликовъ, причемъ уже успѣли прекрасно усвоить, что именно требуется отъ товара, такъ какъ доставляютъ только такіе рога, которые представляютъ тѣ или иныя отклоненія отъ нормы. Здѣсь рожки скупаются лавочниками—сартами и татарами, изъ которыхъ большинство везетъ набранное на Каркаринскую ярмарку, одинъ же собираетъ непосредственно для крупнаго Вѣрненскаго скупщика, татарина Габитова. Нѣкоторые изъ побывавшихъ въ Охотничьемъ иностранцевъ платили настолько дорого за рожки, что успѣли совсѣмъ сбить съ толка мѣстныхъ лавочниковъ, изъ которыхъ одинъ умудрился запросить съ меня за двое рожекъ 50 рублей. Когда я удивился и даже возмутился, услышавъ такую оцѣнку, онъ мнѣ спокойно отвѣтилъ, что ему торопиться некуда: «пріѣдетъ Мерцбахеръ и купить».

Изъ мелкихъ млекопитающихъ мнѣ въ Охотничьемъ удалось добыть

только горноста́я (*Mustela erminea*), которые здѣсь водятся въ достаточномъ количествѣ.

Дальнѣйшій нашъ путь по выѣздѣ изъ Охотничьяго лежалъ по тракту, но частью для сокращенія, частью для большаго удобства обозрѣнія проѣзжаемыхъ мѣстъ, я вскорѣ по переѣздѣ черезъ Баянколь свернулъ съ дороги влѣво и проѣхалъ напрямикъ черезъ горы, лежащія между Баянколомъ и трактомъ.

Все пространство между Баянколомъ и горами, за исключеніемъ мѣстъ, занятыхъ кустарными зарослями, вполне пригодно для культуры, притомъ, по моему, несомнѣнно, богарной. Точно также вполне удобны на большей части своей площади и горы, въ настоящее время совершенно не обрабатываемыя, тогда какъ въ долинѣ Баянкола распаханнхъ пространствъ довольно много.

Южные склоны горъ, которыя, впрочемъ, скорѣе можно назвать холмами, почти совершенно обнаженные гранитные, на верху же, а также на сѣверныхъ склонахъ растительный покровъ весьма недурень. Образованъ онъ, главнымъ образомъ, слѣдующими видами: *Artemisia maritima*, *Ceratocarpus arenarius*, *Stipa capillata*, *Myosotis silvatica*, *Thymus* sp., *Convolvulus* sp., *Galium verum*, *Saussurea ruthenica*, *Lasiogrostis splendens*, *Bupleurum* sp., *Potentilla* sp., *Statice speciosa*, *Salvia officinalis*, *Medicago falcata*, *Aster* sp., *Scabiosa* sp. (палевая), *Erigeron acris*, *Phlomis* sp., *Tragopogon* sp., *Festuca ovina*, *Scrophularia* sp. и *Linaria* (фіолетовая). Почва, хотя слегка щебнивата, но вполне пригодна для обработки. Преобладающая растительность въ долинахъ, какъ Баянкола, такъ и Текеса—мелкій чій и *Artemisia maritima*. На обѣ долины открывается великолѣпный видъ съ вершины только что описаннаго хребтика, причемъ долина Баянкола видна кверху до рѣзкаго суженія и начала лѣса. Достоинство вниманія довольно рѣдкое въ Семирѣччѣ явленіе: ели по Баянколу спускаются на самое дно долины, образуя здѣсь небольшой лѣсокъ на совершенно ровномъ мѣстѣ. Нормально здѣсь лѣса растутъ только на очень крутыхъ сѣверныхъ склонахъ горъ, являясь обычно крайне трудно доступными для движенія по нимъ.

Упомянутыя выше кустарныя заросли въ долинѣ Баянкола мѣстами образуютъ весьма оригинальную формацию: огромными подушками растутъ арча (*Juniperus sabina*), а изъ этихъ подушекъ возвышаются вида 2—3

ивъ, *Lonicera* sp. (съ синевато-черными ягодами), *Betula alba* var. *songorica*, *Caragana frutescens* и *Hippophae rhamnoides*, достигающая здѣсь роста и формы небольшихъ деревьевъ. Кромѣ кустарныхъ зарослей, на основномъ фонѣ полынно-чѣвой степи, кое-гдѣ попадаются кочковатая пространства съ преобладаніемъ осоки, въ настоящее время, впрочемъ, совершенно сухія.

По переѣздѣ черезъ горы я выѣхалъ на почтовый трактъ и, доѣхавъ до моста черезъ Текесъ, засталъ здѣсь нашъ лагерь уже разбитымъ. Не лишне упомянуть, что на пятиверстныхъ военно топографическихъ планшетахъ показанъ старый почтовый трактъ. Въ настоящее время послѣдній перенесенъ, и мостъ черезъ Текесъ расположенъ всего въ 17-ти верстахъ отъ Охотничьяго, гораздо ниже того мѣста, гдѣ прежній трактъ пересѣкалъ рѣку.

Остановились на ночевку мы около переселенческаго поселка Красноярскаго, возлѣ моста черезъ Текесъ. Новоселы по обыкновенію стали жаловаться на свое горемычное житье, но когда увидѣли, что у нихъ охотно купили бы и молока, и масла, и цыпленка, то скоро отбоя не стало отъ желающихъ продать то или другое. А когда вечеромъ мимо насъ прошелъ огромный табунъ переселенческаго скота и лошадей—всѣ въ великолѣпномъ состояніи,—мы увидѣли, насколько основательны были только-что слышанныя жалобы.

Отъ мѣста нашей стоянки долина Текеса видна превосходно въ обѣ стороны, причемъ внизъ чуть-ли не до Сумбе,верху же до выхода рѣки изъ горъ. Долина здѣсь ровная, широкая и вполнѣ удобная для обработки. Если судить по высотѣ мѣстности надъ уровнемъ моря, тутъ вполнѣ должны удаваться богарные посѣвы, хотя новоселы сѣютъ исключительно на поливѣ.

Правда и характеръ растительности (крупный чій, полынь и типецъ), и весьма свѣтлый цвѣтъ почвы не свидѣтельствуютъ объ особомъ избыткѣ атмосферныхъ осадковъ, но, во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что если орошеніе тутъ и нужно, то поливныя нормы должны быть невысокими.

Животная жизнь въ степи—крайне бѣдна: кромѣ *Alauda arvensis* да изрѣдка какого—нибудь луны, изъ птицъ ничего не видно. Норокъ звѣр-

ковъ тоже почти совершенно не встрѣчается, ящерицъ нѣтъ вовсе, да и жуковъ немногимъ больше.

По сосѣдству съ рѣкой жизнь, конечно, гораздо богаче: тутъ есть и чекканы (*Laxicola oenanthe*), и трясогузки (*Motacilla personata* и *feldeggii*), и коноплянки (*Cannabina* sp.), и утки (*Anas boschas* и *A. circia*), и крачки (*Sterna hirundo*), и кое-какіе кулики (*Totanus calidris*, *T. hypoleucos*), луговые коньки (*Anthus pratensis*) и, наконецъ, болотный лунь (*Circus aeruginosus*).

Отъ стоянки на Текесѣ я ближайшимъ путемъ направился въ долину Чолкуде черезъ горы Айгырь-Джалъ и долину озера Бурадо-Босунъ. Въ этомъ направленіи путь вполне удобенъ для колеснаго движенія, и когда-то даже здѣсь существовала колесная дорога, въ настоящее время заброшенная. Пользовались этой дорогой нарынкольскіе казаки, ѣздившіе по ней на озеро за солью, добыча которой уже девять лѣтъ какъ прекращена. Почему перестали добывать соль, я толкомъ добиться не могъ, и мнѣ въ объясненіе привели только такую версію: соль въ озерѣ вдругъ исчезла послѣ того, какъ какая-то киргизская дѣвушка утопила въ немъ своего незаконнаго ребенка.

Насколько эти два событія могутъ находиться между собою въ причинной связи, я, конечно, устанавливать не берусь, но только въ данный моментъ здѣсь, если и возможна добыча соли, то развѣ только путемъ выпариванія, настолько незначительно содержаніе ея въ водѣ. Никакихъ типичныхъ солонцовыхъ растений нѣтъ по берегамъ озера; въ окружающихъ болотахъ и въ самомъ озерѣ—огромное количество лягушатъ, а изъ двухъ наиболѣе типичныхъ обитателей соленыхъ озеръ здѣсь нѣтъ ни одного, т. е. ни шилоклювки (*Recurvirostra avocetta*), ни ходулочника (*Himantopus melanopterus*), имѣющіеся же кулики—такіе обычные для прѣсной воды, какъ травникъ (*Totanus calidris*) и зюекъ (*Totanus hypoleucos*).

Дорога на озеро идетъ все время чѣво-полынною степью съ замѣтной примѣсью эбелека и типца и очень незначительною—другихъ видовъ. Только уже около выхода изъ горъ попадаютъ впадинки съ болѣе разнообразною и свѣжею флорою (напримѣръ, цѣлая полянки *Koeleria cristata*), да на глинистыхъ склонахъ горъ Айгырь-Джалъ растительность представляетъ изъ себя крайне своеобразную формацію изъ 3—4 видовъ оригинальной

внѣшности: *Acantholimon alatavicum*, *Anabasis* sp. и *Saussurea* sp. Растенія эти не образуютъ сплошнаго почвеннаго покрова и разбросаны отдѣльными экземплярами по голымъ глинистымъ склонамъ. Экземпляры *Acantholimon alatavicum* достигаютъ крупныхъ размѣровъ, представляя изъ себя весьма внушительныя колючія подушки, покрытыя цвѣтами. Мѣстами склоны горъ представляютъ изъ себя голую глину и очень характерно размыты дождями. Послѣдніе, смывая глину со склоновъ, уносятъ ее на дно ложковъ, и здѣсь кое-гдѣ у подножья холмовъ отлагаютъ ее въ видѣ совершенно гладкой мостовой. Самая долина озера по краямъ представляетъ изъ себя чіевую степь, ближе же къ центру—обширныя сѣнокосныя угодья различнаго характера по составу растительности.

М. Н. Пташицкій въ своей работѣ говоритъ о долинѣ озера Бурадо-Босунъ, какъ о безводной, бесплодной и мертвой мѣстности. Былъ-ли г. Пташицкій здѣсь въ исключительно сухой годъ, но съ его характеристикой я никоимъ образомъ согласиться не могу. Конечно, края долины довольно сухи, но и они представляли изъ себя во время нашего тамъ пребыванія (14 іюля) обыкновенную, нисколько не выгорѣвшую, чіевую степь. По мѣрѣ же приближенія къ озеру растительность становилась все богаче, а западный и сѣверный берега были окружены широкимъ кольцомъ великолѣпной луговой растительности, окружавшей непосредственно прилегающую къ озеру полосу болотъ. Здѣсь же во многихъ мѣстахъ пробились ключи съ очень хорошею водою.

По тому впечатлѣнію, какое произвела на меня описываемая долина, я склоненъ высказаться въ пользу возможности использованія ея въ цѣляхъ сельскаго хозяйства, при условіи, конечно, примѣненія болѣе или менѣе усовершенствованныхъ пріемовъ обработки земли. Окружающіе долину съ юга мягкіе склоны горъ Айгыръ-Джалъ тоже могутъ быть обрабатываемы, хотя теперь никѣмъ и не используются.

Во всякомъ случаѣ, долина эта все-таки настолько велика, что стоило бы рѣшить этотъ вопросъ опытнымъ путемъ.

Правда мы нашли здѣсь слишкомъ много представителей фауны, со-сѣдство которыхъ врядъ-ли можетъ считаться пріятнымъ и желательнымъ для человѣка.

Прежде всего, нашихъ лошадей аттаковали безчисленные слѣпни, на смѣну которымъ вечеромъ явились въ достаточномъ количествѣ комары.

Затѣмъ въ высокой и густой травѣ оказалась такая масса кобылки, что при нашемъ движеніи намъ предшествовалъ довольно сильный шумъ, и все кругомъ колыхалось, какъ отъ вѣтра, отъ массы прыгающихъ во все стороны прямокрылыхъ. Наконецъ, нигдѣ въ Семирѣчьи я не видѣлъ такого огромнаго количества тарантуловъ, норки которыхъ попадали здѣсь на каждомъ шагѣ.

И, въ довершеніе всего, утромъ 15-го черезъ нашъ лагерь начали летѣть полчища летучихъ муравьевъ, отъ которыхъ наши киргизы защищались, кутаясь въ большіе платки.

Фауна на пути къ озеру была крайне бѣдна. На самой дорогѣ случайно поймана обыкновенная горная темная полевка (*Microtus* sp.), на глинистыхъ склонахъ горъ Айгырь-Джалъ попадались въ небольшомъ количествѣ чекканы-попутчики (*Saxicola oenanthe*), довольно много кекликовъ (*Caccabis chukar*) и добытъ одинъ исключительно свѣтлой окраски филинъ (*Bubo turcomanus*), тономъ своего оперенія вполне гармонировавшій съ цвѣтомъ обитаемыхъ имъ глинистыхъ горъ. Кромѣ того, передъ выѣздомъ изъ горъ въ долину пойманъ какой-то довольно большой черный паукъ (но не чисто черный, какъ каракуртъ, а съ нѣсколькими пятнышками), и стали въ небольшомъ количествѣ попадаться обыкновенныя степныя ящерицы (*Eremias arguta*), которыхъ уже въ теченіе многихъ дней не видали.

Само собою разумѣется, что долина озера, кромѣ упомянутаго выше весьма непріятнаго населенія, имѣла и болѣе интересную фауну. Изъ птицъ здѣсь встрѣченъ выводокъ дрофъ (*Otis tarda*), много журавлей (*Grus virgo*), масса атаекъ (*Tadorna rutila*), нѣсколько пѣранокъ (*Tadorna cornuta*), широконоски (*Anas clypeata*), нѣсколько *Charadrius cantianus*, нѣсколько *Tringa temminckii*, много бекасовъ (*Scolopax gallinago*), масса травниковъ (*Totanus colidris*), трясогузки (*Motactilla feldeggii*), жаворонки (*Alauda arvensis*) чекканы (*Saxicola oenanthe*), чайки (*Larus ridibundus*), коршуны (*Milvus melanotis*), луны (*Circus* sp.), сѣрые цапли (*Ardea cinerea*), чибисы (*Vanellus cristatus*), кряквы (*Anas boschas*), одна шилохвостка (*Anas acuta*), перепелки (*Coturnix communis*), много коноплянокъ, (*Cannabina* sp.), коньки (*Anthus* sp.), чекканчики (*Pratincola maura*), наконецъ, три какихъ-то крупныхъ хищника, изъ которыхъ одинъ—съ свѣтлою полосой. Къ сожалѣнію, благодаря совершенно открытымъ берегамъ озера добывать птицу

было почти невозможно, такъ что результаты нашей охоты оказались весьма печальными.

Изъ млекопитающихъ въ ловушки не добыто ничего, изъ пресмыкающихся же пойманъ одинъ *Ancistrodon intermedius*.

Дорога отъ стоянки сперва идетъ чіевою степью вдоль озера, затѣмъ черезъ проходъ между горами Ельчинъ Бирюкъ и Каратау выходитъ въ долину Чолкуде, переваливъ черезъ небольшое возвышеніе. Дальше мы поворачиваемъ къ западу и ѣдемъ вдоль горъ долиною Чолкуде, которая здѣсь уже вскорѣ принимаетъ названіе Кегени, и заканчиваемъ обслѣдованіе этой долины съ остановкою вечеромъ около почтового тракта въ 6 верстахъ отъ ст. Сарджасть Тютю. На нашемъ пути ближе къ горамъ тянется болѣе или менѣе ровная степь то полынная, то чіевая, то типчаковая. Въ сторону Чолкуде по рѣчушкамъ или ключикамъ много хорошихъ сѣнокосовъ, а дальше опять виднѣется чіевая степь, которая такъ и тянется полосой между рѣкою и полосой луговъ и болотистыхъ мѣстъ, граничащихъ, въ свою очередь, съ предгорною степью. Въ одномъ мѣстѣ дорога проходитъ сильно каменистымъ участкомъ, а затѣмъ справа отъ дороги совершенно неожиданно показываются пески, которые затѣмъ расширяются и захватываютъ дорогу.

Тянутся они полосой около $1\frac{1}{2}$ версты шириною и, вѣроятно, не менѣе 2-хъ верстъ длиною, причемъ несомнѣнно имѣютъ связь съ песками Кумъ-Тыкей, занимающими то же положеніе относительно Кегени и только лежащими немного ниже по теченію. Нахожденіе здѣсь, на высотѣ чуть ли не 2 тыс. метровъ, песчаныхъ пространствъ производитъ странное впечатлѣніе своею необычностью. Впрочемъ, пески эти значительно отличаются отъ обычныхъ въ Семирѣчьи.

Голыхъ мѣстъ немного, заросшія же покрыты совсѣмъ не тою растительностью, какую мы привыкли видѣть на семирѣченскихъ пескахъ: растительный покровъ состоитъ изъ *Elymus arenarius*, *Artemisia* sp., *Thymus* sp., *Stipa capillata* и *Medicago falcata* и только *Eurotia ceratoides* напоминаетъ намъ обычную флору песчаныхъ мѣстъ.

Большею частью тотъ или другой изъ названныхъ видовъ въ данномъ мѣстѣ составляетъ основу покрова, дальше будучи замѣненъ другимъ. Еще

одно очень существенное отличие здѣшнихъ песковъ—полное отсутствіе ящерицъ, составляющихъ обычно главное населеніе песчаныхъ мѣстъ.

Вдоль рѣчушки, мимо которой мы проѣхали вскорѣ по выѣздѣ въ долину Чолкуде, расположено много киргизскихъ зимовокъ, вдали же, около самой рѣки, виднѣется масса юртъ.

Горы, окаймляющія долину слѣва, имѣютъ лѣсъ, на правомъ же хребтѣ виднѣются лишь отдѣльныя деревья.

По мѣрѣ движенія впередъ, на нашемъ пути начинаютъ попадаться солонцеватая мѣста съ солянками и мелкими кустиками *Nitraria Schoberi* (это на высотѣ около 2 т. метровъ), но далеко къ рѣкѣ солонцы не идутъ и, кромѣ того, не представляютъ изъ себя злостныхъ образований.

Незадолго до выѣзда нашего на трактъ начинаютъ попадаться орошаемые изъ Тюте посѣвы пшеницы.

Животное населеніе долины не особенно богато: намъ въ довольно замѣтномъ количествѣ подавались только дрофы (*Otis tarda*), жаворонки (*Alauda arvensis*), да полевой конекъ (*Anthus campestris*). На луговыхъ пространствахъ, кромѣ обычныхъ представителей населенія такихъ мѣстъ, встрѣчены три черныхъ аиста (*Ciconia nigra*) и 1 *Locustella* sp.

По выѣздѣ съ мѣста стоянки 16-го іюля, мы сперва добѣхали по почтовому тракту до станціи Сарджасъ Тюте, а отсюда свернули налѣво, къ горамъ по кочевой дорогѣ, ведущей на джайлау. Около тракта мѣстами попадались свѣжіе лужки съ *Ligularia*, *Leontopodium*, *Geranium*, *Koeleria* и разными зонтичными. Путь нашъ лежитъ по отлогимъ предгорнымъ уваламъ и много разъ пересѣкаетъ русла ручьевъ и рѣченокъ, то съ водою, то сухія, названій которыхъ отмѣчать не приходилось, такъ какъ у насъ не было знающаго и заслуживающаго довѣрія проводника. Мѣстность, по которой мы проѣзжаемъ, а также и ближайшіе къ горамъ холмы пологи и вполнѣ удобны для обработки.

Кромѣ травянистаго почвеннаго покрова въ началѣ пути насъ сопровождаютъ заросли какой-то мелкой перистолистной *Saragana*, которая затѣмъ постепенно замѣняется чѣмъ и еще дальше такою же мелкою караганой, но уже не съ перистыми, а съ цѣлыми листочками. Около недавно возникшаго поселка Таврическаго, мелькнувшаго справа отъ насъ противъ какой то щели, мы проѣзжаемъ прекраснымъ совершенно ровнымъ

плато, покрытымъ густымъ растительнымъ покровомъ. Основной фонъ образованъ типцомъ (*Festuca ovina*), а къ этому фону въ небольшомъ количествѣ примѣшаны представители цѣлаго ряда видовъ *Aster alpinus*, *Medicago falcata*, *Thymus* sp., *Taraxacum officinale*, *Cerotocarpus arenarius*, *Artemisia maritima*, *Myosotis silvatica*, *Potentilla* sp. *Erigeron acre*, *Achillea millefolium* и какія-то безстебельныя, сложноцвѣтныя (*Carlina acaulis*). Высота плато—около 2000 метровъ.

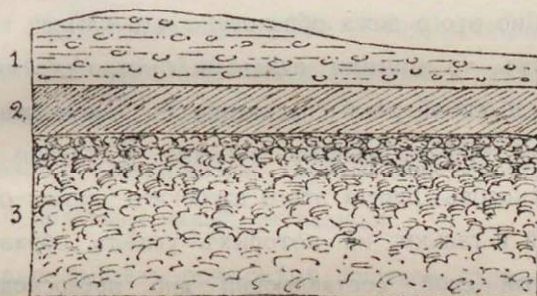
Перебравъ еще нѣсколько ручейковъ, мы свернули круто къ горамъ и остановились на ночлегъ у выхода изъ нихъ р. Муратала, среди безчисленнаго множества киргизскихъ юртъ, въ очень живописной, но жестоко вытравленной скотомъ мѣстности, на высотѣ приблизительно 2200 метровъ—какъ разъ около первыхъ елей. Выше насъ возвышался уже очень хорошій еловый лѣсъ, впрочемъ, съ массою бурелома, а вокругъ въ изобиліи поднимались надъ землею только высокіе стебли иссыкульскаго корешка (*Aconitum napellus*), да его близкаго родственника (*A. septentrionale*). Въ заросляхъ этихъ двухъ ядовитыхъ растений расположены безчисленныя норки мышей и полевокъ, которыя, видимо, нисколько не боятся близости такихъ непріятныхъ сосѣдей.

Благодаря близости воды и лѣса животная жизнь на этой нашей стоянкѣ оказалась довольно богатой. Тутъ я отмѣтилъ много горлинокъ (*Turtur ferrago*), гнѣздящихся коршуновъ (*Milvus melanotis*), вполне взрослыхъ молодыхъ *Tinnunculus alaudarius*, сѣрыхъ дроздовъ (*Turdus viscivorus hodgsoni*), массу разныхъ пѣночекъ (*Phylloscopus* sp., *Reguloides humii*), гаичекъ (*Poecile songara*), корольковъ (*Regulus tristis*), сопокъ (*Pica* sp.), чечевицъ (*Carpodacus erythrinus*), коньковъ (*Anthus arboreus*), горихвостокъ (*Ruticilla erythronota*), чекканчиковъ (*Pratincola maura*), сарыча (*Buteo* sp.), крупную сову (*Syrnium* sp.) и горную трясогузку (*Motacilla melanope*).

Стоянка на Мураталѣ была одною изъ самыхъ живописныхъ за всю нашу экспедицію, такъ что мы разстались съ нею съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Переходъ 17-го іюля былъ очень невеликъ и долженъ былъ привести насъ къ верховьямъ Текеса, на соединеніе съ отрядомъ ботаниковъ, совмѣстно съ которыми мы и должны были на слѣдующій день закончить первую половину экспедиціи.

Съ мѣста мы проѣхали напрямикъ черезъ лога и ручьи въ долину рѣчки Акъ-Бійтъ («Бѣлая Могила»), вдоль которой и добрались до самаго перевала въ долину верховьевъ Текеса. Название свое рѣченка получила отъ бѣлой могилы какого-то богатаго киргиза, построенной на берегу рѣчки гдѣ-то ниже. На нашемъ пути намъ попались другія могилы, которыя, въ подражаніе главной, тоже сдѣланы бѣлыми. Книзу отъ этихъ могилъ рѣка течетъ по прекрасной ровной, вполнѣ удобной для обработки долинѣ, въ настоящее время используемой только въ качествѣ пастбища. Здѣсь намъ, между прочимъ, попался очень интересный почвенный разрѣзъ, который невольно обратилъ на себя даже мое вниманіе, несмотря на то, что я и въ сферѣ почвовѣдѣнія, и въ сферѣ геологии чувствую себя весьма неувѣренно. Разрѣзъ открывался на отвѣсной стѣнѣ берега боковой рѣченки, впадающей справа въ Акъ-Бійтъ и представляетъ слѣдующую картину: Здѣсь

первый 1) верхній слой представляетъ изъ себя свѣтлый лессъ съ незначительною примѣсью неокатанныхъ водю

1. Лессъ.
2. Черноземъ.
3. Окатанная галька.

камней; второй 2) слой есть ничто иное, какъ основной почвенный покровъ долины изъ чернозема, образовавшагося на постилкѣ изъ окатанной гальки, 3) образующей въ свою очередь толщу дна долины. Глазъ настолько привыкъ въ обычныхъ разрѣзахъ по берегамъ рѣкъ и овраговъ видѣть наиболѣе темно окрашенные слои наверху, что описываемый разрѣзъ, гдѣ сверху лежитъ слой свѣтлаго лесса, а его подстилаетъ очень интенсивно окрашенный черноземъ, сразу останавливаетъ на себѣ вниманіе даже наименѣе посвященнаго наблюдателя. Происхожденіе такого порядка напластованія, впрочемъ, весьма понятно: ясно, что на покрывающій дно долины черноземный слой сбѣгающею съ горъ водою постепенно смывался образующій предгорные холмы лессъ вмѣстѣ съ вкрапленными въ него камнями; такимъ образомъ на черноземѣ мало-по-малу образовался слой свѣт-

лаго лесса, который на своей поверхности успѣлъ развить сравнительно еще молодой и негустой растительный покровъ. Быстрое накопленіе лесса на черноземѣ, помѣшавшее ему ассимилироваться съ послѣднимъ и давшее возможность создать въ этомъ мѣстѣ самостоятельное напластованіе, объясняется, вѣроятно, соотвѣтственными условіями рельефа. Въ концѣ концовъ, одинъ изъ потоковъ, смывавшихъ сюда лессъ, успѣлъ сильнѣе углубить свое русло, а затѣмъ постепенно размыть сперва собственные наносы, а потомъ и ниже лежащіе слои, давъ намъ, такимъ образомъ, возможность прослѣдить процессъ напластованія этихъ слоевъ.

Переваль съ верховьевъ Акъ-Бійта въ долину Текеса невысокъ и нетруденъ, и съ вершины его открывается великолѣпный видъ на долину, которая видна, начиная отъ крутого поворота рѣки въ верхнемъ ея теченіи, до выхода Текеса изъ горъ. Течетъ рѣка въ промытомъ въ собственныхъ наносахъ очень глубокомъ ложѣ съ очень круто падающими откосами береговъ. Дно этого ложа образовано изъ камней и гальки, по которымъ то однимъ, то многими рукавами быстро стремится Текесъ. Съ правой стороны до самой рѣки спускается съ окружающихъ горъ лѣсъ, слѣва же лѣсъ растетъ отдѣльными группами и только кое-гдѣ покрываетъ склоны откосовъ. Берега этого глубокаго ложа образованы наносами изъ камней и гальки, на которыхъ успѣлъ образоваться довольно толстый почвенный слой, составляющій дно превосходной, совершенно ровной террасы, особенно хорошо выраженной на лѣвомъ берегу рѣки.

Терраса эта представляетъ богатѣйшее пастбище и во время нашего пребыванія здѣсь была покрыта безчисленными юртами киргизъ и огромными табунами ихъ скота.

Въ виду высоты мѣстности земледѣліе здѣсь безусловно невозможно, и долина верховьевъ Текеса, на которой мы закончили знакомство съ этой рѣкой, вѣроятно, навсегда останется лишь превосходнымъ пастбищемъ.

Окружающія горы покрыты превосходнымъ еловымъ лѣсомъ, въ которомъ къ сожалѣнію масса буреломныхъ деревьевъ. Можжевельникъ здѣсь растетъ особенно роскошно, достигая размѣровъ порядочныхъ деревьевъ, такъ что заросли его скорѣе напоминаютъ лѣсъ, чѣмъ кустарную заросль.

Изъ птицъ добыты только *Ruticella erythronota*, *Phylloscopus* sp. да

Carpodacus erythrinus, а въ ловушки млекопитающихъ попались двѣ, обыкновенныя въ горахъ, коричневая полевка (*Microtus* sp.).

18-го іюля мы выѣхали на Каркару черезъ не особенно высокій и нетрудный перевалъ, а съ ярмарки одни въ тотъ-же, а другіе на слѣдующій день отправились въ Пржевальскъ, съ цѣлью завестись всѣмъ необходимымъ на вторую часть пути. А завестись на этотъ разъ надо было обстоятельно, такъ какъ до самаго конца экспедиціи намъ предстояло ѣздить по мѣстностямъ совершенно ненаселеннымъ, гдѣ мѣстами нельзя было достать не только такихъ первобытныхъ припасовъ, какъ баранина, но приходилось возить съ собою даже топливо. Кромѣ того, пришлось озаботиться сортировкой, упаковкой и сдачей на храненіе собранныхъ коллекцій, заказать нѣсколько новыхъ ящиковъ, завестись новыми лошадьми, такъ какъ прежнія шли только до Каркары и т. п. Все это заняло у насъ столько времени, что мы могли тронуться въ дальнѣйшій путь только 25-го іюля. Все прежнее снаряженіе у насъ оставалось въ Каркарѣ на мѣстѣ ярмарки, куда намъ были доставлены, какъ свѣжія лошади, такъ и сдѣланные въ Пржевальскѣ запасы.

Такимъ образомъ, Каркаринская ярмарка явилась исходнымъ пунктомъ и для второй половины нашей экспедиціи.

Какъ это всегда бываетъ при смѣнѣ лошадей, сѣделъ и отчасти людей, сборы въ день отъѣзда заняли такъ много времени, что мы могли тронуться въ путь только въ 2 ч. 30 м. дня: то оказывалось, что не всѣ лошади въ сборѣ, то изъ приведенныхъ лошадей нѣкоторыя оказались никуда негодными, такъ что ихъ пришлось замѣнять, то вмѣсто конскихъ вьючныхъ сѣделъ часть привезли ангарчаковъ (сѣдла для быковъ), которые страшно портятъ спины лошадамъ, такъ что спѣшно пришлось добывать подходящія сѣдла, то, наконецъ, куда-то исчезалъ то одинъ, то другой изъ проводниковъ... Все это весьма обычно передъ выступленіемъ въ путь въ началѣ всякой поѣздки, такъ что съ такими задержками приходится поневолѣ мириться, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ пути, при постоянномъ составѣ каравана, какъ это было у насъ, онѣ уже не имѣютъ мѣста. Если же ѣздить на смѣнныхъ лошадяхъ, мѣняя ихъ каждый день и даже чаще, какъ это нерѣдко практикуется въ Семирѣчьи, то всѣ

эти неурядицы, отнимаютъ такъ много времени, что ложатся весьма тяжелымъ бременемъ на путешественнаго (и на карманъ и на нервы).

Передъ отъѣздомъ изъ Каркары мнѣ удалось пополнить свою коллекцію новыми экземплярами: здѣсь былъ добытъ взрослый серпоклювъ (*Hidorhynchus Struthersi*) и два слѣпушонка (*Ellobius talpinus*), которыхъ масса въ районѣ Каркаринскаго плато, но которые добываются вообще нелегко. Здѣсь же, прежде чѣмъ приступить къ описанію нашей поѣздки на сырты, я хочу коснуться вопроса, который до сихъ поръ разрѣшался разными лицами въ различныхъ смыслахъ,—вопроса о пригодности Каркаринскаго плато для сельско-хозяйственной культуры.

Само собою разумѣется, что со стороны почвенныхъ условій возможность здѣсь сельско-хозяйственной культуры не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ почвенный слой достаточно глубокъ для этой цѣли. Но здѣсь возникаетъ сомнѣніе въ другомъ отношеніи, а именно со стороны климатическихъ условій. Правда, по свѣдѣнію агронома Переселенческаго Управленія В. П. Мазуренко вопросъ этотъ разрѣшается безспорно въ положительномъ смыслѣ, причемъ въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Мазуренко ссылается на тотъ якобы фактъ, что въ 1912 г. на Каркарѣ онъ видѣлъ посѣвы ячменя, самостоятельно выросшіе изъ прошлогодней падалицы, т. е. изъ несомнѣнно вызрѣвшихъ сѣмянъ. Между тѣмъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ отъ Нарынькольскаго Участковаго Начальника г. Кравченко и отъ постоянно проводящаго лѣто на Каркарѣ Подгорненскаго Мирового Судьи, фактъ, на который ссылается г. Мазуренко, въ дѣйствительности вовсе не имѣлъ мѣста, такъ какъ видѣнныя г. Мазуренко поля засѣяны весною 1912 года. Хотя, по словамъ названныхъ лицъ, лѣтніе морозы на Каркарѣ не могутъ считаться нормальнымъ явленіемъ, но все-таки, сильное пониженіе температуры лѣтомъ, сопровождаемое обильнымъ выпаденіемъ снѣга, бываетъ не такъ уже и рѣдко. Такъ, по словамъ мирового судьи, за 6-ти лѣтній періодъ, въ теченіе котораго ему приходилось бывать на Каркарѣ, въ 1911 году 18 іюня температура опустилась до 0° и выпалъ снѣгъ въ 10 вершковъ глубиною, погубившій даже довольно стойкую къ неблагопріятнымъ вліяніямъ озимую рожь, и въ 1912 г. въ 20-хъ числахъ іюля температура спускалась до -2°Р.; въ остальные года, хотя и не было такого сильнаго пониженія температуры, но она все-таки постоянно

была настолько низка, и настолько часты были дожди, что, по его мнѣнію, вполнѣ раздѣляемому и Нарынкольскимъ Участковымъ Начальникомъ г. Кравченко, здѣсь можетъ быть рѣчь развѣ только о культурѣ ячменя.

А при такихъ условіяхъ врядъ-ли стоитъ серьезно думать объ изъятіи Каркаринскаго плато въ переселенческій фондъ подѣ образованіе здѣсь поселковъ, такъ какъ не можетъ быть и рѣчи о прочномъ устройствѣ здѣсь новоселовъ, которые оказались бы вынужденными обрабатывать поля подѣ вѣчной угрозой гибели посѣвовъ отъ несвоевременныхъ заморозковъ. Да и не пойдутъ переселенцы въ такія условія, гдѣ имъ придется основывать свое хозяйство на культурѣ одного ячменя. А если принять во вниманіе: 1) что въ настоящее время Каркаринское плато служить мѣстомъ выпаса скота для массы киргизскаго населенія цѣлаго ряда волостей, и что, въ случаѣ образованія здѣсь участковъ, вся эта масса кочевниковъ лишится крайне необходимаго для нихъ пастбища, и 2) что большое ярмарочное населеніе въ случаѣ образованія на его мѣстѣ поселка окажется въ прямой зависимости отъ новыхъ хозяевъ земли, которые, какъ этому уже есть примѣры въ Семирѣчѣ (Кочкорка—Столыпино), немедленно начнетъ беззастѣнчиво эксплуатировать торговцевъ, то, на мой взглядъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что изъятіе Каркаринскаго плато не только не принесетъ никакихъ выгодъ для области, но повлечетъ за собою несомнѣнно самыя неблагопріятныя и нежелательныя послѣдствія:—раззореніе, или, по крайней мѣрѣ, обѣднѣніе значительной массы кочевниковъ, лишенныхъ необходимаго имъ лѣтнаго пастбища, и несомнѣнный упадокъ торговли въ этомъ крупномъ и крайне важномъ центрѣ Семирѣчья. И взаимнѣ Семирѣчье пріобрѣтетъ еще одно лишнее селеніе, въ которомъ новоселы не будутъ заниматься хозяйствомъ, а будутъ безъ просыпа пьянствовать на легко достающіяся деньги, получаемыя за аренду земли подѣ торговыя помѣщенія на ярмаркѣ.

Покончили мы съ проводниками, вьючными лошадьми, сѣдлами и т. д. только къ 2 ч. 30 м. дня, но все-таки рѣшили тронуться въ путь съ цѣлью пройти въ этотъ день хотя бы немного, лишь-бы только перейти опять на походное положеніе. Это имѣетъ большое значеніе для сборовъ на слѣдующій день, такъ какъ на походномъ положеніи всегда караванъ дѣлается подвижнѣе, люди шевелятся живѣе, сборы происходятъ быстрѣе,

и выступленіе со стоянки требуетъ гораздо меньше времени, чѣмъ въ началѣ поѣздки или послѣ продолжительнаго перерыва. Поэтому, съ цѣлью выгадать время въ дальнѣйшемъ, весьма важно въ такихъ случаяхъ выступать, хотя бы передъ вечеромъ, хотя бы съ возможностью пройти въ этотъ день какихъ-нибудь 2—3 версты, — на слѣдующій день зато сборы пойдутъ быстро, и не будетъ потеряно лишней минуты.

По выходѣ со стоянки первое время двигались по Каркаринскому плато, а затѣмъ, дойдя до горъ, свернули въ небольшое ущелье, съ цѣлью сократить путь и не идти, какъ мы первоначально предполагали, вдоль русла Каркары. Такимъ измѣненіемъ маршрута мы много выгадали, такъ какъ иначе намъ пришлось бы сдѣлать нѣсколько лишнихъ верстъ до русла рѣки, а затѣмъ снова возвращаться назадъ, такъ какъ вдоль самой рѣки не вездѣ возможно пройти съ вьюкомъ, и въ одномъ мѣстѣ путь идетъ по обходной дорогѣ, отходящей далеко отъ рѣки. Дорога эта, конечно, тоже представляетъ изъ себя лишь вьючную тропу и, притомъ, довольно трудную, но, во всякомъ случаѣ, вполне доступную, тогда какъ проѣхать съ вьюками вдоль рѣки въ этомъ мѣстѣ нельзя вовсе, да и вообще, говорятъ, дорога тамъ должна считаться почти недоступной. Обходная тропа, на которую мы выѣхали и на которой въ 5 ч. 30 мин. расположились на ночлегъ, носить названіе Сартъ-Джоль (подъ этимъ же названіемъ или же подъ названіемъ Сартъ-Ашу извѣстенъ и самый перевалъ, черезъ который ведетъ эта дорога), и пользуется широкой извѣстностью, такъ какъ по ней именно гонятся въ Андижанъ всѣ закупаемые на Каркаринской ярмаркѣ гурты барановъ и табуны лошадей. Самое названіе (Сартъ-Джоль—Сартовская Дорога) происходитъ отъ того, что большинство торговцевъ на Каркаринской ярмаркѣ—сарты. Дальнѣйшее движеніе скота происходитъ по р. Кокъ-Джару, р. Мынтуръ, р. Сарджасу, Оттуку, Куелю и Нарыну и дальше уже тѣмъ или другимъ путемъ—въ Ферганскую область.

Дорога, по которой мы ѣхали съ ярмарки до стоянки на Сартъ-Джоль, не представляетъ никакихъ трудностей, и только кое-гдѣ благодаря обилію ключей попадаются топкія мѣста, впрочемъ, переходимыя безъ труда.

Съ момента вѣзда въ горы начинаютъ попадаться группы елей и

даже отдѣльные деревья, такъ какъ здѣсь лѣсъ сильно истребляется благодаря близости отчасти ярмарки, а главнымъ образомъ, упомянутыхъ выше соляныхъ варницъ.

Лагерь свой мы разбили около самой дороги, на высотѣ около 2500 метровъ, недалеко отъ небольшого киргизскаго аула. Склоны ущелья, отчасти скалистые, отчасти мягкіе задерненные, поросли кустарниками, среди которыхъ преобладающую роль играетъ арча (*Juniperus sabina*), и недурнымъ еловымъ лѣсомъ. Изъ птицъ я здѣсь не нашелъ ничего интереснаго, и у меня отмѣчены только *Picus tridactylus*, *Troglodytes* sp., *Phylloscopus indicus*, *Phylloscopus* sp., *Reguloides humii*, *Ruticilla erythronota*, *Accentor* sp., *Serinus pusillus*, *Carduelis caniceps*, *Turtur ferrago*, *Motacilla melanope*, *Corvus frugilegus*, *Monedula* sp., *Tinnunculus alaudarius* и *Aquila* sp. По пути съ Каркары намъ попался одинъ черный аистъ.

Хотя мы проѣхали мимо многихъ горныхъ ключей, но поиски Семирѣченскаго тритона (*Ranidens sibiricus*) оказались безуспѣшными, и мѣстные киргизы, повидимому, понятія не имѣютъ объ этомъ животномъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, оно здѣсь, дѣйствительно вовсе не водится, какъ не нашелъ я его и въ южной части Джаркентскаго уѣзда. Въ концѣ концовъ, я склоненъ думать, что это оригинальное земноводное принадлежитъ фаунѣ исключительно Джунгарскаго Алатау, не встрѣчаясь больше нигдѣ въ Семирѣчьи. Точно также за всю поѣздку этого года я ни разу не встрѣтилъ горнаго суслика, которые столь обыкновенны, на примѣръ, въ горахъ окрестностей Копала.

Сегодня цѣлый день стояла пасмурная погода, хотя дождь собрался только къ вечеру, да и то шелъ недолго; однако температура вечеромъ стояла довольно низкая, такъ что мы уже на этой стоянкѣ начали готовиться къ тому состоянію вѣчной борьбы съ холодомъ, въ которомъ мы пребывали въ теченіе ряда слѣдующихъ дней—до выхода въ долину р. Иньльчека.

Въ 7 часовъ утра на слѣдующій день термометръ показалъ 10°, погода пасмурная, дуетъ вѣтерокъ изъ ущелья, но дождя нѣтъ, хотя ночью и рано утромъ онъ шелъ почти непрерывно.

Въ одну изъ поставленныхъ на ночь ловушекъ попалась какая-то крупная коричневая полевка. Въ 10 ч. 40 м. мы тронулись въ дальнѣй-

шій путь и сразу стали подниматься довольно круто. Первое время ущелье, которымъ мы движемся, покрыто лѣсомъ, правда довольно рѣдкимъ, но на высотѣ около 2900 метровъ лѣсъ пропадаетъ, а еще метровъ черезъ 200 кончается и арча, послѣ чего уже мы ѣдемъ болѣе или менѣе голыми горами, частью покрытыми альпійскими лугами, частью же даже каменистыми, лишенными всякой растительности.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось холоднѣе (незадолго до вершины насъ захватилъ дождь), а на самой вершинѣ, которой мы достигли ровно 1 часть дня, термометръ опустился уже ниже 0° (-1/2°). Высота перевала Сартъ-Джоль равна приблизительно 31½ т. метровъ. Переваливъ черезъ вершину, мы сразу попали въ еще худшія условія, такъ какъ здѣсь насъ захватилъ сильный снѣжный буранъ, который дѣлалъ и безъ того трудный и крутой спускъ еще болѣе тяжелымъ.

Впрочемъ, снѣгъ прекратился довольно скоро, или вѣрнѣе, мы скоро, спустились до того предѣла, гдѣ шелъ уже не снѣгъ, а дождь, но зато послѣдній, сопровождаемый то немного стихавшимъ, то вновь усиливавшимся вѣтромъ преслѣдовалъ насъ почти до самаго дна долины р. Кокъ-Джаръ, куда мы спустились къ 3 часамъ. Вначалѣ спуска, среди рѣдкихъ растеній, покрывающихъ почву, снова попались розовые одуванчики (*Taraxacum officinale*).

Какъ я уже упомянулъ, спускъ въ долину Кокъ-Джаръ довольно труденъ, и есть небольшіе кусочки, гдѣ лошадямъ приходится спускаться по очень крутой и узкой каменной лѣстницѣ, такъ что требуется большое вниманіе по отношенію къ выючнымъ лошадямъ.

Впрочемъ, прямой опасности на этой дорогѣ нигдѣ нѣтъ, такъ какъ карнизовъ надъ пропастями на ней нѣтъ, точно также какъ нѣтъ опасныхъ тропинокъ по крутымъ косогорамъ: можно болѣе или менѣе сильно ушибиться, можетъ упасть и, пожалуй, сломать ногу выючная лошадь, но разбиться на смерть и окончательно потерять выюки здѣсь нѣтъ риска.

Въ долину Кокъ-Джара дорога выходитъ немного ниже мѣста сліянія этой рѣки съ Турукомъ, а какъ разъ противъ этого мѣста сліянія двухъ рѣкъ ущелье Кокъ-Джара расширяется и представляетъ изъ себя красивую совершенно плоскую зеленую долину, прорѣзанную посрединѣ галечнымъ ложемъ рѣки и ограниченную синеватыхъ и зеленоватыхъ тоновъ горами,

мѣстами обильно покрытыми кустарными зарослями. Эти синеватые и зеленеватые тона глиняныхъ и каменистыхъ склоновъ, ограничивающихъ ущелье Кокъ-Джара, преобладаютъ на большомъ поротяженіи отсюда вверхъ по рѣкѣ, и имъ-то обязана послѣдняя своимъ названіемъ: по киргизски Кокъ-Джаръ значитъ „голубой“ или „зеленый яръ“.

При спускѣ съ перевала на высотѣ около 3000 метровъ, т. е. на той же, какъ и на противоположномъ склонѣ, показались кустики арчи, а—около 2600 метровъ—встрѣтили нѣсколько елей, которыхъ больше по Кокъ-Джару не встрѣчали.

Какъ разъ около выхода нашей дороги въ долину рѣки попались первые кустики оригинальной горной акации, называемой по киргизски „тѹе куйрукъ“, что значитъ верблюжій хвостъ (*Caragana jubata*), которой мнѣ до сихъ поръ еще никогда встрѣчать не приходилось, и которая въ дальнѣйшемъ нашемъ пути по сыртамъ Пржевальскаго уѣзда оказалась широко распространеннымъ растеніемъ, во многихъ мѣстахъ замѣняющимъ обычную въ горахъ остального Семирѣчья арчу.

Чѣмъ выше мы поднимались по долинѣ Кокъ-Джара, тѣмъ больше было этой акации, которая совмѣстно съ арчей, жимолостью и какой-то товолгою одѣвала склоны ущелья, а кое-гдѣ даже образовывала чистыя заросли безъ примѣси другихъ растений. Товолга, входившая въ составъ кустарныхъ зарослей по Кокъ-Джару, по киргизски называется „талъ-алпа“ и имѣетъ крупные, продолговатые, остроконечные листья, напоминающіе листья нѣкоторыхъ видовъ кустарныхъ ивъ. Почему-то значительная часть кустарниковъ этой товолги здѣсь оказалась высохшей. Какъ я уже упомянулъ, склоны ущелья тамъ, гдѣ они не одѣты травянистою или кустарною растительностью, представляютъ изъ себя обнаженія синеватосѣрыхъ глинъ и твердыхъ породъ, но встрѣчаются здѣсь и обычные въ Семирѣчьи сланцы и, между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ намъ попадались скалы, образованныя очень тонко-слоистымъ сланцемъ, дробящимся на мельчайшія пластинки и сильно напоминающимъ шиферы южнаго берега Крыма.

Что касается животной жизни, то благодаря плохой погодѣ, стоявшей весь день, условія для наблюденія таковой были неблагоприятны. Однако, кое-что у меня все-таки отмѣчено. Такъ въ самомъ началѣ подъ-

ема часто попадались сороки (*Pica sp.*), галки (*Monedula sp.*) и горлинки (*Turtur auritus grigorievi*), а въ дальнѣйшемъ пути встрѣчены горныя вороны (*Pyrrhocorax graculus*), грачи (*Corvus frugilegus*)—на значительной высотѣ, завирушки (*Accentor sp.*), горныя трясогузки (*Motacilla melanope*), щеглы (*Carduelis elegans*), королевскіе вьюрки (*Serinus pusillus*), чечевица (*Carpodacus erythrinus*), пѣночки (*Phylloscopus sp.*), олянка (*Cinclus albiventris*) коньки (*Anthus sp.*) и горихвостки (*Ruticilla erythrogastra* и *R. sp.*).

Въ долину Кокъ-Джара кромѣ грачей, галокъ и горныхъ голубей (*Columba rupestris*), попадались зуйки (*Totanus hypoleucos*), довольно много сепюкловова (*Hidrohynchus struthersi*), чекканы (*Saxicola oenanthe*), горихвостки (*Ruticilla ochruros*), коньки (*Anthus sp.*), 1 олянка (*Cinclus albiventris*), пустельги (*Tinnunculus alaudarius*), чекканчики (*Pratincola mauga*), 1 самка желчной овсянки (*Emberiza luteola* въ совершенно необычной для этой птички обстановкѣ), и 1 чирокъ-свистунчикъ (*Anas crecca*). Изъ млекопитающихъ—довольно много сурковъ, много обыкновенныхъ въ горахъ коричневыхъ полевокъ (*Microtus sp.*), да пойманъ одинъ горностаи.

На ночлегъ мы остановились незадолго до вечера въ довольно узкомъ мѣстѣ долины, недалеко отъ берега рѣки. На прилагаемыхъ снимкахъ (см. рис. 3 и 4) виденъ характеръ долины Кокъ-Джаръ вверхъ и внизъ отъ нашей стоянки, расположенной на высотѣ около 2600 метровъ. Здѣсь мы уже достигли той высоты, гдѣ въ условіяхъ Семирѣчья приходится обычно имѣть дѣло съ очень низкой температурой по ночамъ. Такъ сегодня въ 9 часовъ вечера термометръ показывалъ только 5,5°, ночью же онъ спустился еще ниже и къ утру 26-го все вокругъ было покрыто инеемъ. Понятно, что послѣ снѣжнаго бурана на перевалѣ и затѣмъ цѣлаго дня пути подъ дождемъ, ночная температура на мѣстѣ ночлега, граничащая съ нулемъ, не могла быть особенно пріятной. Насколько малую роль играетъ погода для городского жителя, настолько она важна для всякаго, кому приходится проводить дни и ночи на воздухѣ, днемъ сидя верхомъ на лошади, а ночью не имѣя иного убѣжища, кромѣ палатки, весьма мало защищающей отъ холода. Настроение не только участниковъ экспедиціи, но и всѣхъ низшихъ служащихъ, не исключая и привыкшихъ къ невзгодамъ горнаго климата киргизъ, всегда находилось въ прямой зависимости отъ состоянія погоды, но особенно наглядно это проявилось на нашей первой

остановкѣ въ Кокъ-Джарѣ, такъ что я даже отмѣтилъ это въ дневникѣ. Записанную картинку я хочу привести здѣсь, такъ какъ она вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ представленіе о повседневныхъ занятіяхъ въ лагерѣ на стоянкахъ. Промокшіе и прозябшіе члены экспедиціи, пріѣхавъ на стоянку, думали только о томъ, какъ бы скорѣе согрѣться и напиться чаю и запрягаться по палаткамъ, съ мрачнымъ видомъ и крайнею неохотою исполняя лишь совершенно неотложныя работы, вродѣ собиранія дровъ и т. п. Не то было на слѣдующее утро, когда оказалось, что небо совершенно очистилось отъ тучъ и надъ нами засіяло яркое солнце при абсолютной тишинѣ воздуха. Какъ только солнце поднялось настолько, что освѣтило и обогрѣло нашъ лагерь, въ немъ не оказалось ни одного человѣка, который бы съ веселымъ видомъ и подчасъ даже съ пѣніемъ, не принялся бы за какое-нибудь дѣло: А. И. Безсоновъ копаетъ яму для взятія почвеннаго образца, В. А. Безсонова разбираетъ багажъ, Г. Ф. Буровъ исправляетъ мушку у карабина, одинъ изъ киргизъ шьетъ ичиги, другой—рѣдкій лодырѣ—чинить сбрую, третій приводитъ въ порядокъ разбросанныя съ вечера вещи, казакъ переводчикъ чинитъ палатку, мой препараторъ занятъ набивкою чучель птицъ, а изъ остальныхъ—часть отправилась ловить лошадей, а другая—занята заготовкою дровъ, которые мы должны были взять съ собою на сырты. Здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ объ этомъ совершенно необычномъ въ Семирѣчьи заготовленіи въ дорогу топлива, къ которому намъ пришлось прибѣгнуть въ этой части нашего пути.

Обычно при поѣздкахъ по Семирѣчью необходимое топливо вездѣ имѣется подъ руками: если нѣтъ деревьевъ, то есть хоть кустарники; въ степной полосѣ, гдѣ нѣтъ кустарниковъ, можно найти чій (*Lasiagrostis splendens*), или хотя бы полынь; наконецъ, всюду при небольшомъ стараніи можно собрать необходимый запасъ конскаго, верблюжьяго или коровьяго помета. И только сырты по системѣ Сарджаса представляютъ мѣсто, гдѣ надо имѣть запасъ топлива съ собою, такъ какъ кустарниковъ здѣсь нѣтъ вовсе, травянистая растительность настолько невысока и настолько, если можно такъ выразиться, «травяниста», что въ качествѣ топлива совершенно непримѣнима, универсальное же мѣстное топливо—кизякъ тоже не можетъ быть использованъ, такъ какъ, благодаря постояннымъ дождямъ никогда не просыхаетъ, да его здѣсь и не особенно

много, такъ какъ используются киргизами сырты сравнительно еще слабо. Указанное обстоятельство необходимо имѣть въ виду при побѣздкѣ въ эти мѣста, такъ какъ иначе можно очутиться въ безвыходномъ положеніи, если случайно окажется, что запасъ топлива рассчитанъ невѣрно и истощился раньше времени, т. е. раньше долины Иныльчека, Теза или Куелю.

Долина Кокъ-Джара, дномъ которой мы ѣдемъ цѣлый день 27-го іюля, то суживается, то расширяется, но нигдѣ не достигаетъ особенно значительной ширины. Склоны-то голые скалистые, то мягкіе, покрытые только травой, такъ какъ уже вскорѣ послѣ выѣзда нашего со стоянки исчезли сперва *Sagana jubata*, а затѣмъ и арча, и мы на нѣсколько дней разстались съ кустарною растительностью. На днѣ долины трава довольно сильно стравлена скотомъ, такъ какъ мы здѣсь застали много киргизскихъ ауловъ. Для скотоводства условія здѣсь вполне благопріятны, но о земледѣльской культурѣ явно не можетъ быть и рѣчи, благодаря климатическимъ условіямъ.

Самая рѣка необычайно извилиста, такъ что при движеніи вдоль нея приходится зря дѣлать очень значительные концы, совершенно бесполезно весьма значительно удлиняя путь. Уже передъ концомъ нашего сегодняшняго пути, т. е. уже на весьма значительной высотѣ мы наткнулись на цѣлую систему небольшихъ арыковъ, присутствіе которыхъ въ этомъ районѣ, гдѣ нечего ни поливать ни осушать, показалось весьма страннымъ. Спрошенные проводники объяснили что эти арыки имѣютъ совершенно особое назначеніе: они продѣланы для выливанія изъ норъ сурковъ, въ справедливости какового объясненія нетрудно было убѣдиться, такъ какъ дѣйствительно мелкія отводныя канавки вели прямо къ норкамъ сурковъ, расположеннымъ по дну долины или невысоко по склонамъ. Такъ какъ skóry сурковъ имѣютъ постоянный сбытъ на рынокѣ, то киргизы преслѣдуютъ этихъ звѣрьковъ довольно настойчиво, стрѣляя ихъ, ловя капканами, и кое-гдѣ, гдѣ это позволяютъ условія рельефа, не останавливаются даже передъ сооруженіемъ цѣлыхъ арычныхъ системъ для выливанія звѣрьковъ водою. Надо только удивляться, какъ при этихъ условіяхъ, эти безобидные, неуклюжіе грызуны умудряются еще сохраниться во многихъ мѣстахъ Семирѣчья въ весьма значительномъ количествѣ.

На ночлегъ остановились въ 4 часа дня въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина

Рис. 3. Долина р. Кокъ-Джаръ

Рис. 4. Долина р. Кокъ-Джаръ

рѣки дѣлаетъ поворотъ на юго-западъ и уже становится довольно узкою, незадолго до начала подъема на переваль Мынтуръ. Разбили лагерь среди альпійскаго болота, въ данный моментъ, благодаря исключительно сухому лѣту, совершенно сухого. Почвенный покровъ довольно густой и состоитъ изъ *Carex* sp. *Poa bulbosa*, *Saxifraga hirculus* и разныхъ генціанъ. Изъ представителей животнаго міра здѣсь, кромѣ сурковъ, мы наблюдали только красноносыхъ горныхъ воронъ (*Pyrrhocorax graculus*). Высота стоянки надъ уровнемъ моря, приблизительно 3000 метровъ, температура въ 9 часовъ вечера въ палаткѣ $+5,5^{\circ}$, на дворѣ же—около 0° . За ночь замерзла не только земля, но и рѣка около береговъ. Въ 7 часовъ утра температура воздуха всего 2° при совершенно чистомъ небѣ.

Первое время по выѣздѣ со стоянки 28-го іюля дорога идетъ по направлению къ юго-западу и затѣмъ вскорѣ долина Кокъ-Джара дѣлаетъ поворотъ почти подъ прямымъ угломъ и мы ѣдемъ уже приблизительно на сѣверо-западъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе суживается долина, и тѣмъ каменистѣе и круче становятся ея склоны. Въ двухъ мѣстахъ справа отъ дороги возвышаются очень высокія и совершенно отвѣсныя каменные стѣны, на одной изъ которыхъ недалеко отъ вершины на одномъ изъ выступовъ стоитъ домашняя коза, какимъ то чудомъ попавшая туда и теперь не знающая, какъ выбраться; немного дальше мы встрѣтили киргизъ, которые везли съ собою ея маленькаго козленка, въ надеждѣ, что услышавъ его голосъ, коза рискнетъ сдѣлать попытку подняться кверху, и это ей какъ-нибудь удастся. Видя, какъ лазаютъ по горамъ киргизскія домашнія козы, перестаешь удивляться рассказамъ о продѣлкахъ горныхъ козловъ (*Capra sibirica*), которые благополучно проходятъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ, казалось бы, могла ютиться только птица. Когда наблюдаешь мѣстныхъ домашнихъ козъ въ горахъ, убѣждаешься, что у нихъ развита прямо какая-то страсть къ хожденію по самымъ невозможнымъ кручамъ и уступамъ совершенно отвѣсныхъ скалъ, такъ какъ подчасъ пребываніе тамъ нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, въ виду полного иногда отсутствія въ такихъ мѣстахъ какого-либо корма. Немудрено, что рожденные и выросшіе на скалахъ горные козлы достигаютъ въ искусствѣ хожденія по кручамъ совершенно непостижимаго совершенства.

Самый подъемъ на переваль оказывается довольно легкимъ, такъ

какъ паденіе долины не особенно значительно, и дорога идетъ все время по дну ея, не дѣлая уклоненій въ стороны, на которыхъ естественно подъемы бываютъ всегда болѣе крутыми.

Уже не особенно далеко отъ мѣста нашей стоянки въ узкомъ ложѣ рѣки на тѣновой сторонѣ начинается попадаться снѣгъ, кое-гдѣ лежащій очень толстымъ слоемъ, который, несомнѣнно, уже не успѣетъ растаять до конца лѣта. Впрочемъ, это, конечно, не есть граница снѣговой линіи, такъ какъ снѣгъ здѣсь сохраняется только въ глубокихъ ущельяхъ, хорошо затѣненныхъ мѣстахъ, все же остальное пространство даже на самой вершинѣ перевала лишено снѣжного покрова. Въ одномъ мѣстѣ намъ слѣва отъ дороги попадаетъ небольшое озерко, поросшее по краямъ рѣдкою осокою и лежащее въ болотистыхъ берегахъ съ массою ключей. Обитателемъ этого озера оказался только одинокій чуликъ-чернышъ (*Totanus ochropus*). Передъ самой вершиной перевала долина нѣсколько расширяется, дно ея дѣлается ровнымъ и здѣсь дорога очень полого поднимается мѣстностью, въ изобиліи усѣянною плоскими камнями, съ сырою, даже насыщенною водою, каменистою почвою.

Растительный покровъ—крайне скудный и состоитъ изъ отдѣльно стоящихъ тамъ и сямъ разбросанныхъ альпійскихъ растений. Между прочимъ, на самой вершинѣ перевала и въ самомъ началѣ спуска къ Сарджасу опять встрѣчены розовые одуванчики, которые намъ попадаютъ уже третій разъ и каждый разъ въ совершенно одинаковой обстановкѣ: на вершинѣ перевала или въ самомъ началѣ южного склона, на сильно каменистомъ, насыщенномъ водою грунтѣ.

Вершина перевала Мынтуръ, лежащая на высотѣ около 3700 метровъ, представляетъ изъ себя ровное плато, съ котораго открывается великолѣпный видъ на снѣжныя цѣпи той части Тянь Шаня, гдѣ возвышается царственный Ханъ-Тенгри. Благодаря ясной погодѣ видъ былъ великолѣпный, но, къ сожалѣнію, самъ Ханъ-Тенгри, который удается видѣть свободнымъ отъ облаковъ сравнительно рѣдко, и на этотъ разъ поспѣшилъ укрыться отъ нашихъ взоровъ, на нашихъ глазахъ окруживъ себя тучами. Лично мнѣ, немного отставшему отъ каравана, и притомъ имѣвшему въ своемъ распоряженіи старинный аппаратъ, съ которымъ приходилось долго возиться, такъ и не удалось сдѣлать снимка.

Рѣка Кокъ-Джаръ начинается подъ самой вершиной сразу двумя или тремя рукавами.

Спускъ къ Сарджасу носить совершенно иной характеръ, чѣмъ путь по Кокъ-Джару, такъ какъ долина Мынтура, по которой мы теперь ѣдемъ, представляетъ почти незамѣтный переходъ отъ вершинаго плато къ сыртамъ по Сарджасу. Долина очень широка и окружена собственно даже не настоящими горами, а волнистыми увалами, которые образуютъ ея очень пологіе склоны и затѣмъ уходятъ вдаль, насколько видитъ глазъ какъ по направленію къ Сарджасу, такъ и вправо отъ Мынтура.

Вообще, переваль Мынтуръ представляетъ изъ себя уже начало того, что подразумѣвается обыкновенно подъ именемъ сыртовъ въ Пржевальскомъ уѣздѣ, и видъ, который открывается съ перевала къ югу, совершенно напоминаетъ то, что мы видимъ на самомъ Сарджасѣ, въ районѣ типичныхъ сыртовъ. Въ верхней своей части долина Мынтура, какъ и окружающіе увалы, представляетъ изъ себя волнистую мѣсность, покрытую сплошнымъ ковромъ альпійской растительности, съ мягкими склонами и почти совершенно безъ выходовъ горныхъ породъ. Только ниже кое-гдѣ начинаютъ попадаться скалы и камни, а въ одномъ мѣстѣ дно долины покрыто массой неправильной формы и темнаго цвѣта каменныхъ обломковъ, напоминающихъ обычныя по склонамъ ущелій каменные сланцевыя или гранитныя осыпи, но въ данномъ случаѣ расположенныхъ не у склона ущелья, а совершенно изолированно на ровномъ днѣ долины, среди окружающихъ мягкихъ альпійскихъ луговъ. Нѣсколько ниже этого мѣста, передъ своимъ выходомъ къ Сарджасу, Мынтуръ на небольшомъ протяженіи протекаетъ по глубокому и узкому ложу среди такихъ же темныхъ каменныхъ стѣнъ, на остальной же части своего теченія онъ бѣжитъ по галечному ложу, едва углубленному въ широкое дно долины.

При выходѣ Мынтура къ Сарджасу ботаническая часть экспедиціи отделилась отъ насъ съ цѣлью сдѣлать экскурсію къ леднику Мушкетова (на Адертерѣ), мы же тронулись прямо къ р. Тюзъ, такъ какъ имѣли въ виду осмотрѣть сырты въ низовьяхъ этой рѣки и посѣтить расположенныя тамъ озера, уже знакомыя В. В. Сапожникову по его путешествію 1910 года.

Для того, чтобы попасть на Тюзъ, являющійся однимъ изъ лѣвыхъ

притоковъ Сарджаса, намъ надо было переходить вбродъ эту послѣднюю рѣку. Въ нормальные годы переходъ черезъ Сарджасъ представляетъ большія затрудненія, благодаря обилію воды въ рѣкѣ, да и то возможенъ лишь въ немногихъ вполнѣ опредѣленныхъ пунктахъ. Однимъ изъ такихъ пунктовъ какъ разъ является то мѣсто ниже устья Адертера, около котораго мы вышли къ Сарджасу и въ которомъ онъ течетъ въ широкомъ руслѣ, разбиваясь на цѣлый рядъ отдѣльныхъ рукавовъ. Но и здѣсь при обиліи воды переправа бываетъ трудна, и только въ исключительно сухіе годы, какимъ былъ въ этихъ мѣстахъ 1912-й,—она не представляетъ особыхъ затрудненій, такъ что мы перешли черезъ рѣку не подмочивъ ни одного вьюка, при чемъ не принимали рѣшительно никакихъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ мѣръ предосторожности. Правда, даже при малой водѣ теченіе въ рѣкѣ оказалось довольно быстрымъ, но при отсутствіи въ этомъ мѣстѣ большихъ камней на днѣ, никакой опасности мы не подвергались, и лошади шли спокойно и свободно. Вода въ Сарджасѣ типичная ледниковая—мутная, молочно-бѣлая, для питья мало пригодная, такъ какъ почти совершенно не отстаивается.

Переправлялись мы черезъ рѣку около 3¹/₂ час. дня, о чемъ я упоминаю, такъ какъ время переправы на горныхъ рѣкахъ имѣетъ большое значеніе, и сплошь да рядомъ переправа оказывается возможной лишь въ строго опредѣленное время, ограничиваемое иногда 2—3 часами въ сутки. Знать эти моменты въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо, такъ какъ иногда, если упустить благоприятный моментъ, приходится выжидать новаго минимума до слѣдующихъ сутокъ. Само собою понятно, что въ разныхъ мѣстахъ рѣки минимальный уровень воды бываетъ въ разное время дня, такъ какъ все зависитъ отъ разстоянія даннаго пункта отъ верховьевъ рѣки, а иногда и отъ верховьевъ ея крупныхъ притоковъ, замѣтно влияющихъ на режимъ главной артеріи, такъ что никакихъ общихъ указаній по этому вопросу быть не можетъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится слѣдовать указаніямъ мѣстнаго населенія или проводниковъ, которые всегда бываютъ прекрасно освѣдомлены въ этомъ направленіи.

Перепавившись черезъ Сарджасъ, мы тронулись внизъ вдоль лѣваго берега рѣки по хорошо замѣтной, но въ данный моментъ, очевидно,

почти не посѣщаемой тропѣ и къ 6-ти часамъ добрались до долины Тюза, гдѣ и остановились верстахъ въ 3-хъ выше впаденія его въ Сарджасъ. Вода въ Тюзѣ почти совсѣмъ прозрачная, и въ мѣстѣ сліянія его съ Сарджасомъ шаговъ на 200 можно прослѣдить на фонѣ молочно бѣлыхъ водъ послѣдняго струю гораздо болѣе чистой воды Тюза.

Мѣстность эта по Сарджасу и Тюзу широко извѣстна въ Пржевальскомъ уѣздѣ подъ именемъ „сыртовъ“. Сырты по Сарджасу принято считать типичными сыртами, и они, дѣйствительно, наиболѣе соотвѣтствуютъ тому представленію, которое обыкновенно соединяется со словомъ „сырты“. Въ сущности говоря, принятое по крайней мѣрѣ въ Семирѣчѣ, да отчасти и въ литературѣ примѣненіе слова „сырты“ исключительно къ мѣстамъ съ природными условіями, какія мы видѣли въ долинѣ Сарджаса, является совершенно неправильнымъ, и лишь постоянное употребленіе въ этомъ смыслѣ узаконило за этимъ выраженіемъ право гражданства. Въ дѣйствительности слово „сыртъ“ по киргизски значитъ „внѣшній“, и подъ нимъ, повидимому, подразумѣваются пространства, нормально лежащія за предѣлами района правильныхъ періодическихъ кочевокъ данной волости, „внѣ“ его. Такое объясненіе мнѣ далъ приставъ Подгорненскаго участка, Н. С. Сазонтовъ, родившійся въ Семирѣчѣ, прожившій здѣсь всю жизнь и въ совершенствѣ знакомый съ языкомъ и бытомъ киргизъ. И я лично не сомнѣваюсь въ справедливости такого объясненія, такъ какъ имѣются данныя, вполнѣ подтверждающія такое толкованіе. Такъ, сами знаменитые Сарджасскіе сырты еще сравнительно въ недавнее время почти совершенно не посѣщались киргизами и лежали никѣмъ неиспользованные. Только въ послѣдніе годы по мѣрѣ роста населенія, а главное, по мѣрѣ вытѣсненія киргизъ съ ихъ насиженныхъ мѣстъ наводняющими Семирѣчье новоселами, предѣлы района кочевокъ стали расширяться, и киргизы стали использовать такія мѣста, которыя они раньше предоставляли суркамъ и горнымъ баранамъ. Да еще и по настоящее время эти мѣста используются весьма слабо, такъ что, напримѣръ, въ посѣщенной нами обширной долинѣ р. Каинды мы нашли только 20 юртъ киргизъ, которые живутъ здѣсь совершенно изолированно, никѣмъ не

тревожимые и имѣютъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ названной долины Каинды, еще все обширное пространство къ югу отсюда до самой китайской границы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сюда не заглядывалъ никто, теперь случайно сюда пробрались 20 хозяевъ, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, здѣсь поселится или начнетъ сюда кочевать ихъ 200 и, въ концѣ концовъ, мало по малу окажутся занятыми всѣ теперешніе свободные сырты,

Пространства эти подѣлятся между волостями, кочевки станутъ регулярными, и сырты войдутъ въ районъ нормальнаго пользованія, сохранивъ названіе сыртовъ, лишь по старой памяти.

Но особенно наглядное доказательство, что слово „сырты“ имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ ему принято придавать, мы видимъ въ сѣверной части Копальскаго уѣзда, именно въ Южно-Прибалхашской волости (и отчасти даже, пожалуй, Или-Балхашской). Эта волость расположена вдоль береговъ озера Балхаша по обоимъ берегамъ р. Каратала. Пахотныя ея земли лежатъ въ низовьяхъ этой рѣки, вдоль ея береговъ въ урочищѣ Кангай и прилегающихъ; весною южно-прибалхашскіе киргизы кочуютъ недалеко кверху въ предѣлы Акъ-Ичкинской волости, на урочище Учъ-Куль, а остальное время проводятъ въ пескахъ вдоль Каратала и по побережьямъ Балхаша. Но кромѣ того, часть киргизъ этой волости иногда откочевываетъ за предѣлы указанного района, на колодцы по Читъ Баканасу и въ песчаной пустынѣ Бисъ-Тазъ. И вотъ эти-то мѣста, представляющія діаметральную противоположность сыртамъ Пржевальскаго уѣзда, называются здѣсь сыртами. Человѣку, привыкшему со словомъ „сырты“ соединять представленіе о холодѣ, вѣчныхъ дождяхъ, великолѣпномъ альпійскомъ пастбищѣ и горномъ рельефѣ, какъ-то дико слышать это слово въ примѣненіи къ горячей, песчаной пустынѣ, лишенной воды и покрытой кустиками саксаула, терескена (*Eurotia ceratoides*), дюзгена (*Calligonum*), *Aristida pennata* и т. п. растительностью, а между тѣмъ именно такія мѣста понимаются подъ словомъ „сыртъ“ киргизами Южно-Прибалхашской волости, Копальскаго уѣзда. Мнѣ кажется, что одного этого примѣра достаточно, чтобы показать, что общепринятое употребленіе слова „сыртъ“ является неправильнымъ. И однако, мнѣ же самому въ

настоящемъ очеркѣ для краткости придется употреблять его именно въ этомъ узкомъ смыслѣ, такъ какъ въ примѣненіи къ описываемому району соединяемое съ нимъ понятіе является вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности, что, впрочемъ, и не мудрено, такъ какъ, кажется, этимъ именно мѣстамъ и обязано это слово своимъ появленіемъ въ литературѣ.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное, мы увидимъ, что вошедшее въ литературу понятіе о сыртахъ, вообще говоря, совершенно неправильно, такъ какъ не соотвѣтствуетъ существу дѣла, въ частныхъ же случаяхъ оно можетъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительности, какъ это и имѣетъ мѣсто, въ особенности по отношенію къ сыртамъ по Сарджасу, о которыхъ мнѣ приходится здѣсь говорить. Здѣшніе сырты, въ типичной своей части (т. е. около Сарджаса и его верхнихъ лѣвыхъ притоковъ) представляютъ изъ себя обширныя волнистыя пространства съ мягкими склонами холмовъ и уваловъ, прорѣзанныхъ неглубокими долинами рѣкъ и многочисленными оврагами. Около верховьевъ рѣкъ, впадающихъ въ Сарджасъ, а мѣстами и около послѣдняго встрѣчаются и болѣе значительныя возвышенности и скалы, (каменные берега его ниже Тюза, каменистыя склоны долинъ 3-хъ Ичкели-Ташей); общій же фонъ бассейна Сарджаса въ районѣ его верхнихъ притоковъ сохраняетъ характеръ волнистой равнины. Кое-гдѣ видны крупныя валуны или болѣе мелкіе камни, особенно замѣтные по склонамъ рѣчныхъ долинъ, въ общемъ же поверхность представляетъ изъ себя зеленый коверъ густой, хотя и невысокой, альпійской растительности. Очень часто попадаютъ мѣста, которыя нормально представляютъ изъ себя болотца съ ключевою водою (въ этомъ году всѣ такія мѣста совершенно сухи), нерѣдко попадаютъ ямки, обычно представляющія небольшія озера, теперь же большею частью сухія, покрытыя погибшею водяною сосенкою (*Hippuris*); и очень мало мы встрѣтили озерковъ, которыя сохранили еще немного воды. Нерѣдко попадаютъ участки съ растрескавшеюся почвою, лишеныя всякой растительности и напоминающіе такыры. По словамъ лицъ, бывавшихъ здѣсь въ нормальныя годы, благодаря обилію болотистыхъ мѣстъ тутъ лѣтомъ въ изобиліи держатся слѣпни, которыхъ мы не нашли вовсе.

Составъ растительнаго покрова довольно однообразенъ, и послѣдній образованъ, главнымъ образомъ, типцомъ (*Festuca ovina*), къ ко-

торому примѣшаны 3—4 вида генціанъ (*Gentiana atrata*, *G. barbata* и др.), 1—2 вида злаковъ, *Swertia marginata*, *Leontopodium sibiricum*, *Saussurea pygmaea*, *Stipa mongolica* и изрѣдка к.-н. *Potentilla* (въ томъ числѣ—*P. anserina*), *Oxytropis*, *Ligularia*.

На болѣ сырыхъ мѣстахъ вмѣсто *Festuca ovina* растутъ осоки. Въ самой долинѣ Тюза изрѣдка попадаются крошечные кустики тую-куйрюка (*Caragana jubata*), *Potentilla fruticosa*, едва возвышающіеся надъ поверхностью земли, *Ephedra* и карликовая ива.

Что касается животнаго міра сыртовъ, то онъ не отличается разнообразіемъ. Обиліе уваловъ съ мягкими склонами создаетъ благоприятныя условія для жизни здѣсь горныхъ барановъ, или, по мѣстному, архаровъ (*Ovis karelini*), которые здѣсь находятъ особенно благоприятную обстановку для жизни еще благодаря отсутствію тутъ людей, сосѣдства которыхъ тщательно избѣгаютъ эти осторожные звѣри. На возвышающихся тамъ и сямъ скалистыхъ хребтахъ держится много горныхъ козловъ (*Capra sibirica*), а присутствіе архаровъ и горныхъ козловъ, въ свою очередь, создаетъ благоприятныя условія для жизни барсовъ (*Felis irbis*), которые здѣсь настолько обыкновенны, что одинъ изъ переселенческихъ топографовъ (Н. В. Дмитріевъ) добылъ великолѣпный экземпляръ этой крупной кошки въ то время, когда работалъ съ мензулой на своемъ планшетѣ. Очень распространенъ здѣсь сурокъ (*Arctomys baibacina*), норы котораго мѣстами образуютъ цѣлыя большіе городки, причемъ отъ одной норы къ другой часто видны хорошо протоптанныя въ густой травѣ тропинки. Мало тревожимые людьми, здѣшніе сурки отличаются сравнительно большою довѣрчивостью, такъ что добыть ихъ не представляетъ особаго труда, несмотря на открытый характеръ мѣстности. Изъ мелкихъ грызуновъ здѣсь живутъ обыкновенныя въ горахъ коричневыя полевки, но тутъ онѣ далеко не такъ многочисленны, какъ бываютъ въ мѣстностяхъ съ высокою растительностью, какъ напримѣръ въ заросляхъ *Aconitum napellus* и *A. septentrionale*. Есть, конечно, широко распространенные всюду горностаи и ласки. Больше ни о какихъ млекопитающихъ намъ свѣдѣній получить не удалось. Изъ птицъ на сыртовыхъ равнинахъ держатся, притомъ въ очень большомъ количествѣ, только альпійскіе жаворонки (*Otocoris penicillata*). На озерахъ встрѣтили трехъ сѣрыхъ утокъ (*Anas stre-*

pera), парочку чернышей (*Totanus ochropus*), одну какую-то *Ruticilla*, а передь нашимъ проѣздомъ здѣсь держались горные гуси (*Eulabeia indica*) и много атаекъ (*Tadorna rutila*), но работавшіе въ этихъ мѣстахъ военные и переселенческіе топографы гусей всѣхъ истребили, а атаекъ частью перестрѣляли, частью разогнали. Въ каменистыхъ долинахъ рѣкъ, напри- мѣръ Тюза, очень много чеккановъ-попучиковъ (*Saxicola oenanthe*), есть горихвостки (*Ruticilla erythrogastra*), встрѣчено 2—3 трясогузки (*Motacilla personata*), стайка горныхъ вьюрковъ (*Montifringilla alpicola*), семья воро- новъ (*Corvus corax*) и 1 удода (*Upupa epops*), которыхъ я не видѣлъ уже много дней, много зуйковъ (*Totanus hypoleucos*), рѣдкіе серпоклювы (*Hidor- hynchus struthersi*) и замѣченъ единичный экземпляръ какого-то орлана (*Haliaeetus* sp.).

Здѣсь я долженъ вернуться немного назадъ, такъ какъ я въ своемъ мѣстѣ забылъ упомянуть о птицахъ, встрѣченныхъ нами на переходѣ съ верховьевъ Кокъ-Джара къ Сарджасу. На мѣстѣ стоянки кромѣ горныхъ воронъ (*Pyrrhocorax graculus*), не было рѣшительно ничего, но по пути кое-какія птицы попадались. Такъ еще вскорѣ по выходѣ со стоянки на упомянутыхъ выше отвѣсныхъ скалахъ встрѣченъ выводокъ *Ruticilla eryth- rogastra* и огромная колонія городскихъ ласточекъ (*Chelidon urbica*). У самой вершины Кокъ-Джара добыта молодая оляпка (*Cinclus albiventris*). На каменной розсыпи Мынтура попался выводокъ альпійской завирушки (*Accentor alpinus*) и здѣсь же по склонамъ долины въ изобиліи держались коньки (*Anthus spinoletta*?) и немногочисленные альпійскіе жаворонки (*Otocoris penicillata*), а также каменки (*Saxicola oenanthe*). На всемъ пути, кромѣ того, конечно, попадались горныя вороны (*Pyrrhocorax graculus*), ко- торыя на этихъ высотахъ всюду бываютъ очень обыкновенными.

Возвращаясь къ покинутымъ на время сыртамъ, я хочу сказать еще нѣсколько словъ объ ихъ человѣческомъ населеніи. Въ моментъ посѣ- щенія нами этихъ мѣстъ здѣсь, кромѣ упомянутыхъ выше 20 кибитко- владѣльцевъ въ долинѣ р. Каинды и нѣсколькихъ военныхъ и переселен- ческихъ топографовъ, проживали только нѣсколько ауловъ, прикоманди- рованныхъ къ работавшимъ топографамъ. Слово „прикомандированный“ въ примѣненіи къ кочевнику — киргизу звучитъ нѣсколько странно, а между тѣмъ оно выражаетъ именно то, что имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Суть

въ томъ, что, по взаимному соглашенію киргизскаго населенія сосѣднихъ волостей, выполнение котораго обезпечено крупными штрафами, ни одинъ киргизъ не имѣетъ права вкочевывать на сырты до 1-го августа. Между тѣмъ, лѣтомъ 1912 года производилась военно-топографическая съемка этого района и одновременно здѣсь же шла хозяйственная съемка, исполнявшаяся топографами Переселенческаго Управленія. Само собою понятно, что при полномъ отсутствіи здѣсь населенія и при изолированности района, отрѣзаннаго отъ культурнаго міра нѣсколькими днями пути по горнымъ тропинкамъ и черезъ высокіе перевалы, производство работъ оказалось бы невысказаннымъ, такъ какъ слишкомъ тяжелымъ бременемъ ложилась бы постоянная доставка провизіи и даже топлива. И вотъ мѣстная администрація, съ цѣлью устранить эти препятствія распорядилась командированіемъ въ распоряженіе каждаго топографа одного киргизскаго аула со скотомъ, на обязанность хозяина котораго было возложено снабженіе (конечно, за установленную плату) топографовъ топливомъ, провизіей и, въ случаѣ надобности, лошадьми.

Понятно, что даже при наличности топографовъ населеніе здѣсь все-таки не отличалось густотою, такъ какъ площадь каждаго планшета равна приблизительно 40000 десятинъ, на каковомъ пространствѣ, слѣдовательно, можно было встрѣтить одного топографа съ рабочими и 2—3 юрты киргизъ.

Послѣ 1-го августа населеніе здѣсь замѣтно увеличивается, но, видимо, и тогда оно не бываетъ особенно густымъ, какъ объ этомъ можно судить по тѣмъ слѣдамъ своего пребыванія, которые киргизы оставляютъ послѣ себя. Слѣды эти—зимовыя стойбища, которыя не трудно узнать по скопленіямъ помета домашнихъ животныхъ. Настоящихъ зимовокъ киргизы здѣсь не строятъ и зиму проводятъ въ юртахъ. Для установки же послѣднихъ они выбираютъ поперечные ложки и шелки въ долинахъ рѣкъ, въ которыхъ и сами они, и ихъ скотъ до нѣкоторой степени оказываются защищенными отъ вѣтровъ. Иногда здѣсь складываются небольшія оградки изъ камней, но и безъ такихъ оградокъ мѣста зимовокъ легко узнаются по остающемуся навозу, а по количеству зимовокъ не трудно судить и о степени посѣщаемости сыртовъ зимою.

Правые берега Сарджаса и бассейнъ его правыхъ притоковъ посѣ-

шается еще, сравнительно, замѣтно, все же пространство по лѣвому берегу рѣки и по настоящее время используется въ самой назначительной степени. Я думаю, само собою понятно, что использованы быть всѣ эти огромныя площади могутъ только въ качествѣ пастбищъ и ни о какой сельскохозяйственной культурѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ снѣгъ и, особенно, градъ представляютъ здѣсь обычное явленіе въ теченіе всего лѣта. Для цѣлей переселенческаго дѣла этотъ районъ можетъ имѣть значеніе только въ качествѣ территории для смѣщенія сюда киргизъ, нежелающихъ перейти къ осѣдлому образу жизни.

Описанную выше типичную форму сырты имѣютъ начиная съ верховьевъ Мынтура, въ верхнемъ теченіи Сарджаса, по Тюзу, Адертеру и другимъ ближайшимъ лѣвымъ притокамъ Сарджаса. Изъ правыхъ притоковъ уже въ этомъ районѣ нѣкоторые (З Ичкели-таша) имѣютъ глубокія ущелья съ каменистыми склонами и большими скалистыми гребнями. Въ верховьяхъ Тюза тоже уже есть довольно каменистыхъ горъ, а районъ слѣдующихъ крупныхъ лѣвыхъ притоковъ, Иныльчека, Каиндовъ и другихъ уже представляетъ изъ себя обычнаго типа горную страну съ глубокими долинами, раздѣленными огромными каменистыми хребтами и съ весьма незначительными сравнительно пространствами болѣе пологихъ и мягкихъ уваловъ, холмовъ и плато. Кромѣ того, какъ мы увидимъ ниже, и климатъ, и почва здѣсь совершенно иная, чѣмъ на Сарджасѣ въ низовьяхъ Тюза.

Высота Сарджасскихъ сыртовъ надъ уровнемъ моря приблизительно 3000 метровъ (наша стоянка на Тюзѣ около 3000 метровъ).

28-го іюля, когда мы сдѣлали переходъ съ Кокъ-Джара на Тюзъ, куда добрались къ 6-ти часамъ вечера, весь день стояла прекрасная погода, но уже на слѣдующій день, когда мы сдѣлали небольшую экскурсію по сыртамъ внизъ по Сарджасу, погода была болѣе нормальная для этихъ мѣстъ, т. е. въ теченіе дня нѣсколько разъ выпадалъ дождь часто вмѣстѣ съ крупнымъ градомъ; въ 8^{1/2} час. вечера поднялся сильный вѣтеръ, который опять нагналъ дождь и градъ. Температура воздуха по вечерамъ и утрамъ держалась приблизительно между 7 и 8°, днемъ при ясномъ небѣ было довольно тепло, но какъ только находили тучи, сразу становилось очень холодно. На слѣдующій день 30-го іюля, ровно въ 10 часовъ

утра мы тронулись дальше и уже въ 2 часа остановились на ночлегъ подъ самымъ переваломъ Тюзъ, такъ какъ перевалить въ тотъ же день черезъ перевалъ уже было бы невозможно, а ночевать гдѣ-нибудь въ пути было нельзя.

Весь путь въ этотъ день лежалъ по долинѣ р. Тюзъ, то суживающейся, то расширяющейся, но вездѣ неглубокой и съ пологими склонами окружающихъ горъ. Только уже около мѣста вечерней остановки долина сильно суживается и ограничивается высокими каменными горами, а верстахъ въ 3-хъ выше нашего лагеря расположенъ и ледникъ, изъ котораго беретъ начало Тюзъ.

Паденіе долины не крутое, а такъ какъ дорога идетъ все время болѣе или менѣе дномъ долины, то движеніе не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій, если не считать переходовъ черезъ болотистыя мѣста, гдѣ наши лошади иногда проваливаются въ грязь. Такихъ болотистыхъ мѣстъ здѣсь уже попадаетъ много и вообще видно, что тутъ осадковъ выпадаетъ значительно больше, чѣмъ около Сарджаса, что же касается вообще почвеннаго покрова, то онъ по составу мало отличается отъ соответственнаго покрова на нашей послѣдней стоянкѣ, и только замѣтно меньшее количество *Stipa mongolica*, да и всѣ вообще растенія не достигаютъ такого хорошаго развитія, какъ на меньшихъ высотахъ. На галькѣ по Тюзу здѣсь впервые встрѣчены кустики изящнаго растенія, напоминающаго полынь и оказавшагося, какъ мнѣ впослѣдствіи сообщилъ В. В. Сапожниковъ, *Tanacetum Scharnhorsti*.

Лагерь нашъ, который мы разбили на лужайкѣ около русла Тюза противъ боковой щели, по которой намъ предстало подниматься на слѣдующій день, оказался расположеннымъ на высотѣ около 3400 метровъ надъ уровнемъ моря. Ночевать намъ на такой высотѣ приходилось впервые, и хотя никто изъ насъ не страдаетъ отъ высоты, но ночевка здѣсь особеннаго удовольствія никому не доставила, такъ какъ ночью термометръ въ палаткахъ опускался ниже 0°, и къ утру оставленный на ночь чай оказался замерзшимъ. Здѣсь снѣгъ сохранился не только въ узкихъ ущельяхъ или вообще въ защищенныхъ уголкахъ, но кое-гдѣ и на совершенно ровныхъ, цѣлый день освѣщаемыхъ солнцемъ, мѣстахъ. Доѣхали до стоянки мы благополучно, но едва мы успѣли разбить палатки, какъ пошелъ сперва дождь, а затѣмъ поднялся буранъ съ градомъ и снѣ-

гомъ, сплошь покрывшими землю, а вокругъ палатокъ образовавшими цѣлые валы; еще къ 8 часамъ утра слѣдующаго дня снѣгъ даже на солнцѣ не успѣлъ растаять, такъ что мы съ утра часовъ до 9-ти могли любоваться зимнимъ пейзажемъ.

Изъ птицъ за переходъ къ верховьямъ Тюза попадались все тѣ же горныя вороны (*Pyrrhocorax alpinus*), альпійскіе жаворонки (*Otocoris penicillata*), какіе-то коньки и въ началѣ пути — чекканы (*Saxicola oenanthe*), которые однако скоро исчезли и до верхней части долины Тюза уже не доходятъ. Кромѣ названныхъ птицъ, на совершенно чистомъ мѣстѣ среди камней встрѣченъ и добытъ 1 экземпляръ какой-то пѣночки (но не *Phylloscopus indicus*). По дорогѣ очень часто попадались архарьи рога, но большею частью очень старые, успѣвшіе почти совсѣмъ разрушиться, болѣе-же свѣжихъ найдено только двѣ пары.

На стоянкѣ у верховьевъ Тюза къ намъ опять присоединились вернушіеся съ ледника Мушкетова В. В. Сапожниковъ и Б. К. Шишкинъ, и весь остальной путь всѣ участники экспедиціи дѣлали совмѣстно, не считая отдѣльныхъ экскурсій во время дневокъ.

31-го іюля ровно въ 10 часовъ утра мы тронулись по направленію къ перевалу Тюзъ, соединяющему верховья р. Тюзъ съ верховьями крупнаго притока Сарджаса — Иныльчека. Тюзъ является однимъ изъ двухъ переваловъ, соединяющихъ долину этой рѣки, а слѣдовательно и весь огромный районъ, лежащій къ югу отъ нея до Китайской границы, съ культурной и населенной частью Семирѣчья; второй перевалъ, съ которымъ намъ пришлось познакомиться впослѣдствіи, носить названіе Тезъ, такъ же крутъ, какъ и Тюзъ, и хотя и не имѣетъ переходовъ по леднику, но настолько высокъ и длиненъ, что по трудности не уступаетъ послѣднему, и по совѣси не легко рѣшить, который изъ этихъ переваловъ хуже и труднѣе. Одинъ стоитъ другого, и благодаря такому сообщенію обширныя пространства къ югу отъ Иныльчека еще надолго обречены лежать неиспользованными и отрѣзанными отъ остального культурнаго міра.

Дорога къ перевалу Тюзъ сразу входитъ въ ущелье одной изъ вершинъ этой рѣки и поднимается не особенно круто по каменистому склону праваго берега. Благодаря постоянно выпадающему здѣсь снѣгу, который затѣмъ сейчасъ же таетъ, почва во многихъ мѣстахъ насыщена водою и

настолько размокла, что лошади наши поминутно вязнуть, а такъ какъ вся мѣстность при этомъ усѣяна камнями, то въ результатѣ дорога получается не особенно хорошая и пріятная. Впрочемъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни обрывовъ, ни особенно крутыхъ косогоровъ, то передвиженіе не представляетъ опасностей или особыхъ трудностей для сѣдоковъ, и только лошади сильно измучиваются и вынуждены останавливаться отдыхать.

Послѣ часовой ѣзды мы добрались до ровной, совершенно горизонтальной площадки, на которой расположено небольшое озерко, образовавшееся отъ таянія снѣговъ, и которая какъ бы нарочно создана для того, чтобы здѣсь удобно могли отдохнуть лошади передъ главнымъ подъемомъ, у самага подножія котораго она расположена.

Давъ немного отдохнуть каравану, мы трогаемся дальше, и пройдя небольшое пространство по крутому каменному склону, вступаемъ на поверхность ледника, круто спускающагося къ упомянутой площадкѣ. Подниматься кверху по леднику намъ почти не приходится, такъ какъ переваль расположенъ не на вершинѣ его, а по другой его сторонѣ, на свободномъ отъ льда мѣстѣ, и такимъ образомъ мы должны пересѣчь ледникъ поперекъ, сравнительно незначительно поднимаясь въ то же время кверху. Однако и такой путь былъ бы весьма не легкимъ, если бы не благопріятно сложившіяся для насъ обстоятельства, такъ какъ въ виду крутизны паденія ледника движеніе по крутому ледяному косогору даже на специально подкованныхъ лошадяхъ, какъ это было у насъ, являлось бы не только опаснымъ, но и вообще выполнимымъ съ большимъ трудомъ. Но на наше счастье передъ нашимъ приходомъ сюда раза два выпадалъ обильный снѣгъ, покрывшій ледяную поверхность слоемъ не менѣе $1\frac{1}{2}$ аршина толщиною. Это обстоятельство сослужило намъ огромную службу, такъ какъ протоптанная въ снѣгу тропинка уже представляла достаточный упоръ для лошадей и людей, и мы поднялись благополучно. Правда, подниматься было благодаря значительной высотѣ надъ уровнемъ моря и, все-таки, довольно крутому (хотя и не длинному подъему) очень тяжело, и люди и лошади неоднократно падали, но зато мы не подвергались риску скатиться по ледяной горѣ внизъ на камни, гдѣ, конечно, ужъ никто не уцѣлѣлъ-бы. Насколько трудный и рискованный былъ подъемъ, можно судить по тому, что вся наша многочисленная киргизская свита шла пѣш-

комъ, никто не остался сидѣть на лошади, и верхомъ этотъ путь продѣлала только одна В. А. Безсонова, вѣроятно, въ надеждѣ на свой небольшой вѣсъ, вполне увѣренная въ своей лошади. Правда опасность намъ могла грозить только въ томъ случаѣ, если бы упавшая лошадь повлекла за собою внизъ и весь слой снѣга въ мѣстѣ своего паденія, но въ этомъ не было ничего невозможнаго, такъ какъ температура стояла значительно выше нуля, и поверхность льда была мокрая; а при такихъ условіяхъ, конечно, гораздо безопаснѣе было идти пѣшкомъ, не будучи связаннымъ съ лошадыю.

Когда мы проходили это мѣсто, мнѣ пришла въ голову мысль, что бы мы дѣлали, если бы не благодѣтельный снѣгъ, и если бы поверхность ледника представляла изъ себя только мокрый ледъ. Тогда я видѣлъ только одинъ исходъ—сдѣлать обходное движеніе и пройти не по дорогѣ, а какимъ-то особымъ путемъ, который, по его словамъ, зналъ нашъ знаменитый проводникъ Кудакедьды. Впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать о другомъ исходѣ, къ которому будто бы пришлось прибѣгнуть военному астроному полковнику Аузанъ, заставшему Тюзскій ледникъ свободнымъ отъ снѣга. Исходъ этотъ заключался въ томъ, что черезъ весь ледникъ были прорублены во льду ступеньки, по которымъ и провели караванъ. Насколько эти усложнили переходъ, можно судить по тому, что, тогда какъ мы потратили на переходъ черезъ ледникъ немного больше получаса, у полковника Аузанъ на это ушло время съ 6 часовъ утра до 10 часовъ вечера, и въ результатѣ онъ не могъ двинуться дальше къ Иныльчеку и вынужденъ былъ ночевать на вершинѣ перевала. Но онъ все-таки имѣлъ дѣло съ подъемомъ, а спускъ при такихъ условіяхъ долженъ представлять почти непреодолимая трудности.

Перебравшись черезъ ледникъ, мы проѣхали еще очень небольшое разстояніе и въ 11 ч. 50 мин. добрались до вершины перевала, высота котораго оказалась равной приблизительно 3950 метрамъ.

Спускъ въ долину Иныльчека идетъ широкими склонами хребта; нѣтъ здѣсь ни карнизовъ, ни тропинокъ по косогорамъ, такъ что путь вполне безопасенъ, но зато тяжелъ для лошадей благодаря большой крутизнѣ. Послѣдняя настолько значительна, что караванъ приходилось нѣсколько разъ останавливать на болѣе ровныхъ мѣстахъ для отдыха. Подъемъ

здѣсь долженъ быть необычайно тяжелъ. На спускъ мы употребили всего 2 час. 10 м. и за это время въ вертикальномъ направленіи сдѣлали немного болѣе 1000 метровъ, такъ что въ часъ спускались приблизительно на $1\frac{1}{2}$ километра, и эти цифры хорошо характеризуютъ крутизну спуска.

Такіе крутые спуски въ Семирѣчѣ попадаются нерѣдко въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ровный склонъ не стѣсняетъ киргиза, и онъ можетъ вести дорогу гдѣ ему вздумается: о лошади онъ не заботится, а самъ, конечно, не боится никакой крутизны и поэтому ѣдетъ такъ, чтобы сократить дорогу до послѣднихъ предѣловъ возможности. Иногда въ такихъ мѣстахъ попадаются кусочки, на которыхъ верховыя лошади идутъ еще, вьючныя же едва удерживаются, чтобы не побѣжать и ихъ приходится останавливать для отдыха даже на спускѣ, на подъемѣ же онѣ вынуждены останавливаться по минутно, такъ что подчасъ потеря времени на отдыхи на такихъ подъемахъ пожалуй аннулируетъ выгоду отъ сокращенія разстоянія.

Въ началѣ спуска съ Тюза дорога долгое время идетъ каменными осыпями, на которыхъ держится масса уларовъ (*Tetraogallus himalayensis*), а затѣмъ съ высоты приблизительно 3800 метровъ появляется растительность, однимъ изъ первыхъ представителей которой здѣсь является *Driadanthe bungeana*; на высотѣ 3600 метровъ появляется *Potentilla fruticosa*, а на 3400 метр., т. е. на той высотѣ, на которой нѣсколько часовъ тому назадъ въ верховьяхъ Тюза мы видѣли довольно чахлые экземпляры представителей высокогорной флоры сырыхъ и холодныхъ мѣстъ, мы здѣсь встрѣчаемъ такіе виды, какъ обыкновенная герань (*Geranium*) и чій (*Lasiogrostis splendens*). По мѣрѣ спуска внизъ растительность принимаетъ все болѣе и болѣе несвойственный горному ландшафту характеръ, обогащаясь типичными обитателями низменной степной части Семирѣчья, какъ на примѣръ *Artemisia maritima*, *Stipa capillata*, *Statice speciosa* и даже *Eurotia ceratoides*, не говоря о чіѣ, который тутъ разросся прекрасно. И все это — еще не доѣзжая до дна долины, которое, между тѣмъ, въ этомъ мѣстѣ расположено на высотѣ немного менѣе 3000 метровъ надъ уровнемъ моря. Для меня такой составъ растительности на такой высотѣ былъ новостью, и потому невольно обратилъ на себя мое вниманіе и заставилъ даже сдѣлать отмѣтки по барометру.

Намъ еще раньше киргизы говорили о томъ, что въ долинѣ Иныль-

чека и особенно слѣдующихъ параллельныхъ рѣкъ совсѣмъ тепло не только лѣтомъ, но и зимою, и дожди идутъ рѣдко, а на Каиндахъ и Кую-Капѣ даже зимою почти не бываетъ снѣга. Такіе рассказы перестали мнѣ казаться неправдоподобными при первомъ же взглядѣ на растительность, найденную нами уже у самыхъ верховьевъ Иныльчека, а по мѣрѣ движенія впередъ природныя условія все болѣе подтверждали ихъ справедливость.

Приблизительно со середины спуска открывается великолѣпный видъ на верховья Иныльчека съ огромнымъ ледникомъ, изъ котораго рѣка беретъ начало, и на противоположный склонъ долины. (См. рис. 5.).

Прилагаемый снимокъ до нѣкоторой степени передаетъ видъ на вершину долины, но, къ сожалѣнію, въ тотъ моментъ, когда я собирался фотографировать, на ледникъ набѣжали тучи, поднялся снѣжный буранъ и даль вся скрылась изъ глазъ. Нижній конецъ ледника (нѣсколько верстъ) совершенно скрытъ подъ землею, обломками камней, щебнемъ и галькою, такъ что льда совершенно не видно. Рѣка здѣсь течетъ между ледникомъ и склономъ ущелья, и до мѣста ея выхода изъ-подо льда никто изъ участниковъ экспедиціи не доѣзжалъ. По свидѣтельству профессора Мерцбахера, верхнимъ своимъ концомъ Иныльчекскій ледникъ сливается съ общемою ледниковою массою у подножія Ханъ-Тенгри и въ общемъ имѣетъ въ длину протяженіе въ 40 верстъ, являясь чуть ли не самымъ обширнымъ изъ извѣстныхъ ледниковъ (?).

Добравшись до долины Иныльчека, мы двинулось вдоль нея внизъ съ цѣлью найти удобное мѣсто для дневки, которую мы предполагали здѣсь сдѣлать. Проѣхавъ около часа, мы добрались до стоянки военного топографа штабсъ капитана Буша, по сосѣдству съ которымъ и остановились, такъ какъ здѣсь была и вода, и достаточно корма, и удобныя площадки для разбивки палатокъ.

Между прочимъ, на Иныльчекѣ, какъ и на многихъ другихъ ледниковыхъ рѣкахъ, иногда приходится довольно долго ѣхать въ поискахъ удобнаго мѣста для остановки изъ-за отсутствія воды, годной для питья: въ самомъ Иныльчекѣ вода настолько мутная и даже грязная, что для употребленія не годится, и надо искать ключей или впадающихъ въ рѣку ручейковъ. Правда, послѣднихъ здѣсь много, но нѣкоторые изъ нихъ тоже не годятся, такъ какъ только утромъ несутъ чистую воду, въ остальное же

время—совершенно грязную; таково большинство лѣвыхъ притоковъ въ верхней части долины, берушихъ начало изъ многочисленныхъ здѣсь боковыхъ ледниковъ. Правый, освѣщенный солнцемъ склонъ долины, лишень не только ледниковъ, но даже и большихъ, замѣтныхъ запасовъ снѣга, такъ что имѣющіяся здѣсь рѣчки имѣютъ болѣе свѣтлую воду, но зато самихъ рѣчекъ тутъ мало, такъ что приходится искать ключей, проступающихъ гдѣ-нибудь подъ берегомъ и иногда обращающихся въ небольшіе ручейки, бѣгущіе въ Иныльчекъ.

Выбранное нами мѣсто стоянки оказалось расположеннымъ на высотѣ 1313 саж. надъ уровнемъ моря, по точному измѣренію штабсъ-капитана Буша, и по этой точной датѣ я имѣлъ случай лишній разъ повѣрить свой anerоидъ Naudet, который я уже неоднократно свѣрялъ съ гипсо-термометромъ, причемъ онъ ни разу не расходился съ послѣднимъ больше чѣмъ на 2,5 мм., даже на высотѣ въ 4000 метровъ. На этотъ разъ онъ показалъ высоту 2800 метровъ, что въ точности равняется 1313 саженьямъ.

Возвращаясь къ нашему пути черезъ перевалъ остается упомянуть, что съ утра погода была хорошая, а затѣмъ на спускѣ мы попадали то подъ дождь, то подъ буранъ со снѣгомъ и крупую, передъ вечеромъ же опять установилась прекрасная погода, и въ 9 часовъ вечера термометръ показываеъ 8° при ясномъ небѣ.

Птицъ по пути встрѣчали очень мало, если не считать уларовъ, добыты же только 1 *Ruticilla erythrogastra* и 1 *Leucosticte brondti*, встрѣченная нами впервые и то въ единичномъ экземплярѣ.

Во время дневки 1-го августа я сдѣлалъ экскурсію отъ мѣста стоянки вверхъ по Иныльчеку почти до самаго ледника, такъ что успѣлъ довольно хорошо познакомиться съ крайне интересной долиной этой рѣки. Мнѣ пришлось здѣсь только пожалѣть о своемъ весьма поверхностномъ знакомствѣ съ геологіей, такъ какъ долина Иныльчека представляетъ изъ себя какъ бы кабинетъ для изученія различныхъ геологическихъ процессовъ и для посвященнаго лица могла бы, вѣроятно, дать очень много.

Совершенно плоское дно долины представляетъ изъ себя очень широкое ложе—1½ версты и болѣе—рѣки, по которому послѣдняя бѣжитъ то двумя, то нѣсколькими рукавами. Все это ложе представляетъ изъ себя скопленіе гальки весьма различнаго состава и въ значительной части

сплюсненной, имѣющей видъ плитокъ. Среди этой гальки имѣется много такой, которая употребляется въ качествѣ точильныхъ камней, и всѣ наши киргизы свое свободное время проводили въ томъ, что бродили по этому галечнику въ поискахъ за подходящими камнями, причемъ мы въ первый моментъ терялись въ догадкахъ, чего собственно они могутъ искать въ такомъ, казались-бы мало интересномъ мѣстѣ, какъ обычные въ Семирѣчьи прирѣчные галечники.

Широкая часть долины начинается отъ самаго ледника и идетъ версты на 4 ниже нашей стоянки и немного ниже выхода изъ горъ р. Атъ-Джайлау, по которой идетъ дорога на р. Каинды, и затѣмъ рѣзко замыкается невысокими выступами, которые въ этомъ мѣстѣ даютъ къ центру долины оба ея берега, и которые образуютъ какъ бы плотину, перегораживающую долину и сохраняющую какъ-разъ по срединѣ лишь небольшія ворота, черезъ которыя проходитъ рѣка. Ворота эти хорошо видны на картѣ и замѣтны также и на фотографическомъ снимкѣ. Не берусь объяснить странный видъ верхней части Иныльчекской долины, которая со своимъ рѣзкимъ суженіемъ внизу у воротъ плотины, совершенно не похожа на обычныя здѣсь горныя долины, но киргизы объясняютъ, какъ самую форму долины, такъ и совершенную горизонтальность и значительную ширину ея дна съ рѣзкими границами у обохъ береговъ тѣмъ, что когда-то вся эта мѣстность представляла изъ себя озеро, кончавшееся у плотины, которую оно въ одинъ прекрасный день прорвало, постепенно образовавъ ворота, черезъ которыя затѣмъ и ушло въ Сарджасъ, оставивъ на своемъ мѣстѣ ровное ложе гальки. Насколько это галечное ложе плоско, можно видѣть изъ того, что, какъ я уже упомянулъ, самъ Иныльчекъ бѣжитъ здѣсь многими рукавами, которые то соединяются вмѣстѣ, то опять расходятся иногда очень далеко другъ отъ друга, опять сходятся и т. д.; мало того, по этому-же ложу иногда на довольно большомъ разстояніи бѣгутъ параллельно Иныльчеку нѣкоторые притоки, которые никакъ не могутъ найти достаточнаго уклона къ оси долины, чтобы соединиться съ главной рѣкой.

Къ этому галечному дну долины вплотную подходятъ съ обѣихъ сторонъ ограничивающія ее горы, не образуя сколько-нибудь ясно выраженныхъ террасъ. Долженъ оговориться, что, говоря о долинѣ Иныльчека я

пока имѣю въ виду исключительно верхнюю ея часть, до воротъ; нижняя имѣетъ совершенно иной характеръ, и о ней я буду говорить впослѣдствіи, такъ какъ она посѣщена нами была гораздо позже, уже на обратномъ пути.

Горные хребты, отдѣляющіе долину Иныльчека съ одной стороны отъ долины Тюзъ и описанныхъ выше типичныхъ сыртовъ Сарджаса, а съ другой—отъ долины р. Каинды, имѣютъ довольно значительную высоту, такъ какъ многія вершины, по измѣренію штабсъ-капитана Буша, поднимаются выше 5-ти верстъ.

Правый хребетъ имѣетъ гораздо болѣе пологіе склоны, до значительной высоты покрытые болѣе или менѣе толстымъ слоемъ почвы и поросшіе, какъ уже сказано, растительностью чисто степного характера. Кустарниковъ здѣсь очень мало, и ютятся они, главнымъ образомъ, въ поперечныхъ ложкахъ, по которымъ бѣгутъ боковые притоки Иныльчека, или тамъ, гдѣ благодаря глубинѣ лога, лучше сохраняется влага. Тутъ попадаетъ какой-то барбарисъ съ красными ягодами, жимолость, туюе-куйрюкъ (*Caragana jubata*), кустарная ива (*Salix* sp.) и высокій полукустарный *Comarum Zabnssowi*; благодаря большей влажности почвы, здѣсь и травянистая растительность уже иная, чѣмъ вообще на этомъ склонѣ долины, такъ какъ тутъ попадаютъ виды, свойственные влажнымъ горнымъ мѣстностямъ, какъ, на примѣръ, непріятно пахнущій колокольчикъ (*Codonopsis clematidea*), *Ligularia* и т. п. Но эти пятна растительнаго покрова, обычно свойственнаго горнымъ мѣстностямъ, здѣсь совершенно пропадаютъ на общемъ фонѣ чисто степной флоры правыхъ склоновъ долины Иныльчека, такъ что ихъ надо специально искать. Какъ я уже говорилъ, правые склоны долины болѣе пологи, чѣмъ лѣвые, и дѣйствительно крутизна здѣсь сравнительно настолько не велика, что до вершины хребта почти въ любомъ мѣстѣ можно добраться пѣшкомъ и даже верхомъ, о чемъ на большомъ протяженіи лѣваго хребта не можетъ быть и рѣчи. Горы послѣдняго прежде всего, повидимому, выше, чѣмъ на противоположномъ берегу рѣки и спускаются онѣ къ рѣкѣ крайне круто, а во многихъ мѣстахъ даже совершенно отвѣсно. Только въ самой верхней части долины послѣдняя замыкается и слѣва болѣе низкими и пологими горами, каменные же стѣны отходятъ къ оси хребта.

Рис. 5. Долина р. Инильчекъ подъ переваломъ Тюзъ

Рис. 6. Р. Каинды и путь на Кую-Капъ.

По этимъ склонамъ сверху бѣгутъ многочисленныя ручейки, которые здѣсь мѣстами падаютъ почти отвѣсно, а кое-гдѣ прямо какъ бы ползутъ грандіозными широкими лентами по вертикальнымъ стѣнамъ долины. Во многихъ мѣстахъ стѣны хребта прорѣзываются поперечными ущельями, которыя на днѣ долины отмѣчены громадными устьевыми конусообразными выносами, лежащими противъ входа въ ущелье и образованными боковыми притоками Иныльчека. По такому конусу по утрамъ часто струится небольшой ручеекъ чистой прозрачной воды, а послѣ полудня здѣсь мчатся многочисленные грязные потоки, съ грохотомъ перекатывающие камни. Многіе изъ такихъ потоковъ берутъ начало изъ небольшихъ боковыхъ ледничковъ, которыхъ есть нѣсколько въ ущельяхъ этого хребта, изъ которыхъ одинъ былъ осмотрѣнъ мною и спереди представлялъ изъ себя отвѣсную обрывающуюся ледяную стѣну въ нѣсколько саженей высоты. Нижній конецъ его былъ расположенъ всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ долины Иныльчека, т. е. сравнительно на очень небольшой высотѣ надъ уровнемъ моря. Сохраняется на такой высотѣ такой незначительный ледничекъ благодаря тому, что онъ находится на сѣверномъ склонѣ, лежитъ въ узкомъ ущельѣ и съ юга защищенъ огромнымъ хребтомъ, очень круто поднимающимся выше снѣговой линіи. Это послѣднее условіе—крутой сѣверный склонъ хребта—обуславливаетъ то, что здѣсь верхній поясъ его покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, ущелья прячутъ въ себѣ ледники, а нижняя часть склоновъ вездѣ, гдѣ позволяетъ рельефъ, даетъ пріютъ растительности, совсѣмъ непохожей на растительность, какъ противоположнаго склона Иныльчекской долины, такъ и южнаго склона описываемаго хребта, образующаго сѣверные склоны долины Кайнды, которая расположена къ югу отъ Иныльчека параллельно ему.

На узкихъ терраскахъ, бороздящихъ тамъ и сямъ стѣны хребта, здѣсь пріютилась травянистая растительность, образующая яркіе сочныя коврики, состоящіе уже не изъ степныхъ видовъ, а изъ растений, нормальныхъ для горнаго ландшафта. Немного ниже, на болѣе широкихъ терраскахъ, или болѣе пологихъ мѣстахъ склона, покрытыхъ болѣе толстымъ слоемъ почвы, возвышается еловый лѣсъ. Правда, деревья здѣсь не могутъ достигать особенно большихъ размѣровъ, такъ какъ этому препятствуетъ незначительная толщина почвеннаго слоя, подостланнаго голымъ камнемъ,

но въ общемъ лѣсъ имѣеть хорошій видъ, и деревья чувствуютъ себя, видимо, привольно. Подъ деревьями имется кустарный подсѣдъ и травянистая растительность. Первый по своему составу довольно однообразенъ и значительно отличается отъ обычнаго подсѣда еловыхъ лѣсовъ Семирѣчья. Такъ здѣсь вовсе нѣтъ широко распространеннаго въ области можжевельника и его замѣняетъ тую-куйрюкъ (*Saragana jubata*), достигающій здѣсь роскошнаго развитія и имѣющій стволы-плети въ 3—4 аршина длиною. Къ основному фону изъ этой акаціи примѣшано немного жимолости, кустарныхъ ивъ и кислицы (*Ribes atrorubra*). Вверхъ по долинкамъ еловый лѣсъ идетъ довольно высоко и сравнительно немного не доходитъ до ледника. Около верхняго его предѣла къ ели присоединяется какая-то мелколистная береза, которая выше границы ели, и между еловымъ лѣсомъ и ледникомъ самостоятельно образуетъ небольшую рощицу.

Выше я упомянулъ о многочисленныхъ ущельяхъ, прорѣзывающихъ лѣвый хребетъ горъ и являющихся долинами притоковъ Иньльчека. Нѣкоторыя изъ этихъ ущелій крайне узки, а объ одномъ изъ нихъ я хочу даже спеціально упомянуть, такъ какъ оно представляетъ довольно интересный примѣръ дѣятельности воды.

Прежде всего оно настолько узко, что къ нему даже непримѣнимо слово ущелье, а въ точности подходитъ болѣе распространенное въ Семирѣчьи слово щель, такъ какъ это въ дѣйствительности—ничто иное, какъ узенькая щель въ толщѣ горнаго хребта. Щель эта обратила на себя мое вниманіе еще въ то время, какъ мы спускались съ Тюза къ Иньльчеку, и я тогда же рѣшилъ осмотрѣть ее, если это окажется возможнымъ. Издали она казалась вертикальной темной третиной, проникающей глубоко въ толщу отвѣсно поднимающагося въ томъ мѣстѣ хребта. Приближаемся осмотрѣ она оказалась еще интереснѣе, чѣмъ можно было думать, такъ какъ въ ней течетъ большой ручей, дѣйствію котораго она и обязана своимъ происхожденіемъ. Ручей этотъ, имѣющій въ ширину отъ 1½ до 3 аршинъ, проточилъ себѣ ложе въ видѣ узкаго корридора, мѣстами не шире 2 аршинъ, прорѣзывающаго сверху донизу всю толщу хребта. Не знаю, насколько далеко къ югу проникаетъ этотъ корридоръ, насколько онъ глубокъ или высокъ дальше, и не повышается ли его дно по направленію къ вершинѣ очень круто, но до того мѣста, до котораго я

доходилъ, паденіе ручья невелико, и высота корридора измѣряется десятиками, а можетъ быть, и сотнями саженой. Мѣстами онъ кверху сильно расширяется, такъ что въ него попадаетъ много свѣта, и въ такихъ случаяхъ на выступахъ стѣнъ лѣпятся мхи и кое-какія сочныя цвѣтковые растенія, какъ напримѣръ, *Corshusa Mathioli*, *Saxifraga sibirica* и еще 2—3 вида. Мѣстами же стѣны его на огромную высоту поднимаются отвѣсно, а кое-гдѣ даже образуютъ почти замкнутый сводъ. Ручей во многихъ мѣстахъ и въ настоящее время занимаетъ всю ширину корридора и въ такихъ мѣстахъ приходится идти прямо по водѣ или пробираться по лежащимъ въ водѣ камнямъ. Необыкновенно красивы стѣны корридора, которыя представляютъ изъ себя гладко отшлифованный водою мраморъ зеленовато-сѣрыхъ, красноватыхъ и желтоватыхъ тоновъ, блестящій благодаря постоянной влажности. Изъ мраморовъ или мраморовидныхъ известняковъ въ значительной части состоитъ весь хребетъ, отдѣляющій верхнюю часть долины Иньльчека отъ соотвѣтственной части долины Каиндовъ. Къ сожалѣнію, я не могъ прослѣдить эту интересную щель на значительную глубину внутрь хребта, такъ какъ такое предпріятіе представляло значительный рискъ: въ случаѣ внезапнаго дождя я могъ оказаться буквально въ безвыходномъ положеніи, такъ какъ мнѣ пришлось бы спастись отъ поднявшейся воды на какомъ-нибудь выступѣ въ стѣнѣ корридора и тамъ сидѣть неопредѣленное время въ ожиданіи спада воды. Но могло быть и гораздо хуже, такъ какъ не вездѣ стѣны корридора имѣютъ выступы,—мѣстами онъ возышаются кверху совершенно отвѣсно и даже, какъ упомянуто, образуютъ почти сводъ, а всякому, кто бывалъ въ горахъ, хорошо извѣстно, во что здѣсь въ нѣсколько минутъ можетъ обратиться послѣ ливня самый незначительный и невинный съ виду ручеекъ и какому риску подвергаешься въ такихъ случаяхъ, если некуда скрыться отъ воды. Почти въ такомъ же положеніи я очутился бы, если бы не рассчиталъ времени и ушелъ настолько далеко, что не успѣлъ бы вернуться до обыкновеннаго ежедневнаго поднятія уровня воды ручья (въ результатѣ таянія снѣга или льда въ его верховьяхъ). Чтобы рискнуть на продолжительную экскурсію въ такую щель, надо специально выйти пораньше утромъ, чтобы къ часу или двумъ успѣть выбраться обратно и при этомъ еще быть увѣренными въ томъ, что погода не измѣнится и не пойдетъ дождь. А такъ

какъ я наткнулся на этотъ корридоръ уже довольно поздно и не имѣлъ возможности предпринять сюда второй спеціальной экскурсіи, то мнѣ пришлось удовольствоваться осмотромъ того, что мнѣ позволило время.

Изъ представителей животнаго міра я здѣсь встрѣтилъ только какихъ-то комаровъ, ютящихся въ трещинахъ стѣнъ и мелкихъ прыгающихъ наѣдомыхъ, вродѣ глетчерныхъ блохъ, державшихся въ землѣ и мелкомъ щебнѣ, лежавшихъ кое-гдѣ по полу корридора.

На самомъ галечномъ днѣ долины, въ общемъ почти лишенномъ растительности, иногда попадаются странныя сочетанія, изъ видовъ высокогорныхъ и степныхъ, какъ, напримѣръ, непосредственное сосѣдство *Tanacetum Scharnhorsti* съ *Erigeron acre* и песчанымъ *Elymus arenarius*.

Выше я уже упомянулъ о томъ, что долина Иныльчека можетъ служить кабинетномъ для изученія геологическихъ процессовъ и образованій. Дѣйствительно, здѣсь мы находимъ и одинъ изъ огромнѣйшихъ ледниковъ въ мірѣ и крошечные леднички, спускающіеся съ бокового хребта на незначительную высоту, почти до самаго дна главной долины; видимъ горы пологія, покрытыя толстымъ слоемъ почвы и другія, возвышающіяся совершенно отвѣсными каменными стѣнами, больше чѣмъ на тысячу метровъ, гранитныя каменныя осыпи, голыя сланцевыя скалы, цѣлый хребетъ изъ известняковъ и мрамора, крупную рѣку, текущую въ странной формы долинѣ и ничтожныя рѣченки, проточившія чуть ли не насквозь цѣлый горный хребетъ, типичнѣйшіе конусообразные устьевые выносы, находящіеся въ періодѣ формированія, и, наконецъ, примѣры внезапныхъ разрушеній въ видѣ лавинъ (по мѣстному—оплывинъ) и горныхъ обваловъ. Одну изъ лавинъ мы имѣли случай наблюдать во время спуска съ перевала. Эта лавина спускалась на нашихъ глазахъ по противоположному склону долины, но она была сравнительно невелика и даже не дошла до низа долины, а такъ и замерла гдѣ-то въ средней части хребта. Я встрѣтилъ слѣды гораздо болѣе грандіозной лавины во время экскурсіи вверхъ по Иныльчеку. Слѣды эти, въ видѣ груды различной величины камней, покрытыхъ мусоромъ изъ мелкаго щебня, растительныхъ остатковъ и земли, тянулись почти на одну треть ширины долины и достаточно свидѣтельствовали о грандіозныхъ размѣрахъ упавшей лавины.

Тутъ же недалеко я наткнулся на слѣды еще одной катастрофы, мо-

жетъ быть, вызванной однимъ изъ обычныхъ въ Семирѣчѣ толчковъ. Здѣсь дно долины у подножія лѣваго склона было усыпано массою каменныхъ глыбъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигали объема 10—20 куб. саж. У самой вершины хребта, представляющаго въ этомъ мѣстѣ отвѣсную стѣну въ 1000 метровъ высоты, видно было мѣсто, отъ котораго оторвался упавшій кусокъ скалы, разбившійся при своемъ паденіи на массу обломковъ. Обвалъ произошелъ, видимо, не очень давно, такъ какъ изломы камней имѣли видъ совсѣмъ свѣжихъ. Обвалившаяся масса камня представляетъ изъ себя или мраморъ, или мраморовидный известнякъ, изъ которыхъ, такимъ образомъ, состоитъ въ этомъ мѣстѣ весь хребетъ—отъ основанія до самаго гребня.

Переходя теперь къ фаунѣ Иныльчекской долины я перечислю все, что мнѣ удалось тутъ встрѣтить. Изъ млекопитающихъ тутъ есть теке (*Capra sibirica*) и архары (*Ovis Karelini*), сурки (въ верхней части праваго склона), лисицы, зайцы (*Lepus tolai*) и найдены слѣды барса (*Felis irbis*). Норокъ мелкихъ звѣрковъ я нигдѣ не нашелъ, и поставленныя на авось ловушки оказались нетронутыми.

Орнитологическая фауна оказалась довольно разнообразною. Въ большомъ количествѣ здѣсь держатся улары (*Tetraogallus himalayensis*), которые, видимо, регулярно посѣщаютъ лѣсъ, о чемъ свидѣтельствуетъ въ изобиліи попадающій въ лѣсу уларій пометъ. Довольно обыкновенны горныя курочки кеклики (*Saccabis chukar*), выводокъ которыхъ тоже встрѣченъ въ лѣсу, что совѣмъ не гармонируетъ съ обычными повадками этой птицы. На мягкихъ склонахъ праваго хребта встрѣченъ выводокъ чилей (*Perdix daurica*); довольно обыкновенны скалистые голуби (*Columba rupestris*); въ очень большомъ количествѣ держатся желтоносыя горныя вороны (*Pyrrhocorax alpinus*) и гораздо менѣе многочисленны—красноносыя (*P. graculus*); въ лѣсу встрѣченъ выводокъ сорокъ (*Pica sp.*) и выводокъ дербниковъ (*Lithofaleo aesalon*), а около лагеря—1 экземпляръ ворона (*Corvus corax*). Изъ мелкихъ птичекъ встрѣчена 1 обыкновенная трясогузка (*Motacilla alba*), на правомъ берегу долины—много чеккановъ-попутчиковъ (*Saxicola oenanthe*) и парочка стѣнолазовъ (*Tichodroma muraria*), а въ лѣсу добыты или наблюдались горихвостки (*Ruticilla ochrurus*), завирушки (*Accentor atrigularis*), пѣночки (*Reguloides humii* и *Phylloscopus sp.*), варакушки

(*Cyanecula suecica*), чечевицы (*Carpodacus rubicillus*), сорокопутъ (*Lanius* sp. но повидимому не *phoeniceus*), конекъ (*Anthus arboreus*), *Hypolaïs* sp., *Fringillauda altaica* и одна какая-то неизвѣстная мнѣ птичка.

Обращало на себя вниманіе отсутствіе въ лѣсу такихъ обычныхъ для этой станціи видовъ, какъ *Psocile songara*, *Parus rufipectus*, *Picus tridactylus*, *Loxia curvirostra*, *Regulus tristis* и *Certhia familiaris*. Не встрѣчено также ни одного крапивника (*Troglodytes*). Изъ низшихъ животныхъ я нахожу нужнымъ упомянуть объ одномъ паукообразномъ, котораго я до сихъ поръ встрѣтилъ всего два раза (въ верховьяхъ Малой Алматинки. Вѣрн. у. и на Сартъ-Джолѣ, Джаркент. у.), да и то въ первый разъ въ количествѣ 2-хъ экземпляровъ, а во второй разъ—даже одного. Здѣсь же, подъ камнями галечнаго дна долины они попадаютъ въ очень большомъ количествѣ, причемъ отличаются достаточною подвижностью, проворно спасаясь отъ преслѣдованія, тогда какъ прежніе экземпляры поражали своею вялостью.

Говоря о долині Иныльчека, я не упомянулъ о размѣрахъ самой рѣки. Размѣры эти таковы, что даже у своихъ истоковъ рѣка проходима вбродъ только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она раздѣляется на нѣсколько рукавовъ. Правда, подъ самымъ ледникомъ черезъ нее переправился Б. К. Шишкинъ, но по его словамъ, сопровождавшій его киргизъ едва не погибъ, а самъ онъ зачерпнулъ воды въ сѣдельныя сумы, а при такой глубинѣ переправа черезъ стремительно бѣгущія горныя рѣки является уже опасной.

Видъ кверху по долині завершается грандіознымъ пикомъ Ханъ-Тенгри, возвышающимся надъ Иныльчекскимъ ледникомъ.

День нашей дневки 1-го августа стоялъ прекрасный, и только на короткое время затуманилось и прошелъ небольшой дождичекъ. 2-го, съ утра опять роскошная погода, благопріятствовавшая предстоящему намъ переходу черезъ перевалъ Атъ-Джайляу въ долину слѣдующаго притока Сарджаса—Каиндовъ. Съ оставленіемъ долины Иныльчека мы должны были вступить въ мѣстность, въ которую только этимъ лѣтомъ впервые попалъ русскій чѣловѣкъ и гдѣ изъ культурныхъ людей былъ только профессоръ Мерцбахеръ. Этимъ же лѣтомъ еще до насъ сюда пробрались военные и переселенческіе топографы, занятые здѣсь съемкою.

Тронулись въ путь мы въ 9 ч. 45 м. утра и спустились немного внизъ отъ мѣста стоянки, безъ труда перешли Иныльчекъ, разбивающійся здѣсь на многочисленныя рукава. Дорога на перевалъ идетъ по ущелью небольшой рѣчки Атъ Джайлау, впадающей въ Иныльчекъ немного выше воротъ. Подъемъ сперва сильно каменистый, хотя и не особенно крутой, а затѣмъ дорога переходитъ черезъ одинъ изъ двухъ рукавовъ рѣчки и, повернувъ вправо, входитъ въ очень красивое лѣсное ущелье второго рукава, становясь сразу очень крутою. Крутой подъемъ идетъ почти до самой вершины перевала, но зато ѣхать приходится по мягкому грунту, впрочемъ мѣстами сильно влажному и даже болотистому. Нѣсколько разъ приходится переѣзжать небольшія рѣчки и, наконецъ, ровно черезъ три часа ѣзды, т. е. въ 12 ч. 45 м. мы выѣзжаемъ на совершенно ровное плато, покрытое прекрасною травою, съ темною, насыщенною водою, а мѣстами даже болотистою почвою. Слева это плато ограничено высокими горами, въ ущельяхъ которыхъ расположено нѣсколько ледниковъ, дающихъ начало рѣчкамъ. Ледники эти своими нижними концами спускаются приблизительно до высоты плато, т. е. до 3700 метровъ (486 мм.) и довольно разнообразны по своей формѣ, оканчиваясь то сходящимъ на нѣтъ языкомъ, то сильно истрескавшейся спереди и сверху стѣною.

Справа отъ плато возвышаются невысокія, безснѣжныя, сильно скалистыя горы. Плато это и есть вершина перевала Атъ-Джайлау; здѣсь мы нашли 2 озерка съ атайками (*Tadorna rutila*), и парю чернышей (*Totanus ochropus*). Отъ плато идетъ совершенно незамѣтный переходъ къ широкой, ровной съ пологими склонами зеленой долины второй Атъ-Джайлау, берущей начало изъ очень красиваго ледника и текущей уже въ Каинды. Пологимъ, мягкимъ, покрытымъ прекрасною альпійскою растительностью спускомъ, мы ѣдемъ ровно два часа, послѣ чего долина суживается; мы попадаемъ опять на каменистую дорогу, идущую надъ самымъ берегомъ рѣки, а затѣмъ скоро добираемся и до очень сквернаго и тяжелаго мѣста, гдѣ дорога, переходя черезъ боковое ущелье, идетъ очень круто частью просто по скаламъ и камнямъ, частью по осыпи, образованной огромными каменными обломками неправильной формы. Здѣсь путь мѣстами настолько узокъ, что между камнями выюч-

ныя лошади пробираются съ трудомъ, мѣстами спускъ по наваленнымъ камнямъ такъ неудобенъ, что лошади оступаются и падаютъ, а въ одномъ мѣстѣ тропинка оказалась даже прерванной, и черезъ небольшую трещинку кѣмъ-то была устроена наивная настилка изъ 2—3 тоненькихъ палочекъ, на которыя сверху были положены нѣсколько камней. Конечно, такая настилка, если бы рискнуть ею воспользоваться, могла бы принести только вредъ, а не пользу, такъ какъ тяжести лошади она, конечно, выдержать не могла бы, но на свое счастье киргизскія лошади настолько умны, что избѣгаютъ пользоваться сомнительными мостами и предпочитаютъ или обходить ихъ, или, если можно, переступать черезъ нихъ. Благодаря этой мудрой осторожности наши лошади всѣ прошли здѣсь благополучно, сднѣ перешагивая черезъ шель, а другія переходя по сохранившемуся краешку тропинки, тѣсняясь вплотную къ стѣнѣ или же пробираясь въ обходъ стороною, по камнямъ, безъ дороги. Такая дорога тянется на протяженіи около двухъ верстъ, затѣмъ идетъ кусокъ совершенно ровнаго, хотя и довольно крутого спуска, и мы въ 4 ч. 30 м. подъѣзжаемъ къ рѣкѣ Каинды, которая бѣжитъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ ниже насъ по галечному дну долины и въ этомъ мѣстѣ недоступна, благодаря крутизнѣ берегового обрыва. Кромѣ того, какъ въ самихъ Каиндахъ, такъ и въ Атѣ-Джайляу, вода настолько грязная, что для употребленія не годится, такъ что намъ приходится ѣхать дальше въ поискахъ питьевой воды, а также корма для лошадей, котораго въ мѣстѣ выѣзда нашего въ долину было недостаточно.

Высота надъ уровнемъ моря мѣста выхода дороги—около 2950 метровъ, но отсюда намъ пришлось ѣхать ниже въ поискахъ удобной стоянки еще въ теченіе цѣлаго часа, и остановились мы въ 5 ч. 30 м. вечера на мѣстѣ бывшей стоянки военного топографа, капитана Токовенко, на высотѣ 2800 метровъ надъ уровнемъ моря.

Пробираясь вдоль Каиндовъ, мы ѣхали очень неудобными мѣстами—то тѣсняясь вплотную подъ береговымъ яромъ, то пробираясь черезъ какія-то кустарныя заросли, то прямо по водѣ или по кучамъ осыпавшихся съ обрыва камней, такъ что видно было, что здѣсь нѣтъ большого движенія, и дорога намѣчается совершенно случайно крайне рѣдко проѣзжающими киргизами; иначе не представляло бы труда выбрать на днѣ долины

или на ея болѣе или менѣе ровныхъ склонахъ болѣе удобную дорогу. На перевалѣ есть очень трудныя мѣста, такъ что приходится тщательно выбирать путь, и тамъ уже каждый изъ немногихъ проѣзжающихъ здѣсь киргизъ аккуратно придерживается разъ намѣченного пути, такъ что, въ концѣ концовъ, тропа поддерживается и разрабатывается. Въ долинѣ же, гдѣ въ сущности можно проѣхать болѣе или менѣе вездѣ, никому неохота слѣдить за дорогой, и каждый ѣдетъ, какъ ему вздумается, такъ что въ результатѣ получается, что въ мѣстѣ, гдѣ могла бы быть прекрасная дорога, таковой въ сущности вовсе нѣтъ. При большомъ населеніи этого, конечно, не бываетъ, такъ какъ регулярное движеніе со скотомъ изъ года въ годъ поддерживаетъ дороги вездѣ, и потому уже одного приведеннаго обстоятельства было достаточно, чтобы убѣдиться въ почти полномъ отсутствіи въ Каиндахъ не только постоянного, но и временнаго населенія. И дѣйствительно, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, оказалось, что въ огромномъ районѣ долины р. Каинды и пространства къ югу отсюда до Китайской границы постоянно проживаютъ только 20 кибитковладѣльцевъ Джеты-Огузовской волости, и лишь изрѣдка и нерегулярно прикочевываютъ сюда зимою немногіе киргизы другихъ волостей. (См. рис. 7.).

Мѣсто, на которомъ мы остановились въ Каиндахъ, на правомъ берегу выбрано было капитаномъ Токовенко, видимо, съ большимъ стараніемъ, такъ какъ представляло наибольшія удобства, какія только можно было найти здѣсь: для разбивки лагеря имѣлась прекрасная, сухая, совершенно ровная площадка, возвышающаяся надъ ложемъ рѣки; въ послѣднемъ всюду подъ самымъ берегомъ пробивались ключики съ профильтрованной снѣговой водою идеально чистою и очень вкусною; наконецъ, около самаго лагеря имѣлось въ достаточномъ количествѣ топливо въ видѣ кустарныхъ зарослей и даже нѣсколько елей, выросшихъ вопреки правилу у подножія южнаго склона хребта. Нашъ предшественникъ по квартирѣ, очевидно, стоялъ здѣсь очень долго, такъ какъ обставился съ нѣкоторымъ комфортомъ: въ береговомъ обрывѣ были очень тщательно устроены 2 печи съ трубами изъ пластовъ дерна и приспособленіями для установки кострюль или котловъ, а на берегу мы нашли валявшіеся... городки съ необходимымъ числомъ палокъ. Конечно, мы не преминули ими воспользоваться въ ожиданіи чая, такъ какъ ужъ черезчуръ забавной показалась

намъ наша находка, и мы охотно сыграли партію другую въ эту чисто русскую игру среди такой неподходящей обстановки, какъ уединенная, безлюдная и почти никѣмъ еще непосѣщенная долина въ глубинѣ Тянь-Шаня. (См. рис. 8.).

Характеръ долины р. Каинды около мѣста этой нашей стоянки виденъ на прилагаемыхъ снимкахъ. Дно долины уже, чѣмъ долины Иныльчека, горы и справа, и слѣва болѣе пологи, а на правомъ берегу есть, хотя и небольшія, но все-таки мѣстами довольно ясно выраженные террасы. Растительность на этихъ террасахъ весьма жалкая, такъ что почва только издали кажется заросшею, вблизи же оказывается, что растенія стоятъ крайне рѣдко, на большомъ растояніи одно отъ другого, не образуя никакого подобія дерновины. Составъ флоры носить еще болѣе выраженный степной характеръ, чѣмъ на Иныльчекѣ, такъ какъ мною здѣсь отмѣчены слѣдующія растенія: *Stipa pennata*, *St. capillata*, *Festuca ovina*, *Allium* sp. (очень много), *Statice speciosa*, *Artemisia maritima*, *Eurotia ceratoides*, *Myosotis* sp. и все это безъ всякой примѣси горныхъ травъ.

Лѣвый склонъ долины занятъ еловымъ лѣсомъ приблизительно такого же типа, какъ и на Иныльчекѣ. Кустарниковъ довольно много и на правомъ берегу долины, но по составу кустарная флора мало разнообразна: жимолость, ива и немного барбариса. Кое-гдѣ въ ложкахъ замѣтны слѣды зимовыхъ стойбищъ въ видѣ скопленія навоза, а иногда и небольшихъ каменныхъ оградъ. Такія стойбища замѣтны издали по пятнамъ высокой и густой зелени, которыя впрочемъ состоятъ изъ одной лебеды.

Составъ растительности свидѣтельствуетъ о еще болѣе тепломъ и сухомъ климатѣ, чѣмъ въ долинѣ Иныльчека, и, дѣйствительно, по словамъ живущихъ здѣсь киргизъ, которые во время нашей дневки, 3-го августа, въ полномъ составѣ посѣтили нашъ лагерь, дождей лѣтомъ бываетъ мало, погода стоитъ большею частью совсѣмъ теплая, и даже зимою не бываетъ холодно, и снѣгъ выпадаетъ въ самомъ незначительномъ количествѣ и много разъ за зиму стаетъ.

Вечеромъ 2-го августа въ 9 ч. 45 м. температура воздуха была 13° и было совсѣмъ тепло, несмотря на порядочный вѣтеръ, дувшій сверху внизъ по долинѣ.

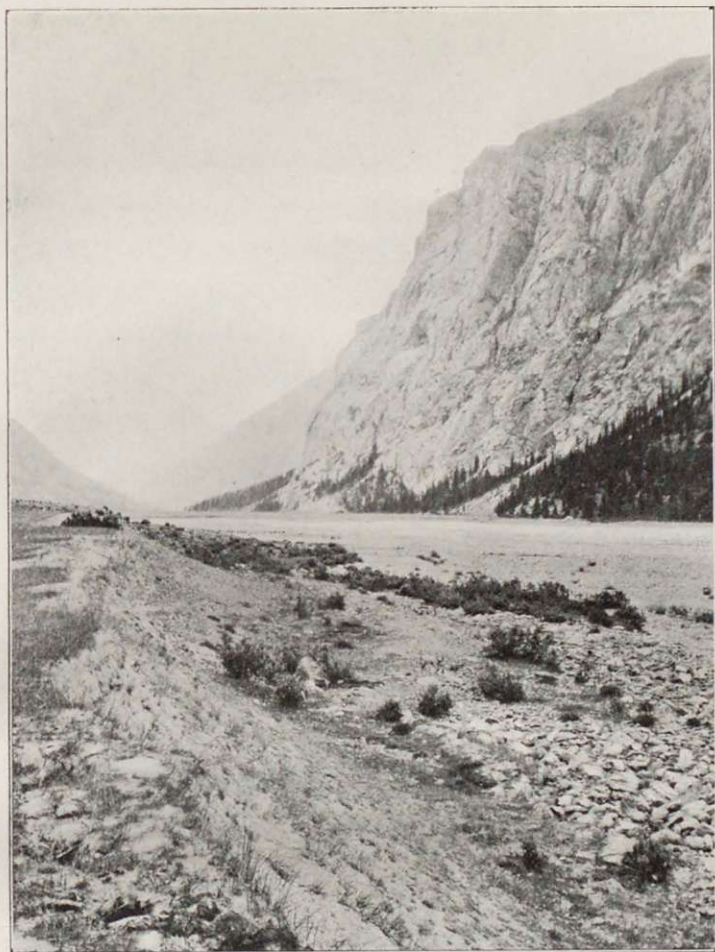

Рис. 7. Долина р. Каинды

Рис. 8. Долина р. Каинды

На слѣдующій день до двухъ часовъ было настолько тепло и даже жарко, что ходить пришлось въ одной лѣтней рубашкѣ, и только во второй половинѣ дня погода испортилась, выпадалъ нѣсколько разъ дождь и градъ и температура сильно понизилась, такъ что въ 9 час. вечера была всего 8°. Впрочемъ, уже на утро погода опять установилась и стояла прекрасная все время нашего пребыванія здѣсь.

Самая рѣка Каинды по размѣрамъ приблизительно равна Иныльчеку, но въ бродъ переходима далеко не вездѣ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ теченіе ея сжато въ узкихъ каменныхъ берегахъ, а русло загромождено крупными камнями. На Иныльчекѣ такихъ мѣстъ, гдѣ бы онъ бѣжалъ въ скалистомъ ложѣ, нѣтъ вовсе, въ Каиндахъ же, особенно въ среднемъ ихъ теченіи, такихъ мѣстъ довольно много. При этомъ русло рѣки въ средней ея части, тѣснимое горами, дѣлаетъ многочисленные крутые изгибы, и иногда на нѣкоторомъ разстояніи и мѣетъ направленіе даже прямо съ сѣвера на югъ, т. е. почти перпендикулярное общему направленію рѣки.

Во время дневки ботаническая партія совершила экскурсію на ледникъ въ верховьяхъ рѣки, я же экскурсировалъ въ окрестностяхъ лагеря. Ничего интереснаго эта экскурсія не дала, такъ какъ фауна на правомъ берегу рѣки оказалась вполнѣ соотвѣтствующей флорѣ, и я нашелъ здѣсь только горныхъ воронъ (*Pyrrhocorax graculus*), кекликовъ (*Caccabis chukar*), голубей (*Columba rupestris*), очень много горихвостокъ (*Ruticilla ochruros*), какую-то желтую трясогузку, до парочку *Acanthis* sp. Между прочимъ, на всемъ нашемъ пути, начиная отъ Каркары, мы не встрѣтили ни одного представителя класса пресмыкающихся; я рассчитывалъ найти ихъ хоть здѣсь въ виду теплаго климата мѣстности, но мнѣ это не удалось, и, по словамъ киргизъ, ни на Иныльчекѣ, ни здѣсь совершенно нѣтъ ни змѣй, ни ящерицъ.

4-го августа намъ предстояло сдѣлать небольшой переходъ внизъ по долинѣ, къ подножію перевала Карабель, гдѣ мы должны были подождать ботаническую партію, чтобы затѣмъ совмѣстно попытаться пробраться на Кую-Капъ.

Переходъ этотъ караванъ нашъ сдѣлалъ кратчайшимъ путемъ, идя по дорогѣ то правымъ, то лѣвымъ берегомъ, я же съ препараторомъ перѣхалъ черезъ рѣчку и сдѣлалъ путь лѣсомъ, пока послѣдній не кон-

чился. Тянулся же онъ приблизительно верстъ на 8 книзу отъ мѣста нашей стоянки, т. е. верстъ на 15 ниже верховьевъ рѣки. Прослѣдить его начало вверхъ по долинѣ не удалось, но думаю, что онъ идетъ не особенно далеко, такъ какъ верхняя его граница по склону лежитъ на высотѣ около 2900 метровъ. Вѣроятно, немногимъ выше онъ поднимается и по направленію вверхъ по долинѣ, и гдѣ-нибудь на высотѣ около 3000 метровъ полоса ели должна сходить на нѣтъ, тѣмъ болѣе, что это приблизительно—верхній предѣлъ елового лѣса въ Семирѣчьи.

Съ того мѣста, гдѣ кончается лѣсъ, начинаются мягкіе, совершенно степного характера по своей флорѣ увалы со свѣтлыми лессовидными почвами, по своему рельефу въ значительной части удобные для обработки. Такіе увалы тянутся по обѣ стороны рѣки (причемъ справа они начинаются раньше, чѣмъ слѣва) и расположены между русломъ послѣдней и настоящими каменистыми горами, въ которыя они, постепенно повышаясь, мало по малу и переходятъ. Мѣстами встрѣчаются болѣе или менѣе значительныя, ровныя пространства, имѣющія видъ плато и террасъ, вообще же говоря, бока долины представляютъ непрерывный уклонъ отъ оси хребтовъ къ оси долины. Спускъ къ рѣкѣ мѣстами довольно пологій, мѣстами же крайне крутъ и даже представляетъ отвѣсныя стѣны, особенно въ районѣ нашей стоянки у Карабель-Су. При этомъ въ главную долину спускаются безчисленные лога, овраги и щели, соотвѣтственно чему берега ея во многихъ мѣстахъ представляютъ изъ себя самой причудливой и фантастической формы, перпендикулярныя къ оси долины и параллельныя между собою гряды, съ острыми, иногда зубчатыми, гребнями, башенками и многочисленными коническими вершинками. Часто эти гряды размыты до того сильно что образуется сообщеніе между раздѣляющими ихъ ущельями въ верхней части послѣднихъ, и въ такихъ случаяхъ гряды превращаются въ изолированно стоящія отдѣльности, отрѣзанныя глубокими поперечными промоинами отъ сзади ихъ возвышающихся горъ, и представляющія какъ бы систему миниатюрныхъ хребтиковъ параллельныхъ между собою и перпендикулярныхъ къ оси долины. Въ крутыхъ стѣнахъ этихъ хребтиковъ да и вообще нижнихъ частей склоновъ долины часто попадаются углубленія, доходящія до размѣровъ довольно значительныхъ пещеръ, а кое-гдѣ описанныя гряды проточены насквозь, такъ что обра-

зуются ворота, соединяющія два сосѣднихъ оврага или ущельица. Причудливость формъ на берегахъ долины, впрочемъ, особенно хорошо выражена только на южныхъ ея склонахъ и особенно—около устья Карабель-Су, и объясняется тѣмъ, что склоны эти состоятъ изъ конгломератовъ, представляющихъ изъ себя сцементированные валуны и гальку, причемъ преобладающею составною частью являются не камни, а связующее вещество, очень легко поддающееся размывающему дѣйствию воды. Эти конгломераты въ средней и нижней части долины Каиндовъ составляютъ основу горъ до значительной высоты, и по дорогѣ къ Кую-Капу мы находили ихъ на вершинѣ перевала. Сверху они покрыты довольно толстымъ слоемъ свѣтлыхъ почвъ.

Къ сказанному выше о степномъ характерѣ растительности долины слѣдуетъ добавить, что въ районѣ нашей стоянки на правыхъ, т. е. освѣщенныхъ солнцемъ склонахъ попадаютъ даже настоящія солонцеватая пространства, поросшія какой-то очень мелкой *Statice*, 3—4 видами солянокъ и какимъ-то растеньицемъ съ розовыми цвѣточками, напоминающимъ *Halolachne*, но отличающимся очень мелкими размѣрами. Назвать это растеніе въ то время не могли ни В. В. Сапожниковъ, ни Б. К. Шишкинъ.

По дорогѣ съ верхней стоянки на нижнюю, когда мы проѣхали лѣвымъ берегомъ рѣки, съ цѣлью познакомиться съ лѣсными зарослями я, между прочимъ, отмѣтилъ составъ растительности, покрывавшей склоны у верхней границы лѣса; основу покрова составляютъ *Festuca ovina* съ *Artemisia maritima*, а къ этой основѣ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ примѣшаны *Eurotia ceratoides*, *Campanula* sp., какая-то мелкая *Silene*, *Statice speciosa*, *Oxytropis* sp., *Myosotis* sp., *Potentilla*, а изъ горныхъ видовъ только *Leontopodium*. Лѣсъ растетъ по склонамъ не сплошною полосой, а отдѣльными группами, мѣстами спускаясь до самаго дна долины мѣстами же начинаясь выше, причемъ верстахъ въ 4 ниже того мѣста долины, гдѣ онъ, вообще, кончается, еще попадаютъ отдѣльныя ели въ промоинахъ, между описанными выше конгломератовыми отдѣльностями, и небольшія группы ихъ кое-гдѣ по лѣвому склону, на значительной высотѣ отъ дна долины. По правымъ склонамъ долины въ ложкахъ и болѣе сырыхъ мѣстахъ, есть немного кустарныхъ зарослей изъ жимолости и бар-

бариса. Составъ лѣса такой же, какъ на Иныльчекѣ, но фауна уже здѣсь нѣсколько иная: добыты 2 *Poeile songara*, 2 *Leptopoeile sophiae*, 1 *Accentor*, и встрѣчены, кромѣ того, коньки (*Anthus arboreus*), красноносыя вороны (*Pyrrhocorax graculus*), пѣночки и горихвостки (*Ruticilla ochrurus*), которыхъ вообще по всей этой долинѣ масса, такъ что онѣ составляютъ чуть ли не основной фонъ здѣшняго птичьяго населенія. Наконецъ, изъ млекопитающихъ я встрѣтилъ здѣсь, кромѣ обыкновеннаго мелкаго туркестанскаго зайца (*Lepus tolai*), одного крупнаго, котораго я принялъ за бѣляка. Однако по свѣдѣнiямъ, полученнымъ мною отъ моего киргиза-препаратора и отъ другого служащаго экспедиціи—профессіональнаго охотника—бѣляка въ Пржевальскомъ уѣздѣ безусловно нѣтъ, а есть какой-то крупный заяцъ, остающійся сѣрымъ и на зиму. Вѣроятно, этого именно зайца я и встрѣтилъ здѣсь, а также впослѣдствіи на р. Тезѣ, о чемъ будетъ упомянуто ниже.

Внѣ лѣса попадаютъ въ большемъ количествѣ горныя курочки (*Cas-cabis chukar*), отличающіяся здѣсь весьма свѣтлою окраскою и встрѣчающія весьма благоприятныя условія для жизни на склонахъ здѣшнихъ конгломератовыхъ горъ. Есть трясогузки бѣлыя и желтыя, *Hypolais* sp., мелкія коноплянки и встрѣченъ единственный экземпляръ желчной овсянки (*Emberiza luteola*), для которыхъ обстановка здѣсь совершенно неподходящая; зато страннымъ образомъ отсутствуютъ чекканы, которымъ обиліе сильно изрѣзанныхъ конгломератовыхъ горъ и масса разбросанныхъ мѣстами валуновъ и гальки, казалось бы, должны были создать весьма подходящія условія для жизни.

Какъ мнѣ и говорили киргизы, я не нашелъ здѣсь ни одной ящерицы, и ни одной змѣи, не видѣлъ также и лягушекъ, но около ручейка на нижней стоянкѣ поймалъ двухъ жабенятъ, пока еще остающихся неопредѣленными. Въ разставленные капканчики попались два вида грызуновъ изъ родовъ *Microtus* и *Cricetulus*. Грызуны эти присосѣдились къ мѣшкамъ овса, сложеннымъ киргизами въ одной изъ пещеръ, и усердно уничтожали и безъ того скудные, со страшнымъ трудомъ доставленные сюда запасы, заготовленные, вѣроятно, на какіе-нибудь экстренные случаи. Впрочемъ, при нормальныхъ условіяхъ здѣшнимъ киргизамъ, конечно, не приходится думать объ овсѣ для лошадей, такъ какъ, благодаря теплomu климату, почти полному отсутствію снѣга зимою и земельному простору, скотъ и

лошади немногочисленного здѣсь населенія находятся въ исключительно хорошемъ состояніи, которое свидѣтельствуетъ о наличности здѣсь исключительно благопріятныхъ условій для дикаго скотоводства. Помимо использованія пространствъ въ районѣ р.р. Каиндовъ и Учъ-Чата, здѣшніе киргизы на три зимнихъ мѣсяца пробираются къ югу, въ долину Кую-Капа, заключающую прекрасныя пастбища и лишь крайне трудно доступную, да и то только въ періодъ особенно низкаго уровня воды въ рѣчкахъ.

Великолѣпное состояніе здѣшнихъ киргизскихъ лошадей невольно обращаетъ на себя вниманіе каждаго, такъ какъ въ табунѣ трудно найти лошадь, которая не была бы сытой, какъ только можно этого желать. Скорѣе здѣсь приходится считаться съ противоположною крайностью: всѣ лошади черезчуръ раскормлены, такъ что сильно задыхаются на подъемахъ. Зато умѣнье ходить по горамъ, справляться съ горными рѣками у здѣшнихъ лошадей, родившихся и всю жизнь проводившихъ исключительно въ настоящей горной обстановкѣ на значительныхъ высотахъ, прямо изумительно и бросается въ глаза даже тому, кто вполнѣ привыкъ къ ѣздѣ по горамъ на киргизскихъ лошадяхъ. Увѣренность и смѣлость, съ какою здѣшнія лошади идутъ по самымъ невозможнымъ тропинкамъ и спускаются не замедляя шага съ невѣроятно крутыхъ спусковъ, а также не задумываясь входятъ въ стремительно мчащіяся по камнямъ рѣки, замѣтно выдѣляютъ ихъ даже среди вообще прекрасныхъ каракиргизскихъ горныхъ лошадей.

Здѣшніе киргизы, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, живутъ хотя и кочевой жизнью, но районъ кочевокъ ихъ сравнительно не особенно великъ, такъ какъ ограничивается долинами рѣкъ Каинды, Учъ-Чата, Кумара и Кую-Капа и доступными частями горныхъ хребтовъ между этими долинами. Въ виду отдаленности городовъ и крайней трудности пути, въ Пржевальскъ ѣздятъ раза три въ годъ за предметами первой необходимости.

Всѣ живущіе здѣсь киргизы принадлежатъ къ числу весьма состоятельныхъ, но даже на зиму не устраиваютъ себѣ постоянныхъ болѣе или менѣе удобныхъ помѣщеній, а круглый годъ проводятъ въ юртахъ. Въ довольно обычныхъ здѣсь пещерахъ они зимою прячутъ барановъ, но возможно, что живутъ иногда и сами.

По крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ пещеръ сильно закопченъ входъ и потолокъ и видно, что тамъ неоднократно разводился огонь. Нѣкоторыя изъ пещеръ достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ, такъ что могутъ вмѣстить сотни барановъ, причемъ иногда бываютъ расположены высоко надъ уровнемъ долины и соединены съ дномъ послѣдней узенькою, круто лѣпящеюся чуть не по отвѣсной стѣнѣ тропинкою, такъ что съ точки зрѣнія живописности и малой доступности не оставляютъ ничего желать. Около одной изъ пещеръ я нашелъ спрятанные въ трещинѣ стѣны бараньи рога и парочку лошадиныхъ копытъ, связанныхъ веревочкою. Сначала я подумалъ, что эти, повидимому, никому не нужныя вещи были засунуты туда ребятишками, но оказалось, что это не такъ, и что онѣ были нарочно спрятаны хозяиномъ стада барановъ. По объясненію мѣстныхъ киргизъ, рога принадлежали особенно хорошему производителю стада, а когда такой производитель состарится и будетъ съѣденъ, то рога его тщательно сохраняются, какъ память и какъ средство, способствующее успѣшному и благополучному дальнѣйшему веденію стада. Конскія же копыта, какъ оказывается, употребляются зимою пастухами для хожденія по горамъ: они подвязываются къ подошвамъ лаптей и будто-бы благодаря своимъ острымъ краямъ облегчаютъ ходьбу по скользкимъ обледенѣвшимъ склонамъ.

6-го августа мы рѣшили сдѣлать попытку пробраться въ долину послѣдней нашей рѣки, за которой уже возвышается хребетъ, составляющій границу съ Китаемъ. Рѣка эта носитъ названіе Кую Капъ, течетъ приблизительно параллельно Иныльчеку и Каиндамъ и тоже впадаетъ въ Сарджасъ. Впрочемъ, по словамъ киргизъ, правильнѣе считать, что Сарджасъ впадаетъ въ Кую-Капъ, такъ какъ послѣдній, будто бы, значительно больше перваго. Рѣка эта до сихъ поръ посѣщена только Мерцбахеромъ, и притомъ зимою, такъ что о природѣ ея лѣтомъ ничего неизвѣстно, такъ какъ по этому поводу ничего не могутъ сообщить и киргизы, посѣщающіе долину этой рѣки только въ зимнее время. Такъ какъ мнѣ не удалось добраться до этой таинственной рѣки, то я сообщу о ней то, что удалось узнать отъ бывавшихъ тамъ киргизъ, а къ числу послѣднихъ принадлежитъ и нашъ проводникъ Кудакельды, посѣтившій Кую-Капъ съ Мерцбахеромъ. Причина, дѣлающая Кую-Капъ почти недоступнымъ, заклю-

чается въ томъ, что онъ во многихъ мѣстахъ течетъ въ совершенно отвѣсныхъ каньонахъ, по стѣнамъ которыхъ движеніе совершенно невозможно, воды же въ рѣкѣ, начиная съ ранней весны и до поздней осени, такъ много, что такъ же невозможно и движеніе по руслу рѣки подъ стѣною каньона.

И только начиная съ осени вода убываетъ настолько, что можно идти по дну вдоль по рѣкѣ, тѣсняясь подъ самымъ берегомъ и переходя такимъ образомъ отъ одного расширенія долины къ другому. Такихъ расширеній долина дѣлаетъ цѣлый рядъ, и всѣ они отдѣлены другъ отъ друга непроходимыми большую часть года каньонами. По словамъ Кудакельды, отъ устья Кызыль-Капчигая, по которому идутъ на Кую-Капъ киргизы съ Каиндовъ, до верховьевъ рѣки приходится 17 разъ идти по водѣ подъ стѣною. Перейти рѣку нельзя будто бы нигдѣ, даже въ зимнее время. Между тѣмъ, расширенія долины представляютъ изъ себя великолѣпныя пастбища, такъ что киргизы стремятся использовать ихъ въ тотъ короткий промежутокъ времени, когда они бываютъ доступны. При этомъ каждое посѣщеніе Кую-Капа неизбежно сопряжено съ рискомъ застрять тамъ на цѣлый годъ, если почему-либо случится запоздать и не успѣть уйти весною до поднятія уровня воды въ рѣкѣ. Говорятъ, будто такіе случаи уже бывали, и отдѣльные киргизы оставались запертыми на Кую-Капѣ. По словамъ киргизъ, тамъ климатъ еще мягче, чѣмъ на Каиндахъ, и снѣгъ явленіе крайне рѣдкое. Условія для роста растений крайне благоприятны и, на примѣръ, стволы туюе-куйрюка (*Caragana jubata*) будто бы достигаютъ здѣсь длины до 7 аршинъ. Я позволяю себѣ такъ долго останавливаться на данныхъ, полученныхъ разспроснымъ путемъ, такъ какъ неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что въ тѣхъ случаяхъ, когда киргизы сообщаютъ свѣдѣнія относительно природныхъ условій мѣстности и при этомъ не являются заинтересованными въ искаженіи истины, они обыкновенно сообщаютъ свѣдѣнія вполне точныя.

Кромѣ того, все сообщенное мѣстными киргизами подтвердиль и Кудакельды, а его я считаю заслуживающимъ полного довѣрія.

Въ виду рассказовъ киргизъ о томъ, что ведущая на Кую-Капъ дорога крайне тяжела, мы рѣшили дать нашимъ лошадямъ отдохнуть, а для поѣздки воспользоваться свѣжими мѣстными лошадьми, достоинства которыхъ мы какъ разъ въ эту поѣздку и успѣли оцѣнить вполне. Боль-

шую часть каравана мы оставили въ Каиндахъ, а съ собою взяли лишь самое необходимое число людей и вьюковъ и въ 9 часовъ утра легкимъ отрядомъ тронулись въ путь. Я здѣсь нарочно привожу точное время, такъ какъ по первоначальнымъ разсказамъ киргизъ оказывалось, что отъ Каиндовъ до Кую-Капа съ трудомъ можно добраться въ двое сутокъ, въ дѣйствительности же путь этотъ безъ труда и не торопясь можно сдѣлать часовъ въ десять. Правда, дорога мѣстами дѣйствительно оказалась настолько тяжелой, что даже идеальныя мѣстныя лошади кое-гдѣ на подъемахъ совершенно не могли везти всадника и приходилось спѣшиваться, мѣстами же совершенно отсутствовала тропинка, такъ что двигаться приходилось безъ малѣйшей тропинки прямо по заваленному камнями руслу рѣки, но и при этихъ условіяхъ и медленномъ движеніи, съ остановками для собиранія растений и стрѣльбы птицъ указаннаго срока достаточно для того, чтобы добраться до Кую-Капа. И если я до него не добрался, то только потому, что при впаденіи Кызыль-Капчигая въ Кую-Капъ, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ можно добраться по послѣдняго, по словамъ киргизъ, нѣтъ не только корма для лошадей, но даже и мѣста для установки палатки, такъ какъ узкое, заваленное камнями и съ отвѣсными стѣнами ущелье Кызыль-Капчигая упирается здѣсь прямо въ такое же ущелье Кую-Капа, по которому въ августѣ еще нельзя двинуться ни вправо, ни влѣво. Для того же, чтобы успѣть вернуться обратно къ тому мѣсту, гдѣ удобно можно расположиться лагеремъ, и гдѣ мы дѣйствительно разбили свои палатки, надо уже гораздо больше времени—не мене 14—15 часовъ, такъ что выѣзжать съ Каиндовъ слѣдуетъ не въ девять, а, по крайней мѣрѣ, въ пять часовъ утра. Крайне досадно было поворачивать обратно, не дойдя какихъ-нибудь четырехъ-пяти верстъ до Кую-Капа, но я видѣлъ, что если я рискну дойти до конца, то мнѣ обратный путь придется дѣлать какъ разъ по самымъ труднымъ мѣстамъ ночью, что могло оказаться уже даже опаснымъ. А такъ какъ на Кую-капѣ мнѣ предстояло только полюбоваться его каньономъ и не было надежды познакомиться съ флорою и фауною долины и даже—съ общимъ ея видомъ, то я рѣшилъ, что такой результатъ не стоитъ того, чтобы рисковать сломать себѣ голову или хотя бы ногу лошади. При этомъ у меня не было съ собою ни теплаго платья, ни провизіи, ни палатки, такъ какъ киргизы увѣряли меня, что до Кую-Капа все равно не добраться, и

я ушелъ одинъ впередъ отъ лагеря, въ расчетѣ вернуться къ вечеру обратно и потому не взялъ съ собою рѣшительно ничего, кромѣ ружья и аппарата. А при такихъ условіяхъ я уже совершенно не могъ рискнуть переночевать гдѣ-нибудь внѣ лагеря и во что бы то ни стало долженъ былъ вернуться на нашу стоянку.

Возвращаюсь къ описанію самой поѣздки. Путь нашъ лежитъ вдоль ручья Карабель-Су, возлѣ устья котораго расположенъ нашъ лагерь на Каиндахъ. Дорога довольно долго (около $1\frac{1}{2}$ часа, т. е. 6—7 верстъ) идетъ мягкими увалами, покрытыми сперва степною, а выше настоящею сыртовою растительностью, совершенно сходною съ тою, какую мы видѣли на сыртахъ по Сарджасу. Конечно такъ же, какъ и тамъ, попадаютъ сырые мѣста. При этомъ по мѣрѣ повышенія мѣстности, сыртовая растительность появляется сперва на сѣверныхъ склонахъ уваловъ, потомъ на западныхъ, а затѣмъ уже занимаетъ сплошь всю мѣстность. Еще выше, уже недалеко до вершины перваго перевала (Карабель) сплошной растительный покровъ кончается и начинаются каменистыя мѣста и голыя горы. Вершины перевала мы достигли въ 10 ч. 45 м., и здѣсь насъ встрѣтилъ сильный холодный вѣтеръ, совершенно негармонировавшій съ теплою прекрасною погодою, стоявшею въ тотъ день уже чуть-чуть ниже вершины.

У вершины этого перваго перевала земля усѣяна окатанною галькою и валунами, а скалы состоятъ изъ такихъ же конгломератовъ, какъ и внизу долины. За этимъ переваломъ, слѣва отъ дороги виденъ интересный примѣръ размыванія и вывѣтриванія конгломератовъ: на круглой вершинѣ скалы лежитъ огромный слегка сплюснутый, круглый-же камень, касаясь скалы одной точкой, такъ что трудно понять, какъ онъ держится, и кажется, что онъ съ минуты на минуту долженъ сорваться внизъ просто отъ дѣйствія вѣтра.

Спускаемся мы внизъ въ теченіе $\frac{3}{4}$ часа и ѣдемъ попрежнему покрытыми травою склонами, но уже здѣсь больше каменистыхъ мѣстъ и выходовъ скалъ. Въ 11 ч. 30 м. мы подъѣзжаемъ къ мѣстности, называемой Учъ-Чатъ (Три щели), названной такъ потому, что здѣсь изъ двухъ сходящихся рѣчекъ образуется рѣка Учъ-Чатъ, впадающая въ Сарджасъ. Узкія ущелья всѣхъ трехъ рѣкъ, расходящіяся изъ одной точки въ разныя стороны, выражены здѣсь очень отчетливо и, притомъ, хорошо видны, когда къ нимъ подъѣзжаешь, такъ что приведенное на-

звание должно считаться однимъ изъ особенно удачныхъ, и какъ бы невольно само напрашивается на языкъ. Отсюда дорога поднимается сперва болѣе южною изъ упомянутыхъ сходящихся щелей, а затѣмъ идетъ по различнымъ мѣстамъ то мягкими, то каменистыми склонами, то русломъ какой-то рѣчушки, то осыпями, и, наконецъ, выходитъ на вершину второго перевала Кара-Арча,—до которой мы добрались въ 1 ч. 30 м. и которая расположена приблизительно на той же высотѣ, какъ и вершина перевала Карабель, т. е. около 3600 метровъ (1683 саж.). Отсюда уже видно ущелье Кую-Капа но до него еще достаточно далеко, и видно, что дорога дѣйствительно должна быть тяжелою: сперва идетъ страшно крутой спускъ, потомъ сильно каменистая мѣстность и, наконецъ, узкая каменистая щель Кызыль-Кыпчагая, гдѣ, по словамъ Кудакельды, ѣхать приходится прямо по заваленному крупными камнями руслу. Такъ какъ, кромѣ того, насколько было видно впередъ, нигдѣ не было корма для лошадей, въ ущельѣ же Кызыль-Капчагая, по словамъ Кудакельды, было еще хуже, то мы остановились на томъ, чтобы вернуться, нѣсколько назадъ и разбить лагерь на берегу р. Кара-Арча, въ послѣднемъ пунктѣ по нашему пути, гдѣ былъ хорошій кормъ. Сдѣлавъ фотографическіе снимки вида съ перевала Кара-Арча на горы въ районѣ Кую Капа, мы отправили караванъ на выбранную стоянку, а сами прошли пѣшкомъ до слѣдующаго очень близко расположеннаго перевала Чичаръ, откуда В. В. Сапожниковъ и Б. К. Шишкинъ вернулись въ лагерь, я же съ Кудакельды, своимъ препараторомъ, Садырбекомъ, и джигитомъ, рѣшилъ попытаться пройти впередъ, насколько успѣю до 5-ти часовъ вечера, чтобы во время возвратиться на стоянку.

Съ вершины перевала Чичаръ сразу начинается тотъ невѣроятно крутой спускъ, о которомъ я имѣлъ случай упомянуть выше, и по которому на обратномъ пути вынужденъ былъ идти пѣшкомъ даже профессиональный горный проводникъ Кудакельды. Спускъ настолько крутъ, что когда поднимаешься пѣшкомъ по дорогѣ, то иногда невольно приходится прибѣгать къ помощи рукъ и хвататься за камни или кусты, а иногда и прямо за землю. Такой тяжелой по своей крутизнѣ дороги я больше нигдѣ не видѣлъ. Много есть въ Семирѣччѣ дорогъ гораздо болѣе трудныхъ благодаря тому, что онѣ идутъ по мѣстамъ, заваленнымъ камнями, или по болотамъ; бываютъ, наконецъ, нерѣдко на дорогахъ мѣста по той или

другой причинѣ прямо-таки опасная, но чтобы дорога почти прямо безъ изгибовъ шла по такому крутому склону, какъ на Чичарѣ, мнѣ здѣсь видѣть не приходилось.

Передъ выходомъ въ долину Кызыль-Кыпчагай дорога пересѣкаетъ глубокія сухія русла съ нагроможденными на днѣ ихъ и вдоль ихъ береговъ горами огромныхъ камней, черезъ которыя лошади перебираются съ трудомъ. Одно изъ этихъ сухихъ руселъ настолько глубоко и имѣетъ такія отвѣсныя стѣны, что черезъ него во многихъ мѣстахъ невозможно перебраться даже пѣшкомъ. Въ нижней части передъ соединеніемъ съ Кызыль-Кыпчагаемъ, русла эти расширяются и берега ихъ дѣлаются пологими, сходя почти на нѣтъ. Спускаются эти русла изъ широкаго ущелья на томъ хребтѣ, черезъ который мы переходили переваломъ Чичаръ, но такъ какъ съ нами не было никого изъ мѣстныхъ киргизъ, то я не могъ выяснитъ, являются ли эти глубокія промойны и грандіозныя гряды камней результатомъ болѣе или менѣе нормальной дѣятельности весеннихъ водъ, или же это—слѣды какого-нибудь случайнаго, исключительнаго по своей силѣ ливня, или-же, наконецъ, эти камни когда-нибудь въ давнія времена нагромождены бѣжавшими здѣсь, а теперь давно высохшими потоками. Перейдя эти русла и нагроможденія камней, мы вступили въ щель р. Кызыль-Кыпчагай, образовавшейся отъ селенія Кара-Арчи съ Чичаромъ. Кызыль-Кыпчагай значитъ «Красный Каньонъ», и называется рѣка такъ потому, что она на всемъ своемъ протяженіи течетъ въ крайне узкомъ ущельѣ съ почти отвѣсными стѣнами, образованными частью сланцами, преимущественно же мраморами и мраморовидными известняками красноватыхъ тоновъ, и возвышающимися надъ ложемъ рѣки приблизительно на тысячу метровъ. Кое-гдѣ на общемъ фонѣ красноватыхъ скалъ выступаютъ болѣе свѣтлыя и даже чисто бѣлыя.

По ущелью Кызыль-Кыпчагай, сплошь заваленному разной величины валунами, дороги нѣтъ уже никакой, и не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ того, что здѣсь когда-либо бывали люди, что впрочемъ и не удивительно, такъ какъ люди здѣсь проходили въ послѣдній разъ въ концѣ зимы, а послѣ того въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ по дну ущелья во всю его ширину мчался бѣшенный горный потокъ, перекатывая огромные камни и, конечно, все считая на своемъ пути, что могло оставаться отъ пребыванія здѣсь людей.

При такихъ условіяхъ трудно даже сказать, какимъ способомъ здѣсь удобнѣе передвигаться—верхомъ или пѣшкомъ. Въ виду отсутствія тропинки и загроможденности ущелья камнями, лошадь здѣсь можетъ пробираться лишь съ большимъ трудомъ и крайне медленно, такъ что пѣшкомъ, пожалуй, можно выиграть въ быстротѣ; но зато тутъ является то неудобство, что поминутно приходится перебираться съ одного берега рѣки на другой, такъ какъ подходящія то справа, то слѣва отвѣсныя стѣны не позволяютъ двигаться по какому-нибудь одному берегу. Въ результатѣ быстроту передвиженія по каньону Кызыль-Кыпчагая можно опредѣлить не больше какъ въ 2 версты въ часъ, и благодаря этому мнѣ такъ и не удалось добраться до Кую-Капа и я удостоился только увидѣть издали заднюю стѣну его каньона, чѣмъ мнѣ и пришлось удовольствоваться. Сдѣланный мною снимокъ ущелья, какъ я и предполагалъ тогда же (судя по отмѣткѣ въ дневникѣ), не передаетъ того, что нужно, такъ какъ благодаря безчисленнымъ поворотамъ ущелья высокія стѣны его совершенно сливаются на заднемъ фонѣ и получается впечатлѣніе какого-то каменнаго хаоса. (См. рис. 9).

На днѣ ущелья среди камней кое-гдѣ попадаются немногочисленныя растенія, а въ расширеніяхъ щели, гдѣ иногда подъ стѣнами сохранявшіяся участки почвы, растутъ рѣдкіе кустики *Myricaria daurica*, ивы и даже небольшія ивовыя деревца.

На спускѣ съ Чичара въ довольно большомъ количествѣ разбросаны кустарники, иногда образующіе довольно густыя заросли. Составъ этихъ зарослей сравнительно разнообразенъ, такъ какъ я здѣсь отмѣтилъ растенія: барбарисъ (*Berberis kaschgarica*), тую-куйрюкъ (*Caragana jubata*), другой видъ акаціи (*Caragana frutescens*), шиповникъ (*Rosa* sp.), жимолость, можжевельникъ (*Juniperus sabina*), кызылча (*Ephedra* sp.) въ очень крупныхъ экземплярахъ и, наконецъ, терескенъ (*Eurotia ceratoides*), достигающій здѣсь такихъ размѣровъ, что можетъ быть названъ настоящимъ кустарникомъ, а не полукустарникомъ, каковымъ онъ бываетъ обыкновенно на пескахъ. Тутъ-же въ изобиліи растутъ роскошныя экземпляры чіа (*Lasiagrostis splendens*). На спускѣ съ перевала Кара-Арча къ Чичару растетъ довольно много колючихъ подушекъ полукустарника, называемаго киргизами «тюе-табанъ», что значитъ «верблюжья лапа» (*Acantholimon*

alatavicum), здѣсь впервые за всю экспедицію попавшагося нашимъ ботаникамъ, мною же найденнаго еще раньше на глиняныхъ холмахъ въ окрестностяхъ оз. Бурадо Босунъ.

Изъ млекопитающихъ, по словамъ киргизъ въ районѣ Кызыль-Кыпчагая очень много медвѣдей, есть горные козлы, сурки. Изъ птицъ мы встрѣтили, конечно, горихвостокъ (*Ruticilla ochruros*), парочку *Leptopescile sophiae*, парочку королевскихъ выюровъ (*Serinus pusillus*), прилетѣвшихъ сюда, вѣроятно, съ Кую-Капа, нѣсколько пѣночекъ, очень много широко распространенныхъ всюду въ области чечевицъ (*Carpodacus erythrinus*), горныхъ голубей (*Columba rupestris*), горныхъ воронъ (*Pyrrhocorax graculus* и *P. alpinus*), стрижа (*Cypselus apus*), орла (*Aquila* sp.), завирушку (*Accentor*), коноплянку (*Cannabina*), каменнаго дрозда (*Monticola saxatilis*).

Пройдя впередъ до 5-ти часовъ дня и не добравшись верстъ 4 до мѣста впаденія Кызыль-Кыпчагая въ Кую-Капъ, называемаго, по словамъ Кудакельды, Кую-Айза, я повернулъ обратно, и уже въ совершенной темнотѣ добрался до нашего лагеря, разбитаго на берегу р. Кара-Арча на высотѣ около 3000 метровъ надъ уровнемъ моря. Температура воздуха здѣсь въ 9 час. 30 мин. вечера была 11°.

На слѣдующій день, 7-го, мы тронулись въ обратный путь и около полудня были уже на Каиндахъ. По дорогѣ встрѣчали много уларовъ (*Tetraogallus himalayensis*), кекликовъ (*Caccabis chukar*) у самихъ Каиндовъ, (*Fringillauda altaica*), обѣихъ горныхъ воронъ, завирушекъ (*Accentor*), коньковъ (*Anthus*) и стайку большихъ чечевицъ (*Carpodacus rubicillus*). День почти жаркій, а ночь на 8-е совершенно теплая, лѣтняя (12°—13°), несмотря на высоту въ двѣ съ половиною версты надъ уровнемъ моря.

8 го августа около 10-ти часовъ утра мы тронулись въ дальнѣйшій путь внизъ по Каиндамъ. Начиная отъ мѣста нашей стоянки и до устья, рѣка идетъ однимъ русломъ, но до обѣда переправа въ бродъ сравнительно не такъ трудна, хотя, конечно, возможна лишь въ определенныхъ мѣстахъ. Послѣ же двухъ часовъ вода настолько прибываетъ, что переправа даже въ этихъ мѣстахъ становится рискованной, и во время доставки дровъ съ лѣваго берега у насъ подхватило и понесло одну лошадь, такъ что пришлось перерѣзать подпруги, чтобы облегчить лошади борьбу съ водой и потомъ отдѣльно вылавливать сѣдло съ выюкомъ.

Дорога вѣхъ переправъ вполнѣ хорошая и удобная, такъ какъ идетъ то мягкими пологими склонами, то по руслу подъ яромъ, то неширокими ровными берегами дна долины, иногда проходя небольшими березовыми рошицами, растущими въ долинѣ и появившимися здѣсь немного ниже мѣста нашей стоянки. Обширныхъ сплошныхъ зарослей береза въ Каиндахъ не образуетъ и вездѣ растетъ небольшими рошицами, которыхъ по мѣрѣ нашего движенія внизъ попадаетъ все больше, и которыя растутъ преимущественно на самомъ днѣ долины, по сосѣдству съ водою, не поднимаясь высоко на склоны, гдѣ на лѣвомъ берегу рѣки надъ березою возвышаются отдѣльныя группы елового лѣса. Въ березовыхъ рошицахъ изъ птицъ встрѣтилъ пѣночекъ (*Reguloides humii* и *Phylloscopus* sp.), чечевицъ (*Carpodacus erythrinus*), горихвостокъ (все тѣхъ-же *Ruticilla ochrurus*), сорокъ, черныхъ воронъ (*Torvus corone*), которыхъ мы ужъ много дней не видали, горныхъ синицъ (*Parus rufipectus*) и одну лазоревку (*Cyanistes tianschanicus*). На рѣкѣ попался чернышъ (*Totanus ochropus*) которыхъ мы тоже уже не видѣли нѣсколько дней, такъ какъ ни на Каиндахъ, ни на Иныльчекѣ никакихъ куликовъ не было. Около береговъ въ изобиліи попадались трясогузки, стайку которыхъ я наблюдалъ также вчера около нашего лагеря.

По пути къ впаденію Каиндовъ въ Сарджасъ намъ дважды пришлось пересѣчь первую изъ двухъ рѣкъ, причемъ второй бродъ оказался довольно глубокимъ, такъ что выюки слегка подмокли. Долина Каиндовъ болѣе или менѣе сохраняетъ свой характеръ до самаго низа и только передъ самымъ выходомъ къ Сарджасу значительно расширяется, образуя справа довольно большую площадку со свѣтлою, почти бѣлою лессовидною почвою и скудною степною флорою, а слѣва - болѣе высокія, довольно ровныя плато.

Почти противъ устья Каиндовъ, чуть-чуть ниже его видно устье одного изъ правыхъ притоковъ Сарджаса - Ирташа или Учъ-Куля. Здѣсь же, кстати, я упомяну объ одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ Сарджаса, о которомъ забылъ сказать въ свое время. Притокъ этотъ, о которомъ я слышалъ самые противорѣчивые рассказы въ Пржевальскѣ, и положеніе котораго никто не могъ опредѣлить, называется Кумаръ и въ дѣйствительности представляетъ изъ себя, по словамъ каиндинскихъ киргизъ, небольшую рѣчку, впадающую въ Сарджасъ между Каиндами и Учъ-Чатомъ.

Въ самыхъ низовьяхъ Каиндовъ, при соединеніи съ Сарджасомъ, степной характеръ мѣстности настолько сильно выраженъ, почвы становятся настолько свѣтлыми, мѣстами разбивающимся на дорогахъ въ тончайшую пыль, что несмотря на высокое положеніе надъ уровнемъ моря, возможность здѣсь богарной культуры кажется весьма сомнительной. При самомъ слияніи Каиндовъ съ Сарджасомъ я, въ дополненіе къ чію, терескену (*Eurotia ceratoides*) и полыни нашелъ даже кустъ *Nitraria Schoberi*.

Какъ на курьезъ, укажу на находку мною на Каиндахъ рядомъ стоящихъ *Artemisia maritima* съ *Driadantho bungeana*, т. е. типичнаго степняка съ типичнымъ же высокогорнымъ альпійцемъ. Правда, послѣдній въ этомъ мѣстѣ почему то спустился сравнительно низко, но все-таки такое сосѣдство является довольно необычнымъ.

Долина Сарджаса въ районѣ между устьями Каиндовъ и Иныльчека, на правомъ берегу рѣки представляетъ отчетливо выраженныя четыре ровныя террасы, по своему рельефу и почвеннымъ условіямъ вполне удобныя для обработки, такъ что здѣсь сомнѣніе вызываетъ тоже только вопросъ о возможности богары, такъ какъ врядъ ли могутъ существовать препятствія, со стороны климата, который, судя по всему, долженъ быть достаточно мягкимъ. Количество же атмосферныхъ осадковъ, судя по характеру растительнаго покрыва и почвы, здѣсь должно быть крайне невелико, а если принять во вниманіе, что высота надъ уровнемъ моря должна обусловливать еще усиленное испареніе, то возможность успѣшной культуры безъ орошенія и безъ примѣненія специальныхъ приѣмовъ съ цѣлью сохраненія влаги представляется весьма сомнительною. Искусственное же орошеніе врядъ ли возможно по условіямъ рельефа. Такимъ образомъ, долина Сарджаса въ этой своей части врядъ ли можетъ быть использована для земледѣлія, хотя и по совершенно другимъ причинамъ, чѣмъ тѣ, которыя имѣются на лицо въ районѣ Тюза и Адертера.

Лѣвый берегъ Сарджаса не имѣетъ выраженной долины и здѣсь высокія, обрывистыя стѣны подходятъ совсѣмъ близко къ рѣкѣ, оставляя только узкую полосу каменистаго берега, а иногда не оставляя и ея и подходя вплотную къ водѣ. Стѣны эти ближе къ Каиндамъ образованы, повидимому, изъ лесса, затѣмъ изъ крупныхъ плотныхъ слоистыхъ песковъ и, наконецъ, ближе къ Иныльчеку изъ конгломератовъ. Дальше отъ

411

рѣки и справа, и слѣва возвышаются огромныя горы, представляющія окончанія хребтовъ, прорѣзываемыхъ теченіемъ Сарджаса. Дорога по лѣвому берегу послѣдняго, которымъ лежитъ нашъ путь съ устья Каиндовъ въ низовья Иныльчека идетъ то крутымъ мягкимъ косогоромъ, то спускается къ рѣкѣ и идетъ по каменистому берегу изъ окатанныхъ рѣкою гальки и крупныхъ валуновъ, то опять поднимается кверху на рѣдкіе и небольшіе ку-сочки болѣе или менѣе ровныхъ террасъ, увѣнчивающихъ кое-гдѣ прибрежную кручу. Каменистая береговая полоса здѣсь не широка и образована разбросанными на мелкомъ синеватомъ пескѣ галькой и валунами самой различной величины и подчасъ необыкновенно причудливыхъ формъ, приданныхъ имъ дѣйствіемъ воды.

Среди камней пробивается кое-какая травянистая растительность и мѣстами въ изобиліи растутъ кустарники, среди которыхъ преобладаетъ облѣпиха (*Hippophaë rhamnoides*); кромѣ облѣпихи, есть разныя ивы и жимолость, и все это большею частью увито ломоносомъ (*Clematis* sp.).

Послѣ нѣкотораго времени ѣзды по описаннымъ выше мѣстамъ со провождавшіе насъ каиндинскіе киргизы остановились и спросили, какъ мы желаемъ проѣхать дальше: тѣмъ ли путемъ, какимъ ушелъ нашъ караванъ и уѣхали наши спутники (я значительно отсталъ съ В. А. и А. И. Безсоновыми и 4 служащими), т. е. поднявшись по крутой тропинкѣ на обходный путь по хребту, извѣстный подъ названіемъ Кой-Джолъ («Баранья тропа»), или же — пробраться по узкому карнизу, идущему на большой высотѣ по отвѣсной стѣнѣ надъ Сарджасомъ. При этомъ киргизы предупредили, что здѣсь есть небольшой кусокъ, гдѣ тропинка настолько узка, что проѣхать вовсе нельзя и приходится вести лошадей въ поводу. Само собою разумѣется, что насъ такая дорога только заинтересовала, и мы рѣшили ѣхать этимъ кратчайшимъ путемъ, въ чемъ намъ и не пришлось раскаяться, такъ какъ этотъ кусочекъ пути оказался безусловно самымъ интереснымъ изъ всего нашего маршрута этого года. Сперва дорога шла болѣе или менѣе обыкновеннымъ карнизомъ, достаточно широкимъ, ровнымъ и лишь висящимъ на значительной высотѣ надъ бурлящею внизу рѣкою, но затѣмъ карнизъ сталъ суживаться, и, наконецъ, мы подѣхали къ мѣсту, гдѣ по тропинкѣ съ трудомъ могла пройти осѣдланная лошадь, такъ какъ сѣдло уже задѣвало за возвышавшуюся справа

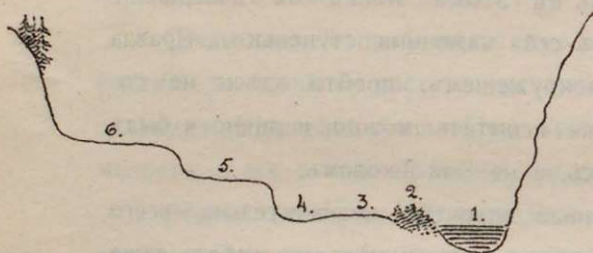
стѣну. Передъ этимъ мѣстомъ спѣшились не только мы, но и всѣ киргизы; проѣхать верхомъ здѣсь было невозможно, такъ какъ помѣшала-бы нога всадника, оперировать же въ такомъ мѣстѣ съ перекидываніемъ ноги на лѣвую сторону сѣдла не рискнулъ ни одинъ киргизъ. По разсказамъ послѣднихъ, проѣзжавшіе здѣсь военные топографы не только шли пѣшкомъ, но побоялись даже провести лошадей осѣдланными, а предварительно разсѣдлали и сѣдла тоже перенесли на рукахъ. Само собою разумѣется, что ѣхать здѣсь съвьючнымъ караваномъ не имѣетъ смысла и гораздо выгоднѣе сдѣлать огромный крюкъ по Кой-Джоду вмѣсто того, чтобы развьючивать всѣхъ лошадей, таскать вещи на рукахъ и снова выючить. Надо добавить, что карнизъ въ этомъ мѣстѣ въ довершеніе всего, не ровный, а представляетъ изъ себя каменные ступеньки. Правда для человѣка, не страдающаго головокруженіемъ, пройти здѣсь не составляетъ труда, но сильныя ощущенія испытать можно, и лично я былъ очень радъ, что поѣхалъ именно здѣсь, а не Кой-Джоломъ.

Длина самого узкаго мѣста карниза впрочемъ незначительна — всего 4—5 сажений, послѣ чего онъ опять расширяется и мѣстами имѣетъ даже барьерчикъ, такъ какъ тропинка здѣсь идетъ по мягкимъ, образованнымъ изъ мелкой гальки конгломератамъ, въ которыхъ она кое гдѣ прямо выдолблена. Благодаря тому, что стѣна здѣсь идетъ неровно и тропинка дѣлаетъ извилины, она, особенно въ мѣстахъ съ барьерчиками, очень красива и съ нея, въ свою очередь, открывается очень живописный видъ вдоль Сарджаса. Подъ самымъ узкимъ мѣстомъ карниза у берега рѣки расположены теплые ключи, которые во время нашего проѣзда были затоплены Сарджасомъ и бывають открыты только начиная съ осени, во время низкаго уровня воды въ послѣднемъ. По окончаніи карниза дорога не представляетъ ничего интереснаго и довольно скоро выходитъ на широкую равнину, къ мѣсту впаденія Иньльчека въ Сарджасъ. Впрочемъ, издали впечатлѣніе главной рѣки производитъ первая изъ этихъ рѣкъ благодаря тому, что она течетъ по широкой долинѣ, тогда какъ Сарджасъ въ этомъ мѣстѣ вырывается изъ страшно узкаго каньона. Широкая ровная долина въ мѣстѣ сліянія рѣкъ непосредственно переходитъ въ такую же ровную долину низовьевъ Иньльчека. Послѣдняя здѣсь выражена только на лѣвомъ берегу рѣки, справа же непосредственно надъ

водою или узкою галечною полосою возвышаются огромныя горы, круто падающія къ рѣкѣ.

Нижняя часть долины Иньльчека представляетъ изъ себя рядъ довольно хорошо выраженныхъ полосъ, возвышающихся одна надъ другою, тянущихся вдоль оси долины и отличающихся по характеру растительности и поверхности. Примѣрная схема расположенія этихъ полосъ въ планѣ такова:

**Тѣ-же полосы въ поперечномъ разрѣзѣ долины
представятся въ слѣдующемъ видѣ:**

1. Устье рѣки. ←
2. Талетникъ съ кустарн. зарослями.
3. Каменистая степь.
4. Чѣвая степь, а выше по рѣкѣ луга.
5. Вторая терраса.
6. Третья терраса.

Полоса вторая, представляющая изъ себя обычный берегъ горныхъ рѣкъ, состоящій изъ наносовъ гальки и мелкихъ валуновъ, въ значительной части покрыта кустарными зарослями изъ облѣпихи (*Hipporhamnoides*), барбариса (*Berberis kaschgarica*), жимолости (*Lonicera* sp.) и какой-то красной смородины съ горькими ягодами. Въ одномъ мѣстѣ изолированно растетъ группа неизвѣстно откуда взявшихся тополей, вѣроятно, впрочемъ, выросшихъ изъ сѣмянъ, занесенныхъ вѣтромъ съ праваго притока Сарджаса, Теректы, гдѣ, судя по названію («терекъ»-тополь), должны быть тополевыя заросли. Непосредственно къ берегу рѣки прилегаетъ полоса, (3) каменистой степи съ жалкою растительностью. Дальше на этой же террасѣ, у подножія слѣдующей тянется (4) полоса зарослей чѣя, которая выше по теченію замѣняются лугами. 5 и 6 полосы представляютъ переходы отъ степной къ горной флорѣ, причемъ иногда выше полосы 6, представляющей изъ себя третью террасу, бываетъ выражена еще четвертая и затѣмъ уже идутъ горы съ еловымъ лѣсомъ на склонахъ. Въ районѣ 5 полосы почва покрыта многочисленными крупными и мелкими ва-

лунами. Въ общемъ, для обработки годна только 4 полоса, и, можетъ быть, кое-гдѣ, гдѣ меньше камней, 5-я.—3-я, 6-я и, пожалуй, 2-я годны въ качествѣ неважнаго пастбища. Впрочемъ, мѣстами 4-я полоса значительно расширяется за счетъ 3-й, а во многихъ мѣстахъ 5-й и тоже становится вполне пригодною для культуры. Само собою разумѣется, что все это—при условіи возможности здѣсь богары, а поручиться за такую возможность на основаніи бѣлаго впечатлѣнія при проѣздѣ, конечно, врядъ ли было бы благоразумно. Однако, насколько мнѣ кажется, при рациональныхъ приемахъ обработки почвы дѣло могло бы пойти, такъ какъ въ долинѣ Иныльчека, видимо, осадковъ все-таки больше, чѣмъ на Каиндахъ. Здѣсь большое значеніе имѣетъ другое условіе—отрѣзанность долины отъ всего міра, благодаря которой, конечно, никто изъ переселенцевъ сюда не пойдетъ и за деньги.

Растительность степныхъ частей долины складывается изъ полыни (*Artemisia maritima*), тепискена (*Eurotia ceratoides*), чіа (*Lasiagrostis splendens*), типца (*Festuca ovina*) и небольшой примѣси другихъ растений. Уступъ между 4 и 5 полосами сложенъ изъ плотныхъ, какъ камень, синеватыхъ и желтоватыхъ глинъ, конгломератовъ, крупнозернистыхъ слоистыхъ песковъ и т. п. осадочныхъ породъ, а въ обнаженіяхъ слѣдующей террасы преобладаютъ крупные камни.

Въ долинѣ Иныльчека никакихъ новыхъ птицъ не найдено, кромѣ добытой на лугу въ травѣ *Hyrolais* и сѣрой славки (*Sylvia cinerea*). Очень обыкновенны здѣсь горихвостки (*Ruticilla ochruros*), держащіяся на каменистыхъ обрывахъ и на конусахъ устьевыхъ выносовъ потоковъ, и огромными стаями летаютъ желтоносыя вороны (*Pyrrhocorax alpinus*). Въ кустикахъ же по Сарджасу добытъ чисто степной сорокопутъ (*Lanius isabellinus*), присутствіе котораго здѣсь на значительной высотѣ еще разъ подчеркиваетъ степной характеръ мѣстности.

Погода цѣлый день стояла прямо-таки жаркая, а въ 9 часовъ вечера на стоянкѣ температура была 15°. Высота лагеря, разбитаго верстахъ въ 6 выше устья Иныльчека,—около 2500 метровъ надъ уровнемъ моря.

На слѣдующій день, 9-го августа, намъ предстояло сдѣлать лишь незначительный переходъ верстъ въ 10 до подножія перевала Тезъ, такъ

какъ послѣдній очень труденъ и длиненъ и потому на него надо начинать подъемъ съ утра и притомъ со свѣжими силами, потому что иначе и лошади могутъ не выдержать, и просто можно не успѣть дойти до удобной стоянки.

Воспользовавшись свободнымъ временемъ, я съ утра поохотился около нашего лагеря, а затѣмъ, послѣ перехода на новую стоянку у Теза, сдѣлалъ экскурсію вверхъ по долинѣ, съ цѣлью познакомиться со среднею ея частью, между воротами и Тезомъ. Мѣсто для лагеря здѣсь было выбрано выступившимъ раньше насъ еще съ утра В. В. Сапожниковымъ, который подыскалъ дѣйствительно прекрасное мѣстечко: веселую зеленую лужайку съ ключикомъ около группы елей, спустившихся съ горъ и пріютившихся здѣсь подъ высокою отвѣсною каменною стѣною.

На этихъ еляхъ держалась пара орѣховокъ (*Nucifraga caryocatactes* Rotschildi), которыя до сихъ поръ намъ нигдѣ не попадались. По пути съ нижней стоянки на эту добыто нѣсколько мелкихъ пчичекъ: *Sylvia minuscule*, пара *Lanius* sp. *Carpodacus erythrinus*, *Hypolais*, 3 *Bucanetes mongolicus*, *Pratincola maura*, *Motacilla* sp., а немного выше, по пути къ воротамъ, я встрѣтилъ нѣсколько альпійскихъ жаворонковъ (*Otocoris penicillata*). День сегодня опять ясный и жаркій: въ 9 час. вечера температура 11°, ночь же—прямо роскошная, такъ какъ на небѣ ни единого облачка, все освѣщено луною, особенно ярко здѣсь, благодаря чистотѣ и прозрачности горнаго воздуха. Высота стоянки надъ уровнемъ моря около 2600 метровъ.

Во время своей экскурсіи я не успѣлъ добраться до воротъ, такъ какъ оказалось, что они довольно далеко отъ насъ—верстахъ въ 20-ти, но все-таки я проникъ настолько вверхъ по долинѣ, что могъ составить достаточно ясное понятіе о ея характерѣ на всемъ протяженіи той ея части, которая до сихъ поръ мнѣ была незнакома. Непосредственно книзу послѣ воротъ, описанныхъ въ своемъ мѣстѣ, характеръ долины рѣзко мѣняется: она расширяется, и дно ея уже не представляетъ изъ себя во всю свою ширину ровнаго поля галечника, а послѣдній занимаетъ лишь болѣе или менѣе обычной ширины полосу вдоль русла рѣки, по сторонамъ же между этимъ галечниковымъ ложемъ и горами расположены болѣе или менѣе плоскія предгорья.

На лѣвомъ берегу рѣки эти предгорья иногда имѣютъ видъ почти горизонтальныхъ террасъ и плоскогорій, на правомъ они поднимаются значительно болѣе круто, но ни съ той, ни съ другой стороны горы не подходятъ здѣсь почти отвѣсными стѣнами къ рѣкѣ, какъ это было на лѣвомъ берегу выше воротъ. Кое-гдѣ между нынѣшнимъ русломъ рѣки и предгорными террасами лежитъ старое русло, успѣвшее частью покрыться почвеннымъ слоемъ и заросшее кустарниками. Лѣсъ кое-гдѣ спускается даже къ самой водѣ, но, вообще говоря, книзу отъ воротъ онъ растетъ довольно высоко, и чѣмъ ниже по теченію рѣки, тѣмъ выше онъ уходитъ въ горы и къ устью Иньльчека сходитъ на нѣтъ. На правомъ берегу рѣки полоса предгорій вездѣ уже, чѣмъ на лѣвомъ, къ устью Теза она быстро суживается и немного ниже послѣдняго совершенно пропадаетъ, и горы подходятъ крутыми стѣнами вплотную къ рѣкѣ и такъ идутъ уже до самаго Сарджаса.

Лѣвые склоны долины ниже воротъ, въ противоположность тому, что мы видимъ кверху отъ послѣднихъ, гораздо болѣе пологи, чѣмъ правые, во многихъ представляютъ хорошо выраженные террасы, число которыхъ въ низовьяхъ рѣки, какъ мы видѣли, кое-гдѣ доходитъ до четырехъ, а иногда образуютъ даже немного выше уровня рѣки обширныя ровныя площади частью лугового, частью степного характера. Одна изъ такихъ широкихъ, совершенно плоскихъ полянъ тянется кверху отъ мѣста нашей стоянки у Теза и мѣстами представляетъ изъ себя довольно скудную степь, мѣстами же—прекрасные участки, покрытые луговою растительностью. На этой полянкѣ я нашелъ нѣсколько старинныхъ калмыцкихъ могилъ и 2 бабы, высѣченныя изъ темнаго камня, причемъ у одной изъ нихъ высѣчено только лицо, а у другой изображенъ и головной уборъ.

Снѣжныя вершины видны въ этомъ мѣстѣ долины только на лѣвыхъ склонахъ, правые же лишены снѣга до самаго гребня хребта. При этомъ они сильно размыты водою. Растительность на днѣ долины и первыхъ террасахъ по лѣвому берегу кверху отъ Теза въ общемъ тоже имѣетъ совершенно степной характеръ, и у меня здѣсь отмѣчены три типа растительнаго покрова, чаще всего попадавшіеся мнѣ: 1) полынь (*Artemisia maritima*), тепискенъ (*Eurotia ceratoides*), типецъ (*Festuca ovina*); 2) ковыль (*Stipa capillata*) и 3) почти чистый типецъ (*Festuca ovina*). Мѣстами про-

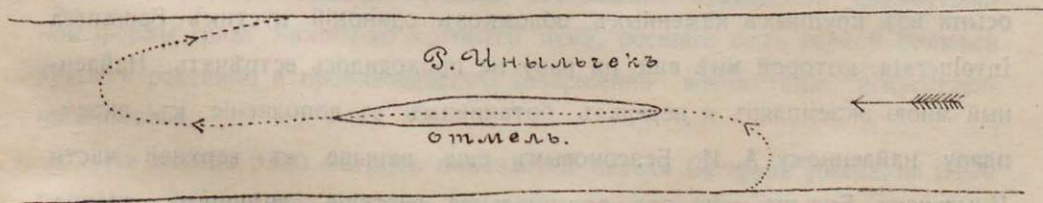
тивъ выхода изъ горъ щелей, даже въ настоящее время безводныхъ, эта степная растительность прерывается свѣжими луговинками съ *Cerastium trigynum*, *Taraxacum officinale*, *Galium* sp., *Saussurea* sp., *Astragalus* sp., *Gentiana* sp. разными зонтичными и злаками. Кое-гдѣ террасу прорѣзываетъ поперекъ, т. е. по направленію горъ къ рѣкѣ, полоска почти чистаго эдельвейса (*Leontopodium sibiricum*) или чіа (*Lasiagrostis splendens*).

Вечеромъ 9-го августа въ нашемъ лагерѣ вдругъ поднялся переполохъ: киргизы засуетились, начали бѣгать къ рѣкѣ и обратно, о чемъ-то разсуждать съ большимъ оживленіемъ и видимымъ волненіемъ, такъ что можно было предположить, что случилось какое-нибудь необыкновенное происшествіе. Оказалось, что вся эта кутерьма поднялась изъ-за того, что очень быстро начала прибывать вода въ Иньльчекѣ. Повышеніе уровня одно время было настолько сильное, что можно было наблюдать, какъ на вашихъ глазахъ камни покрываются водою, и вотъ наши мѣстные каиндинскіе киргизы объявили, что такое быстрое поднятіе воды свидѣтельствуешь о томъ, что теперь вода прибудетъ настолько, что займетъ почти всю ширину долины, и что въ теченіе 20 дней нельзя будетъ и думать о переправѣ черезъ Иньльчекъ. Не знаю, вѣрили ли сами авторы своимъ разсказамъ, или они преслѣдовали при этомъ какія-нибудь непонятныя мнѣ цѣли, но нашихъ служащихъ они напугали въ достаточной степени, да не остались равнодушными и нѣкоторые изъ участниковъ экспедиціи. Я же не придалъ особаго значенія тому, что говорилось, такъ какъ, во-первыхъ, это уже былъ третій случай прорыва озера, о которомъ я слышалъ за время нашей поѣздки, а это уже само по себѣ было невѣроятнымъ, во вторыхъ, прибыль воды въ случаѣ дѣйствительнаго прорыва озера, была бы конечно, несравненно значительнѣе и интенсивнѣе и, въ третьихъ, она на нашихъ глазахъ стала замедляться и дошла до нормальныхъ предѣловъ быстроты ежедневнаго вечернаго повышенія уровня. Возможно, что временное ускореніе поднятія воды, на которое случайно обратилъ вниманіе кто-то изъ киргизъ, было вызвано обваломъ какого-нибудь куска льда на ледникѣ, временно подпрудившаго русла рѣки и въ ея верховьяхъ, а затѣмъ сдвинутаго водою, быстро хлынувшею послѣ этого внизъ, но, конечно, здѣсь не могло быть и рѣчи о прорывѣ какого-то озера, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ эффектъ былъ бы несравненно

значительнѣе. Такъ или иначе, но все хорошо, что хорошо кончается, и на утро 10-го августа, когда намъ надо было переходить Иныльчекъ, оказалось, что состояніе уровня воды въ немъ не угрожаетъ намъ никакими страхами, если не считать возможности подмочить выюки.

Такъ какъ намъ предстоялъ до удобнаго мѣста стоянки очень большой переходъ, то выступили мы значительно раньше обыкновеннаго а, именно уже въ 7 ч. 50 м. утра, причемъ еще съ ранняго утра киргизы ѣздили по водѣ, изслѣдуя и провѣряя бродъ, намѣченный еще вчера по приѣздѣ, до поднятія уровня въ рѣкѣ. Оказалось, что переправа черезъ Иныльчекъ въ этомъ мѣстѣ далеко не такъ проста, какъ была тамъ, гдѣ мы переходили рѣку въ передній путь, такъ какъ здѣсь и воды значительно больше, а главное дно во многихъ мѣстахъ—топкое, причемъ опасность представляютъ не только песчанья мѣста, но и галька, которая кое-гдѣ лежитъ подъ водою настолько неплотно, что лошадь въ ней вязнетъ и легко можетъ погибнуть. Нашимъ проводникамъ все это, конечно, было извѣстно, было также извѣстно, что русло постоянно мѣняется, причемъ мѣняется мѣстоположеніе топкихъ участковъ, чѣмъ и объясняется та тщательность, съ которою они изслѣдовали дно и накануне отъѣзда, и съ утра передъ переправою.

Во время переправы они весьма рѣшительно настаивали на томъ, чтобы мы всѣ ѣхали строго придерживаясь намѣченнаго направленія; выючныхъ лошадей тоже переправляли съ крайнею осторожностью и внимательно слѣдили даже за тѣми лошадьми, которыя шли порожнемъ. Въ результатѣ переправа, несмотря на незначительную ширину рѣки, отняла сравнительно порядочно времени, такъ какъ, помимо необходимости переправлять лошадей по одной—двѣ, самый путь черезъ рѣку оказался весьма сложнымъ и довольно длиннымъ, представляясь въ такомъ видѣ какъ это изображено на чертежѣ:

Выѣхавъ на береговую террасу, мы очень недолго двигались вверхъ по рѣкѣ и затѣмъ спустились въ перерѣзавшій намъ путь глубокой каньонъ съ отвѣсными стѣнами, промытый въ каменистомъ грунтѣ или весенними и дождевыми водами, или же какой-нибудь въ настоящее время высохшей рѣченкой.

Этимъ очень узкимъ и крайне извилистымъ каньономъ мы поднимались довольно долго, затѣмъ ненадолго выбрались на открытый склонъ долины, спустились въ ущелье р. Карасу, опять поднялись на болѣе или менѣе ровныя террасы, проѣхали по очень интересному мягкому косоугору, гдѣ застали на работѣ нашего прежняго знакомаго, штабсъ-капитана Буша, потомъ снова спустились въ ущелье Карасу, и отсюда уже началась болѣе или менѣе тяжелая и трудная дорога. Помимо того, что подъемъ часто бывалъ очень крутъ, иногда особенно крутыя мѣста приходились на каменные осыпи изъ крупныхъ неправильной формы обломковъ, и здѣсь лошади шли съ большимъ трудомъ. Одинъ разъ одна изъ вьючныхъ лошадей оборвалась и упала такъ неудобно, что очутилась лежащей на спинѣ съ поднятыми вверхъ всѣми четырьмя ногами и безъ малѣйшей возможности пошевелиться и выйти изъ этого положенія; пришлось ее развьючивать и вытаскивать на болѣе удобное мѣсто, гдѣ бы она могла подняться на ноги. Передъ вершиной перевала, т. е. уже на значительной высотѣ, гдѣ не только люди, но и лошади начинаютъ двигаться съ большимъ трудомъ, крутизна подъема становится особенно чувствительной, и лошади начинаютъ поминутно останавливаться, такъ что для облегченія ихъ приходится даже иногда слѣзать. Въ результатѣ мы полземъ наверхъ очень медленно, отчасти благодаря необходимости часто поправлять вьюки, такъ какъ при значительныхъ крутизнахъ они неизбежно съѣзжаютъ, какъ тщательно ихъ не прикрѣпляй.

На подъемѣ, на высотѣ около 3450 метровъ я нашелъ на голой осыпи изъ крупныхъ каменныхъ обломковъ одинокій кустикъ *Saussurea involucrata*, которой мнѣ еще ни разу не приходилось встрѣчать. Найденный мною экземпляръ я передалъ ботаникамъ въ дополнение къ экземпляру, найденному А. И. Безсоновымъ еще раньше въ верхней части Иныльчека. Больше намъ это оригинальное растеніе, внѣшнимъ видомъ

нѣсколько напоминающее цвѣтную капусту, не попадалось нигдѣ за всю экспедицію.

На высотѣ около 3500 метровъ около дороги послѣ камней и щебня, по которымъ мы долго ѣхали, показались свѣжія дерновины растительности, вполне напоминающей растительность сыртовъ по Тюзу, лишь съ добавленіемъ какой-то мелкой серебристой *Saussurea*.

Вершины перевала, возвышающагося на 3850 метровъ надъ уровнем моря, мы достигли ровно въ 12 часовъ дня, и здѣсь насъ встрѣтилъ сильнѣйшій вѣтеръ, такъ что несмотря на ясную погоду было такъ холодно, что трудно было оставаться на вершинѣ, и мы поспѣшили начать спускъ. Послѣдній въ началѣ тоже крайне крутъ, но зато идетъ зигзагами по совершенно ровному склону, усыпанному мелкимъ щебнемъ, такъ что никакихъ затрудненій не представляетъ. Уклонъ же настолько великъ, что большинство участниковъ экспедиціи, съ цѣлью облегчить лошадей, шло пѣшкомъ. Ниже дорога входитъ въ ущелье р. Тезъ, которымъ и идетъ на большей части своего протяженія до самаго мѣста остановки, которое мы выбрали въ еловомъ лѣсу на берегу рѣки, немного не доѣзжая до ея выхода къ Сарджасу. Очень часто со склоновъ ущелья къ дорогѣ спускаются обширныя осыпи мельчайшаго сланцевого щебня, на поверхности темно-коричневаго, почти чернаго цвѣта. Въ дѣйствительности же цвѣтъ сланца значительно свѣтлѣе, что особенно рѣзко замѣтно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ положеніе щебня на поверхности осыпи нарушено. А такихъ мѣстъ масса, такъ какъ кое-гдѣ осыпи сплошь изоборождены слѣдами горныхъ козловъ, очевидно водящихся здѣсь въ изобиліи; и слѣды эти выделяются на поверхности каменныхъ осыпей не менѣе отчетливо, чѣмъ на пескѣ или снѣгу, только, конечно, не въ видѣ отпечатковъ въ отдѣльности каждой ноги, а въ видѣ свѣтлыхъ полосъ, перекрещивающихся въ разныхъ направленіяхъ на темной поверхности осыпи. Въ одномъ мѣстѣ на склонѣ ущелья попалась большая совершенно правильной прямоугольной формы гряда какого-то крупнаго лука, росшаго безъ всякой примѣси другихъ растений, и производившаго совершенно впечатлѣніе искусственнаго посѣва.

На высотѣ 3300 метровъ показалась первая *Caragana jubata*, на 3100 метровъ — *Salix*, а еще немного ниже началась и настоящая лѣсная расти-

тельность, и на мѣстѣ нашей стоянки на высотѣ около 2850 метровъ уже растутъ прекрасный еловый лѣсъ съ подѣдомъ изъ *Caragana jubata*, *Lonicera hirsuta*, *Lonicera* sp. *Ribes atropurpurea*, *Cotoneaster vulgaris* и разныхъ ивъ.

Изъ представителей животнаго міра по пути намъ попадалось очень много уларовъ (*Tetraogallus himalayensis*), горные жаворонки (*Otocoris penicillata*), одна краснокрылка (*Tichodroma muraria*), горныя вороны (*P. graculus*) и горихвостки (*Ruticilla* sp.).

Лагерь нашъ мы разбили въ 3 часа дня, послѣ чего я пошелъ походить съ ружьемъ по сосѣдству. Встрѣтилъ 1 какого-то крупнаго зайца, а изъ птицъ—горныхъ трясогузокъ (*Motacilla melanope*), оляпокъ (*Cinelus albiventris*), горныхъ голубей (*Columba rupestris*), двухъ вороновъ (*Corvus corax*), сорокъ (*Pica* sp.), пѣночекъ (*Phylloscopus* sp.), горихвостокъ (*Ruticilla* sp.) и пару *Tinnunculus alaudarius*, не считая, конечно, уларовъ и горныхъ воронъ, которыя здѣсь держатся въ большомъ количествѣ.

Днемъ погода стояла довольно теплая, къ вечеру же стало прохладнѣе, и въ 9 час. вечера термометръ показывалъ меньше 8°.

На слѣдующій день, 11 августа, въ 7 часовъ утра термометръ показывалъ +7,5°, а вскорѣ послѣ нашего выѣзда со стоянки пошелъ довольно сильный дождь, который мочилъ насъ около получаса, но затѣмъ прекратился, и погода на весь день установилась прекрасная. Сперва путь нашъ идетъ хорошимъ еловымъ лѣсомъ, затѣмъ граница лѣса оказывается уже надъ нашей дорогой, и, наконецъ, около впаденія Теза въ Сарджасъ, мы выѣзжаемъ на свѣжую, хорошую луговину, по которой сворачиваемъ вправо, вверхъ по Сарджасу. Дальше дорога идетъ сперва подъ горами вдоль лѣваго берега рѣки, по заросшей густою травою, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно каменистой террасѣ, а потомъ спускается къ водѣ, и нѣкоторое время ѣхать приходится по узкой каменистой прибрежной полосѣ, тѣсясь подъ отвѣсными скалами лѣваго берега. Проѣхавъ отъ мѣста ночлега верстъ 5, мы вдругъ останавливаемся у самой воды и даже, отчасти, прямо въ водѣ, такъ какъ оказывается, что прибрежная полоса камней и гальки прерывается и намъ предстоитъ переправа вбродъ. Правда, переходить здѣсь надо черезъ совершенно ничтожный по своей ширинѣ залив-

чикъ, но бродъ оказывается настолько сложнымъ, что переправа заняла у насъ ровно 40 минутъ.

Дѣло въ томъ, что прибрежная галечниковая полоса здѣсь отходитъ

отъ каменной стѣны, подъ которой она до сихъ поръ пролежала, и заканчивается нагроможденіемъ каменныхъ глыбъ, обру-

шившихся съ берегового отвѣса и образовавшихъ собою конецъ выдающейся противъ теченія рѣки косы. При этомъ заливъ, отдѣляющій косу отъ береговой стѣны очень глубокъ и имѣетъ топкое дно, такъ что по нему вести лошадей нельзя, и приходится дѣлать тотъ путь, который изображенъ на чертежѣ, т. е. доводить лошадей до конца косы и затѣмъ переводить ихъ черезъ нагроможденныя другъ на друга огромныя, острыя каменные глыбы, по которымъ лошади пробираются съ величайшимъ трудомъ, едва переставляя ноги, то карабкаясь на камни, то сползая, или же прямо спрыгивая съ нихъ. Но еще прежде чѣмъ добраться до этихъ камней, приходится принимать мѣры къ тому, чтобы лошади не сошли съ узкой косы въ воду заливчика, такъ какъ, по словамъ киргизъ, въ этомъ заливчикѣ уже погибло немало киргизскихъ лошадей, и будто бы даже были случаи гибели людей, настолько сильно засасываетъ тамъ дно.

Въ результатѣ, на этомъ крошечномъ участкѣ нашего пути, всего на протяженіи какихъ-нибудь 10 сажень понадобился трудъ всѣхъ служавшихъ экспедиціи: люди выстроились въ рядъ по тому направленію, гдѣ должны были проходить лошади и передавали ихъ по одной за поводъ изъ рукъ въ руки до того мѣста, гдѣ надо было переходить черезъ довольно глубокий, но неширокий проливчикъ, и гдѣ ихъ уже принималъ нашъ главный проводникъ, Кудакельды. Вскорѣ послѣ этого брода мы выѣхали на свѣжую, зеленую равнину, по которой течетъ въ этомъ мѣстѣ Сарджасъ. На нашемъ берегу она не широка, на правомъ же значительно шире и тамъ отчетливо видѣются три террасы, надъ которыми возвышается совершенно ровное плато Арпа Тектырь. Эти террасы представляютъ изъ себя непосредственное продолженіе террасъ праваго

берега р. Куелю, къ сліянію которой съ Сарджасомъ мы вскорѣ и подъѣзжаемъ. Куелю—одинъ изъ правыхъ притоковъ Сарджаса, самый верхній изъ крупныхъ, но въ мѣстѣ своего впаденія въ главную рѣку онъ не производитъ впечатлѣнія притока, а кажется нисколько не уступающимъ по величинѣ Сарджасу, и мѣсто, гдѣ рѣки сходятся, притомъ подъ довольно острымъ угломъ, производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто здѣсь происходитъ не впаденіе одной рѣки въ другую, а сліяніе двухъ совершенно равнозначущихъ водныхъ источниковъ. Въ дѣйствительности же это, конечно, далеко невѣрно, и Куелю по многоводности значительно уступаетъ Сарджасу; но послѣдній здѣсь проходитъ по узкому, стѣсненному скалами ложу, а Куелю течетъ въ широкой долинѣ. Во всякомъ случаѣ количество воды, приносимой Куелю, настолько велико, что ниже ея устья Сарджасъ во время нашей поѣздки былъ совершенно непроходимъ вбродъ, и намъ по необходимости пришлось дѣлать лишній путь, поднимаясь кверху отъ впаденія Куелю, чтобы найти мѣсто, гдѣ бы можно было перебраться черезъ Сарджасъ. Одно изъ такихъ мѣстъ находится немного выше устья Куелю, и здѣсь наши киргизы послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ нашли бродъ, по которому мы и переправились на правый берегъ Сарджаса. Правда, и эта переправа заняла у насъ много времени, такъ какъ, благодаря значительной глубинѣ и быстротѣ теченія, лошадей переводили по одной, причемъ не только каждого изъ насъ, но и каждую вьючную лошадь окружала группа изъ нѣсколькихъ верховыхъ киргизъ, но благодаря ровному дну никакой опасности переправа не представляла, кромѣ риска подмочить вьюки, нѣкоторые изъ которыхъ дѣйствительно и были подмочены. Дорога наша отъ устья Куелю до этой переправы шла ущельемъ Сарджаса, причемъ, то проходила по дну ущелья, то лѣпилась довольно высоко, идя эффектнымъ, но довольно широкимъ и вполне удобнымъ карнизомъ, а затѣмъ вышла на совершенно ровную долину площадью въ нѣсколько сотъ десятинъ, носящую степной характеръ и только по берегамъ проходящаго черезъ нее бокового ручейка покрытую болѣе свѣжею луговою растительностью. Послѣ переправы черезъ рѣку мы перевалили черезъ мягкіе пологіе увалы, образующіе уголъ между Куелю и Сарджасомъ и вступили въ долину первой изъ этихъ рѣкъ. Этою долиною мы поднялись нѣсколько верстъ лѣвымъ ея берегомъ и затѣмъ, переправившись

Рис. 9. Видъ на Кызыль-Капчигай и горы по Кую-капу

Рис. 10. Долина р. Куелю.

черезъ довольно удобный бродъ, разбили лагерь на правомъ берегу рѣки у самага лѣса и отчасти въ лѣсу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ лагерь одинъ изъ участниковъ нашей экспедиціи проф. В. В. Сапожниковъ, въ свое прежнее путешествіе по Семирѣчью. (См. рис. 10).

Долина Куелю (сажа) получила свое названіе отъ совершенно черныхъ скалъ, среди которыхъ протекаетъ рѣка въ своихъ верховьяхъ и которыя образуютъ перевалъ этого же наименованія. Уже около мѣста нашей стоянки, версты $2\frac{1}{2}$ ниже р. Сарыголота долина Куелю довольно широка и представляетъ мѣстами совершенно горизонтальныя, прекрасно выраженный террасы, часто очень живописно размытыя водой, съ мягкими склонами, покрытыми степною растительностью, и очень незначительнымъ количествомъ, а часто и полнымъ отсутствіемъ камней. Основу растрельнаго покрова составляютъ мѣстами типецъ (*Festuca ovina*), мѣстами ковыль (*Stipa capillata*), съ очень незначительною примѣсью другихъ видовъ. Выше по долинѣ, особенно на правомъ берегу рѣки, т. е. на затѣненномъ склонѣ, преобладаетъ флора сыртоваго характера со *Stipa mongolica*, *Saussurea pygmaea*, *Aconitum* и разными генціанами.

По долинѣ Куелю выше устья Торпу проходитъ крупный скотопронный промышленный трактъ, по которому гонять скотъ съ Каркаринской ярмарки въ Фергану.

Приблизительно противъ устья р. Молло терраса праваго берега сходитъ на нѣтъ, и здѣсь лѣсъ спускается почти къ самой рѣкѣ; немного выше въ полосѣ лѣса образуется перерывъ, а затѣмъ, еще выше по долинѣ лѣсъ доходитъ до самой воды. Лѣвые склоны долины безлѣсны, а лѣвобережная терраса у устья Молло выражена еще хорошо и исчезаетъ только выше послѣдняго, послѣ чего горы подходятъ къ самой рѣкѣ, образуя, впрочемъ, довольно пологіе склоны. Галечное ложе рѣки въ этомъ мѣстѣ сильно расширяется, и Куелю течетъ здѣсь многочисленными рукавами. Лѣсъ въ долинѣ—еловый съ подсѣдомъ изъ *Saragana jubata* и разныхъ видовъ ивъ.

Что касается фауны, то она здѣсь не особенно разнообразна, но зато тутъ намъ впервые за всю поѣздку попался интересный звѣрокъ, очень обыкновенный въ Сибири и весьма рѣдко и спорадически попадающійся въ Семирѣчѣ. Звѣрокъ этотъ—сѣноставецъ (*Lagomys alpinus*), по

киргизски почему то называемый тинъ-тшканъ, что значить «копѣчная мышь»; держится онъ по каменнымъ осыпямъ среди лѣса или кустарныхъ зарослей и лично мною встрѣченъ только на Куелю и на Каргалыкскомъ перевалѣ (между Тогузъ-Торау и р. Алабугой), да, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, встрѣчается кое-гдѣ въ Заилійскомъ Алатау и Кунгей Алатау. Въ долинѣ Куелю онъ, повидимому, почему то особенно распространенъ и можетъ быть названъ даже многочисленнымъ. Въ лѣсу по камнямъ я находилъ много нарѣзанныхъ сѣноставцами и положенныхъ для просушки листьевъ *Corydalis* sp. и особенно *Astragalus frigidus*, но готовыхъ стожковъ сѣна не видѣлъ хотя, по словамъ киргизъ, зимою они попадаются. Кромѣ сѣноставцевъ, здѣсь много сурковъ, масса обыкновенныхъ туркестанскихъ зайцевъ (*Lepus tolai*), добытъ *Foetorius alpinus* съ какою то мышью въ зубахъ, есть, конечно, масса горныхъ козловъ и, по словамъ моего киргиза—препаратора, живетъ какой-то крупный заяцъ съ очень пушистою свѣтлою шерстью, но во всякомъ случаѣ не *Lepus tolai* и не бѣлякъ. Возможно, что этого же зайца я встрѣтилъ на Тезѣ и въ Каиндахъ, и что это—какой-нибудь новый, еще не описанный видъ. Для иллюстраціи того, насколько еще многочисленны кое-гдѣ въ Семирѣчьи горные козлы (*Capra sibirica*) я могу привести такой фактъ: одинъ изъ служащихъ экспедиціи, профессиональный охотникъ-киргизъ, за одну зиму добылъ въ долинѣ Куелю и по сосѣдству съ нею 96 штукъ этихъ животныхъ.

Изъ птицъ въ лѣсу я нашель *Poecile songara*, *Parus rufipectus*, *Ruticilla erythronota*, *Acentor atrigularis*, *Phylloscopus* sp., 1 *Tinnunculus alaudarius*, *Regulus tristis* и много тѣхъ и другихъ горныхъ воронъ; по скаламъ правого берега, надъ лѣсомъ въ огромномъ количествѣ держатся улары (*Tetraogallus himalayensis*), и сравнительно очень обыкновенны стѣнолазы (*Tichodroma muraria*), на лѣвыхъ склонахъ попадались кеклики (*Caccabis chukar*), а на галечникѣ у рѣки встрѣчены три серпоклюва (*Hidorhynchus Struthersi*; одинъ былъ замѣченъ также на Сарджасѣ), выводокъ *Saxicola oenanthe* и какая-то *Motacilla*. Въ долинѣ Куелю мы сдѣлали дневку, во время которой одни изъ участниковъ экспедиціи знакомились съ ближайшими окрестностями нашей стоянки, другіе же совершили болѣе или менѣе отдаленныя экскурсіи. Погода весь день 12 августа была сравнительно не дурная, если принять во вниманіе высоту мѣстности надъ уровнемъ

моря. Дѣйствительно, лагерь нашъ былъ расположенъ на высотѣ около 2800 м., а экскурсировалъ я въ этотъ день вверхъ по долинь и, слѣдовательно, находился все время на высотѣ приблизительно трехъ верстъ выше уровня моря. Между тѣмъ, солнце грѣло преизрядно, хотя *le fond de l'air*, какъ говорятъ французы, все-таки все время оставался холоднымъ; дождичекъ начинался нѣсколько разъ, но очень незначительный, при чемъ каждый разъ быстро прекращался, и снова выглядывало солнце, при совершенной тишинѣ воздуха. Одинъ разъ изъ ущелья въ верховьяхъ рѣки вдругъ налетѣлъ сильнѣйшій порывъ вѣтра, который быстро промчался внизъ, послѣ чего воцарилась прежняя тишина. Въ 9 час. вечера 11-го температура воздуха была $+5^{\circ}$, въ 9 час. утра 12-го $+6,5^{\circ}$, въ 6 час. вечера 12-го, въ моментъ заката солнца $+11,5$, въ 9 ч. вечера 12-го $+7,5$, а въ 6 $\frac{1}{2}$ ч. утра 13-го всего лишь $+2^{\circ}$.

Въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ утра 13-го мы тронулись въ дальнѣйшій путь сперва по долинь одного Торпу, потомъ по другому и, наконецъ по Оттуку, на берегу котораго и остановились лагеремъ въ половинѣ второго. Дорога все время вполне удобная и нетрудная, и только кое-гдѣ попадаются довольно крутыя мѣста. Перевалъ, возвышающійся на высоту около 3500 м., представляетъ изъ себя почти совершенно горизонтальное плато, поросшее одною какою-то мелкою осокою. Ничего интереснаго сегодняшній путь не представлялъ, и даже изъ птицъ намъ попались только горныя вороны, *Columba rupestris*, да выводокъ *Ruticilla erythrogastra*. И только на мѣстѣ вечерней остановки, на Оттукѣ встрѣтили серпоклюва, какую-то оляпку и бекаса — отшельника (*Scelopax solidaria*). Здѣсь же, на прибрежной галькѣ, мы въ изобиліи нашли великолѣпное альпійское растеніе рихтерію (*Richteria leontopodium*), на одномъ изъ экземпляровъ котораго, сфотографированномъ мною, было цѣлыхъ 18 штукъ цвѣтовъ. Кромѣ Оттука, этотъ изящнѣйшій цвѣтокъ былъ найденъ ботаниками экскурсіи еще на ледникѣ долины Каинды, но тамъ это были жалкіе, мелкіе экземпляры, весьма мало напоминающіе великолѣпные экземпляры, растущіе на Оттукѣ.

Наша стоянка по этой рѣкѣ осталась памятной, благодаря царившей здѣсь очень низкой температурѣ: ночью замерзли не только всѣ лужи, но кое-гдѣ и ручейки. Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ сперва по ущелью Оттука, затѣмъ черезъ перевалъ Ашутеръ на рѣчку того же имени и дальше по долинь Тургенъ-Аксу, по которой мы и выѣхали къ почтовому

тракту у станції Джергаланъ. Такъ какъ мнѣ непременно хотѣлось въ этотъ день добраться до Пржевальска, то я выѣхалъ еще до восхода солнца и дѣйствительно передъ вечеромъ поспѣлъ въ Джергаланъ, откуда поѣхалъ на почтовыхъ, и ровно въ 12 ч. ночи въѣхалъ въ Пржевальскъ, закончивъ, такимъ образомъ, экспедицію. Остальные участники остались ночевать на Тургень-Аксу и пріѣхали на слѣдующій день, 15 августа, т. е. какъ разъ въ тотъ самый день, когда по нашимъ предположеніямъ должна была закончиться экспедиція.

Останавливаться на этой части пути я особенно не буду, такъ какъ онъ уже не входитъ въ районъ нашихъ работъ и, кромѣ того, проходитъ по мѣстамъ сравнительно часто посѣщаемымъ и потому довольно хорошо извѣстнымъ, а слѣдовательно, и мало интереснымъ.

Изъ ущелья Оттука мы свернули вправо и поднялись на усыпанный щебнемъ хребетъ, который и перевалили на высотѣ около 3650 м. Спускъ съ хребта оказался довольно труднымъ, во первыхъ, благодаря значительной крутизнѣ, главнымъ же образомъ благодаря тому, что насыщенная водою почва замерзла, и лошади шли съ большою опаскою. На высотѣ около 3150 метровъ показались первые кусты арчи (*Juniperus sabina*), а на 2950 метрахъ—первая ель. По выѣздѣ въ долину Тургень-Аксу мы поворачиваемъ подъ прямымъ угломъ направо и сперва долго ѣдемъ мягкими альпійскими лугами, а ниже тамъ, гдѣ долина суживается, въѣзжаемъ въ лѣсъ, который здѣсь спускается по обоимъ склонамъ до дна долины. Самая долина Тургень-Аксу, наверху очень широкая, а книзу сильно суживающаяся съ тѣмъ, чтобы ниже лѣса опять расшириться, очень живописна и производила бы чарующее впечатлѣніе, если бы не убійственная дорога, по которой приходится ѣхать въ лѣсной части ущелья. Здѣсь тропа извивается между деревьями, при чемъ движеніе до послѣдней степени затрудняется не только безконечными, торчащими изъ земли, корнями и висящими надъ тропинкой вѣтвями, но еще и безчисленными камнями и обломками скалъ, которыми на огромномъ протяженіи сплошь усыпаны склоны долины. Въ результатѣ, на протяженіи многихъ верстъ ваша лошадь едва пробирается среди сплошныхъ разнообразныхъ загражденій, между которыми ползетъ тропинка, и вы ни на мгновеніе не можете опустить поводья или посмотреть куда-нибудь въ сторону, не рискуя или за-

цѣпиться ногою за камень или полетѣть черезъ голову вмѣстѣ съ лошадыю, такъ какъ уклонъ дороги во многихъ мѣстахъ нисколько не сообразуется съ характеромъ мѣстности и идетъ подъ такимъ угломъ, подъ какимъ, казалось бы, можно спускаться только по совершенно ровной мѣстности. Возможно, что на меня эта часть пути произвела такое удручающее впечатлѣніе потому, что намъ пришлось здѣсь спускаться и, что при подъемѣ впечатлѣніе было бы инымъ, но спускъ здѣсь настолько неприятенъ и утомителенъ, что лично я худшаго мѣста не видѣлъ нигдѣ въ Семирѣчьи, хотя сдѣлалъ по горнымъ тропинкамъ не одну тысячу верстъ. Да и наиболѣе опытные изъ нашихъ кара-киргизъ говорили, что въ Пржевальскомъ уѣздѣ они не знаютъ худшей дороги. Понятно, что, если настолько неудобно здѣсь ѣхать верхомъ, то еще хуже дѣло обстоитъ съ вьюками, такъ какъ они сплошь да рядомъ не могутъ пройти по тропинкѣ между двумя камнями, и приходится вести лошадь прямо черезъ камни, безъ всякой дороги, въ результатъ чего нашему каравану приходилось чуть-ли не ежеминутно останавливаться, съ цѣлью поправить вьюки то у той, то у другой лошади. Только уже пробѣжавъ этотъ невозможный путь, мы узнали, что имѣется еще другая дорога, вполне удобная и минующая всѣ неудобныя мѣста, но почему насъ повели здѣсь, а не тамъ, мы такъ толкомъ добиться и не могли. Въ довершеніе всего, оказалось, что удобная дорога еще значительно сокращаетъ разстояніе, такъ что здѣсь, видимо, произошло просто какое-то странное недоразумѣніе. Въ лѣсу по Тургень-Аксу меня поразило огромное количество живущихъ здѣсь королевскихъ вьюрковъ (*Serinus pusillus*); кромѣ вьюрковъ, здѣсь много трехпалыхъ дятловъ (*Picus tridactylus*), пѣночекъ и встрѣчены обыкновенныя вороны (*Corvus corone*) и крапивники (*Troglodytes pallidus*), которыхъ мы уже давно не встрѣчали. У воды попадались оляпки и горныя трясогузки (*Motacilla melanope*). Съ выѣздомъ изъ лѣса и вступленіемъ въ нижнюю, культурную часть долины Тургень-Аксу я прекратилъ веденіе дневника, такъ какъ достигъ района хорошо извѣстнаго и не представляющаго интереса новизны, и потому здѣсь я нахожу естественнымъ закончить настоящую работу, предметомъ которой было описаніе части нашего пути, проходившей по мѣстамъ, сравнительно мало изслѣдованнымъ, частью же почти вовсе не изслѣдованнымъ.
